

ЛЮБОВЬ.
КОНТРОЛЬ.
ОДЕРЖИМОСТЬ.

АНАТОМИЯ ОДЕРЖИМОСТИ

ОНА ВИДЕЛА ЕГО НАСКВОЗЬ.
ОН ХОТЕЛ ПОГЛОТИТЬ ЕЕ ЦЕЛИКОМ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АВТОР
Encanto9

18+

18+

Encanto 9

Анатомия одержимости

<https://litres.ru/74612693>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — студентка-криминалист, которая видит людей насквозь. Он — сын её новой мачехи, который два года не подпускает к себе никого. Одно разорванное свадебное приглашение, одно случайное объятие — и начинается расследование, где главный подозреваемый — её собственное сердце.

Эту книгу можно не только читать. Её можно смотреть.

Я превратила роман «Анатомия одержимости» в мини-сериал: живые сцены, лица, атмосфера, дождь за окном, бордовый Камаро на трассе и тот самый взгляд снизу вверх — всё это теперь существует не только в вашем воображении, но и на экране.

Где смотреть: мой Instagram — @el_suenos9

Формат: мини-сериал по мотивам романа

Новые эпизоды — регулярно, по мере выхода глав

Содержание

Глава 1: Приглашение	4
Глава 2: Сорок три удара	33
Глава 3: Мрачный древнегреческий бог	43
Глава 4: Шампанское и мята	63
Глава 5: Под звуки Пьяццоллы	80
Глава 6: Половина лестницы	92
Глава 7: Две женщины в одной голове	113
Глава 8: Четыре двадцать пять	130
Глава 9: Протокол нарушений	147
Глава 10: Уговор	172
Глава 11: Звонок, чипсы и правда	198
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Encanto 9

Анатомия одержимости

Глава 1: Приглашение

Алиса ненавидела ездить по Рублёвке в субботу.

Ни пробки, ни дорогие внедорожники, ни этот сверкающий показной мир ей никогда не нравились — а сегодня и подавно. За окном клёны уже оделись в медные листья, а внутри бордового «Камаро», пахнувшего пролитым кофе, кожей сидений и едва ощутимым бензином, Алису не отпускала мысль: всё равно не её это утро. Машину — шикарную по меркам былых лет, с потрескавшимся лаком и капризной коробкой передач — подарил ей отец на совершеннолетие. Без лишних церемоний: *«Держи ключи. Но за ремонт сама отвечаешь.»* Она тогда даже не попыталась спорить — хотя могла бы.

За рулём она сама решала, куда ехать и когда возвращаться. Сегодня свободы хотелось снова, но отец попросил — и она поехала туда, куда не хотела.

За рулём этого хулиганского авто она впервые по-настоящему почувствовала себя свободной. Когда хочется — уехала; надоело — вернулась; и никто тебе не указ. Правда, сегодня желание развернуть машину прямо посреди дороги бы-

ло чуть ли не сильнее, чем когда-либо за эти четыре года самостоятельной жизни: учеба, дипломная работа в лаборатории, какая-никакая карьера криминалиста (в профессии наконец-то никто не спрашивал, чья она дочь) — всё это выстраивалось исключительно по её правилам. Но стоило отцу тихо спросить: «Ты ведь не против?», как вся эта внутренняя броня тут же рассыпалась.

Она понимала свою слабость очень чётко. Не страх проиграть в споре, не боязнь быть пойманной на какой-то ошибке... Нет. Это выражение лёгкого разочарования во взгляде Виктора Сергеевича испытывала на себе с детства — мимолётное, едва заметное, но достаточно холодное, чтобы на несколько часов он становился словно чужим человеком. Уступать ему — привычка давнишняя

Теперь осталось ехать сорок минут до очередного бездушного особняка на Новой Риге. Навигатор упирался: сорок минут туда и столько же обратно — и всё ради одного конверта для Марка Волкова. Лежит этот толстенький кремовый конверт с золотым тиснением на пассажирском сиденье — свадебное приглашение прямиком от новой избранницы отца. Елены. Вроде как будущей мачехи. Если папе вдруг совсем крышу не снесёт на финише.

Сегодня ранним утром за кухонным столом Елена мешала кофе так лениво, словно всё происходящее касается кого угодно, но только не её самой: «Марк живёт там же... Курьеры туда редко суются». Даже глаз на неё поднять не

потрудились — понятный сигнал: уговаривать никто никого не будет. Все решения давно за неё приняты.

Любопытно было наблюдать за ней со стороны: слова вроде бы спокойные, а вот в лице мелкая дрожь брови промелькнула — то ли вина перед сыном-маргиналом где-то там шевельнулась, то ли просто опасается трогать старые раны Виктора Сергеевича прямо при Алисе. Поймала её взгляд мельком — и сразу поняла: та не столько ждала реакции или поддержки, сколько искала в её глазах крошечный кивок, который можно было бы принять за разрешение наконец сбросить с плеч этот старый груз. Будто одного молчаливого «можно» хватило бы, чтобы перестать оглядываться на прошлое.

Ей стало любопытно посмотреть на Марка.

Интересно стало взглянуть на того самого Марка лично — парня из семейных баек про «непонятных трудных подростков» (от которых потом уходят матери-летучки Елены), теперь вдруг оказавшегося главным скелетом нового семейства до свадьбы. *Что ж там такого? Стоит разобраться без всех этих театральных репетиций про прощение...* Ведь для Алисы честнее всего были факты: что отпечатки подошвы совпадают с грязью у порога; что алиби реально подтверждено часами видеозаписи; что улики вообще есть (или их нет). В таких вещах душевные исповеди ценятся ниже самой дешёвой бумажки.

Человеческую природу она ещё со школы пыталась изу-

чать — угадывать мотивы по одной случайной улыбке или по тому самому нервному движению ключиц при вопросе *«всё в порядке?»*. Только жизненный опыт подкинул неприятный вывод: порой видишь вовсе не человека настоящего, а желаемый образ себя, искусно тобой же созданный для чужих глаз.

С Виктором Сергеевичем такая игра никогда особенно не удавалась: замкнутый человек по природе своей всегда остается закрытой книгой — хоть ты царапай обложку ногтями, хоть задавай самые хитрые вопросы между делом... С Еленой проще вроде бы (слишком гладко рассказывает свою историю этой новой семьи). Однако если жизнь Алису чему-нибудь научила — так это искать те самые шероховатости между строк идеально вычищенных фраз.

Вот уж чего-чего она точно знала про себя: интуиция интуицией, но настоящее становится ясным только после экспертизы реальных следов и обстоятельств. Всё остальное — красивые придумки для внутреннего театра одного актёра за рулём старого «Камаро».

Особняк вынырнул из-за кленов так резко, будто его кто-то только что поставил на идеально подстриженный газон — ни клочка небрежности, ни одной забытой вещи на крыльце. Эти светлые панели, тёмные окна, как взгляд за зеркальными очками: вроде всё на виду, а попробуй пойми, есть там кто-нибудь вообще. Алиса почти играючи отметила три камеры

ещё до того, как притормозила у ворот. Дом выглядел абсолютно жилым, но тут не было ощущения жизни — только следы павшей бурей по понедельникам уборщицы и рукава профессиональных садовников.

Впрочем, в домах такого калибра настоящая жизнь редко плещется по фасаду. Она обычно прячется за дверями с двойным замком, для своих.

Высокие ворота, чёрный металл — сюда просто так не заглянешь. А камер... камер хватило бы на небольшую резиденцию какого-нибудь посла, а не обычного любителя шашлыков по выходным. Алиса механически отметила лишние глаза: уже сто раз ловила себя на том, что привычная догадка надёжно заставляет мозг пропустить что-то второе и важное сбоку. Природа памяти такая — стоит расслабиться, и ты уже зарываешься в самую банальную версию.

Камаро тяжело притормозил перед воротами: Алиса открыла дверь — звук каблучков разбежался по асфальтовой дорожке эхом (густо, как гул в пустом зале). У домофона пальцы легли на кнопку.

— Алло? — откликнулся бас через динамик. Голос мужской, с акцентом — похоже, Восточная Европа или Балканы; Алиса вслушалась рефлекторно.

— Здравствуйте! Меня зовут Алиса Корнеева. Я от Елены Волковой. У меня приглашение для её сына — Марка Волкова.

Повисло молчание — короткое, но неприятно заметное

для таких разговоров пауза.

Вот сейчас он сверяет имена по бумажке или делает звонок дальше по цепочке: «Тут какая-то Алиса пришла». И даёт себе внутренний обет узнать попозже детали – вдруг это действительно правда? А Марк вообще знает о свадьбе или мама решила сделать сюрприз?

— Проезжайте, мисс, — отрезал голос чуть теплее через секунду (решил вопрос наверху или дал шанс лично).

Ворота дрогнули и стали раздвигаться в стороны с жужжанием тяжелого двигателя. Алиса вернулась к машине и медленно въехала во двор. Rolls-Royce ржавел рядом с её Камаро нелепым кораблём старых денег — явно тут кто-то в гостях либо приезжал показать солидность; хотя вряд ли этот дорогуший слонёнок был игрушкой Марка — Rolls-Royce обычно предпочитают уйти к тем, кому дороги фамилия и статус.

Конверт лег в ладонь приятно тяжёлым весом: кожаная куртка — надёжный доспех против чужого взгляда — и шаг к парадному входу широкими ступенями (в таких местах чувствуешь себя либо шпионом из Симмонса, либо героем книги Агаты Кристи).

Особняк оказался гигантом с настроением: две крылатые руки из серого камня; панорамные стеклянные стены смотрели на мир решительно; балкон второго этажа держался тяжёлым железомковки. *Симметрия была лишь иллюзией: левое крыло громоздилось выше правой части; здесь явно*

строили в два этапа — менялись деньги или настроение хозяев? Для Алисы архитектура была делом самодовольных эстетов-перфекционистов: ей были интереснее люди внутри.

Дворецкий встретил её на пороге демонстративно безупречен: высокий взгляд человека без возраста (пятьдесят плюс/минус десять лет и десятилетие опыта тихого наблюдения). Он скользнул по ней таким уровнем внимательности, каким оценивают скорее неожиданный багаж перед долгой поездкой («этот чемодан точно ваш?»), чуть дольше задержал глаза — не угроза ещё, тревога едва приметная для непривычного взгляда.

Алиса уловила момент настороженности: возможно здесь знают о ком-то больше обычного... (Правда потом она поймёт: Григорий всегда так встречал женщин после восьми лет мужского одиночества в доме).

— Мисс Алиса? – еле заметный поклон головы.

— Да.

— Просим пройти. Господин Волков сейчас спустится. Ожидайте его в гостиной.

«Господин Волков» вместо банального «Марк». Не звучало снисходительности в интонации; скорее осторожность или уважение — живёт не парень со сложностями характера и миллионами родителей-разводчиков, а хозяин большого дома с семейными правильностями неправильно сложенной судьбы.

Грубо говоря, если бы к тебе домой зашёл такой человек

– ты бы тоже невольно выпрямился.

Гостиная тонула в объёме воздуха четырёхметровых потолков вместе с серьёзными картинами на стенах (настоящими: для них больше смысла было купить что надо хорошему коллекционеру сразу оригинал). Тёмная мебель держалась тяжёлым деревом и кожей для солидности. Лепнина и камин белого мрамора напоминали фильмы про старую Европу богатого класса «А».

Жить здесь одному всё равно что водить Формулу-1 по пустому треку каждый день: можно много времени проводить среди этого пространства только если привык жить бок о бок с тенями прошлого.

Алиса тихо подошла к камину; фотографии населяли полку серебряной стойкой коллекцией раритетов – разглядывать их хотелось спокойно (но дыхание дворцового почти слышалось за спиной). Она наклонилась поближе к снимкам; Григорий сделал шаг вперёд незаметно чутким человеком-пластырем дома – готов был остановить слишком длинный взгляд посторонней девушки на чужих тайнах семьи.

Снимки говорили прямо:

Отец – мужчина сорока с хвостиком – профиль рыбака соседнего озера (тот же подбородок у Марка), волосы густые тёмные.

Мать красивая и холодная женщина – улыбка как лёд тонкой корки весной.

Мальчик между ними семи-восемью лет – смотрит серьёз-

но прямо внутрь объектива фотоаппарата; угол снимка подломлен так аккуратно и искренне непрочно одновременно...

«*Бедный малыш...*» — мелькнула мысль у Алисы прежде, чем отбросить сожаление во внутренний ящик привычного анализа: жертвы или аутисты тут определяются не взглядами матерей на морозе семейных институтов — она сама когда-то позволяла ненаблюдаемому опыту управлять выводами (и представлять себе удобную версию любой чужой драмы).

И тут же за спиной шелестит паркет.

Повернулась на звук...

Он стоял там — наверху лестницы — напряжённо задумавшись о чём-то своём уже давно до того момента как она вошла.

Он всё видел: её открытую настороженность у камина; её попытку читать родословную с полки жизни...

И теперь оба понимали друг о друге немного больше за считанные минуты без слов.

Он следил за мной. Именно это, как раскалённая иголка, вонзилось в мысли Алисы. *Как долго? Минуту? Две? А может, целую маленькую вечность в рамках этой комнаты — кто вообще умеет засекать такие вещи, когда вдруг ловит на себе чужой взгляд?*

Она даже испугаться не успела — и вот тут по-настоящему стало жутко. Потому что впервые за долгое время она забыла насторожиться. Там, где инстинкт должен был мгно-

венно вылупить сигнальную ракету — пусто. И этот провал насторожил сильнее любого хищного взгляда.

Высокий. Смущающая вертикаль где-то под два метра; Алиса слегка выгнула шею, чтобы встретиться с глазами — и всё равно ощущала себя на пару ступеней ниже не только по росту. Плечи широкие, будто кто-то убрал лишнее, оставив только нужное для баланса; талия узкая, спортивная (даже неловко было смотреть так откровенно). И почти полностью раздет! Мозг отметил это сразу и с таким же рвением забыл признать: вот тебе первое впечатление, хотя ей следовало бы фокусироваться на деле.

На нём — только серые шорты для тренировок и ничего лишнего. Сидели нехорошо низко... та самая V-образная линия пресса торчала из-под резинки вызывающе естественно — и Алиса мысленно цыкнула себе: *«Да перестань ты! Глаза — выше»*.

Но, конечно, подвоха не избежать: сколько ни повторяй себе «не смотри», а всё равно смотришь.

Его торс не был рекламно-рельефным; здесь не пахло пахотой зала или маниакальным сушением ради фотосессии для Instagram. Скорее — функциональная сила: тело пловца или бойца, где каждая мышца там, где должна быть ещё с подросткового возраста. Подобные фигуры делают не гантели, а жизнь.

Плюс татуировки. Много и сразу, но внезапно организовано: их распланированность вызывала ощущение холста,

над которым долго работали. Чёрное анатомическое сердце мелькнуло на груди среди алых потёков так детально и реалистично — будто его владелец отпустил художника всерьёз проникнуть под кожу и даже глубже.

Заклинило профессиональный интерес (куда уж ему деться), и Алиса сама на себя разозлилась: хватит разглядывать работу линий! Следом за сердцем обнаружилась бабочка на плече: чёрная с красной прожилкой по крыльям; символ ли превращения или душа покойника? Она всегда путалась в этих значениях.

Лицо... Ради таких лиц едут через полгорода и мучительно обсуждают с собой оправдания перед зеркалом ("я ведь здесь по делу!"). Сейчас же хотелось оказаться хоть где-нибудь ещё.

Тёмные волосы коротко подстрижены беспорядочно; скуластое лицо с чёткими линиями — как у того человека из тех фильмов, которому никогда не надо никому нравиться просто потому, что он живёт на совершенно других условиях.

И глаза.

С них началось то странное раздвоение в собственном восприятии: будничный криминалист Алиса споткнулась о собственное равнодушие к фото-доказательствам (ах да — угол фотографии!). Эти глаза были пугающе пусты не от слабости или усталости, а по причине внутреннего пепла (как если бы внутри уже случился пожар). Глядели этими глазами сквозь неё и мимо неё одновременно; казалось, что он

рассматривает вопрос без субъекта — как будто её существование на другом конце оптики ничего особо не значит... Или вдруг прямо за её спиной скрыто нечто куда более существенное.

Алисе понадобилось пару секунд потрясти аналитический мозг: собралась оценить позу.

Плечи твёрдо подняты; челюсть зажата настолько явно, что стало больно просто смотреть; левая рука упрямана в кармане — контролирует себя железной хваткой. Но зачем? Она поймала себя на попытке подобрать диагноз и махнула рукой: пусть останется вопросом.

Рядом с этим человеком быть собранной становилось задачей посложнее экзаменационной предполагаемой профессии. Люди бывают привлекательными до раздражения — особенно если прекрасно знают о своих эффектах... А этот ещё упорно притворяется закрытым и абсолютно недостижимым.

В двадцать два ты знаешь цену своим соблазнам и реакциям... по идее должны знать. Но почему — чёрт возьми! — рядом с ним все эти алгоритмы трещат?

Никто из прошлых поклонников (или почти никто) даже близко не смотрел так пронизательно... Не оценивает тебя как объект симпатии — скорее вычисляет неизвестную переменную о твоём месте во всей этой задаче.

А ну-ка стоп! Тебе дали конверт — будь любезна отдай его без сцен психологической самодеятельности!

Но вот же она стоит напротив... И никак не может оторваться.

Он тоже молчит и пристально смотрит обратно.

Во взгляде нет ничего определённого: ни откровенного интереса; ни усталости; ни презрения... Только тошнотворное какое-то ощущение голода (будь у эмоций запахи – пахло бы озоном после грозы).

И делает паузу длиннее той нормы общения между двумя совершенно незнакомыми взрослыми людьми...

В горле становится тесновато (кафедрально сухо).

Держать себя в руках удаётся плохо – ладони начинают предательски мокреть от напряжения.

Беспомощность честно бесит.

Когда именно судьба выбрала этот день для встречи с максимально сложным вариантом мужчины? Широкоплечий татуированный исповедник молчания – явно не из числа тех, кого убежишь, переселив в низком этажом позже...

— Ты кто? — раздался его голос.

Этот голос – будто нож насухо вытащили из ножен: хриплый рокот давно немолчанной груди – такое случается у курильщиков или тех... кто много слишком молчит специально.

Алиса моргнула два раза подряд (кажется, минуту назад забыла моргать вообще).

Да он обращается ко мне!.. Реальность возвращается медленно: оказывается можно растеряться просто из-за тембра

чужого голоса!

— Меня зовут Алиса, — старается держать голос ровно как железную линейку — Я от Елены... У меня для тебя приглашение.

Крепится наверху лестницы нарочито невозмутимо— дистанция сохраняется с его стороны по военной строгости.

— На свадьбу... Елены и моего отца Виктора, — протягивает конверт вперёд как щит.

Что-то меняется сразу же:

Микровыражение лица: левый угол губ опускается вниз едва заметно — признак досады или злости;

Глаза щурятся чуть приметнее — стандартная реакция на недоверие ("ты серьёзно?!").

Не сказал бы он этого вслух... но факт остаётся фактом — это выражение знает каждый практикующий лектор по физиогномике — видно, человек удивлён именно особенностями новости.

Самое противное — эта пауза затягивается настолько вязко, что хочется взять верёвку и вытянуть слова наружу первой... Но Алиса терпела игры крайне плохо — вот этого момента она ждала меньше всего:

Проверяет меня. Не разговаривает ради информации... а словно меряет выдержку собеседника на зуб.

Так иногда бывает при очень редких встречах людей противоположных темпераментов: когда две линии жизни сталкиваются случайно так резко в дверях чужой квартиры —

одна держит конверт, другой держит ответ внутри, и, кажется, вся сцена могла бы длиться сколько угодно, если б оба не устали ждать собственных решений чуть сильнее взаимных вопросов.

— Спустишься? — бросила она с лестницы, где-то между иронией и вызовом. — Или ты всегда принимаешь гостей с высоты птичьего полёта?

Он скользнул по ней взглядом, ухмыльнулся краешком губ, но так, что по коже не пошёл ни один мурашка — холодная усмешка, всё больше для себя.

Алиса вдруг поймала себя на паузе: не была уверена, чего ждет следом. Не этой усмешки — другого, весомого слова или поступка. Что-то щёлкнуло внутри — раздражение, знакомое до боли. Рядом с ним все её внутренние инструменты слесаря по душам были бесполезны. Старая рабочая схема («где болит, где подковырнуть, за что надавить») молчала — и это бесило куда больше его спокойствия. Обычный человек раскрывается у неё за пару минут; а тут из деталей не складывалось ничего. И значит либо он сложнее среднестатистического собеседника (а это уже интереснее), либо она вдруг сама что-то упускает — и этот вариант Алиса предпочитала даже про себя не рассматривать.

Хорошо хотя бы одно: пока это просто вызов. Пусть останется только вызовом.

Он тронулся к ней навстречу медленно — каждый шаг выверен (как будто кто-то смотрит и оценит), походка человека

давно привыкшего выдерживать взгляды без всякой неловкости. Или... просто привыкшего быть мишенью (она ловко поправляет в уме: «мишка для страха», «мишень для внимания», тут уж кому как).

Теперь Алиса могла рассмотреть татуировки: россыпь надписей на коже тщательно обходила шрамы (кое-где краска как будто стыдливо отступала перед ними). На ключице слово "RESILIENCE" — однозначно стойкость (ну прямо диагноз самому себе). Немного ниже римская "III", чуть дальше прямолинейное "I DON'T FOLLOW RULES". Ниже на руке фраза-вызов: "CHAOS CREATES CLARITY". Часы с застывшими стрелками и яркой красной полосой вдоль циферблата... Красным там закрыто время — может быть даже воспоминание о чём-то невозможном к возвращению.

И вдобавок эти тонкие аккуратные шрамы на рёбрах... Не похоже на разбитое стекло, тут что-то глубже; мастер тату обходил их стороной неспроста. Значит боль была раньше рисунка — её здесь хоронить не пытались.

Её взгляд обследует его чуть более лично, чем хотелось бы — считает разметку тела так же деловито, как считала бы швы после операционной практики — и вдруг снова спотыкается: цифра III царапает нерв, как неправильный зубец в известном замке из прошлого.

— Держи, — протягивает конверт (там золотое тиснение нагло блестит). Щит и аргумент в одном лице.

Он из-под бровей оценивает сначала бумагу, потом её са-

му.

— Серьёзно? Тебя отправили? Этим занялась дочка Папочки? Пригласить меня на свадьбу через третьи руки?

Она держится ровно:

— А что она должна была сделать? Написать письмо? Позвонить? Прислать смс с эмодзи сердечка?

У него дрогнула челюсть.

— Она должна была приехать сама.

— Она выбрала меня, — нейтрально пожимает плечами.

— Видимо, у неё были причины.

— Мне плевать, — голос у него стал острым; нет злости к ней — злость к чему-то вне этого диалога. — Пусть она хоть десять раз выходит замуж.

Он резко хватает конверт. Его рука цепкая, тёплая и шершавая в том самом месте — между большим пальцем и ладонью — привычная мозоль того, кто часто держал что-то опасней бумаги или ручки.

Рвёт аккуратно: сначала пополам, потом ещё мельче (бумага тихо погибает на мраморе кусочками-золотыми обрывками — мертвые мотыльки из канцелярской Санта-Барбары). Злится он вовсе не на Алису; она читает всё прозрачно: этот ритуал вообще не про бумагу.

Он разбирает приглашение так точно, потому что рвёт прежнюю претензию своей матери на место в его жизни — уже третий раз всего лишь подпись под чужим сценарием. Алиса просто декорация в этом спектакле взрослых обид.

Она ловит себя опять: изучает не движение бумаги вниз к полу — а его руки и лицо. Лицо напряжено совсем другим чувством; отчаянной боли там больше, чем гнева.

Конверт разорван — задача формально выполнена; но догадаться до последнего смысла ей мешают недостаток фактов и собственная нелюбовь к домыслам («почти» верно тоже риск).

Он проявляет скотскую чёткость:

— Всё. Можешь катиться отсюда.

— Да мне плевать, — спокойно отвечает она. — Приглашение ты получил — что дальше делать твои заботы.

Она разворачивается к двери: выполнения не требуется сверх меры.

Уходит прочь — в голове какой-то ядовито-уютный голос отмечает видимую взрослость: двухметровый мужчина со своими правилами вместо сердечек в смс— даже если играет обиженного мальчика, девочка себя рядом почему-то ощущает ниже травы...

Три шага до двери — вроде бы конец сцены...

И тут где-то снаружи резкий топот когтей по паркету и взрыв радости собачьего темперамента быстро летит к ней из сада.

Огромный чёрный доберман вылетает во дворец свой бодрой походкой; хвост бешено виляет, язык набекрень... Для обычного зрителя здесь чистая картина приветствия хозяина; для Алисы момент заранее проигран —

Нет,
Сердце выстукивает сбой,
Нет! Нет...

Вот оно самое зарытое воспоминание вскакивает из подсознания первым: семилетняя Алиса лицом к морде бездомной собаки за углом дома... С тех пор страх поселился физически где-то под кожей; никакая взрослая логика от этого сбоев сердца спасти не может. Она всегда презирала эту часть себя – логику победить здесь невозможно совершенно.

Собака мгновенно сокращает дистанцию – теперь два метра... теперь метр... Теперь уже почти вплотную (рефлекторный шепот анализатора – тело расслаблено у пса! Хвост почти улыбается! Никакой угрозы... Но эта мысль бессильна против мускула).

Она откатывается назад маленькими шагами согласованного паники:

Раз
Два
Три

Глядя только туда — на все эти признаки дружелюбия у животного — но каждой клеточкой чувствует судорожное желание исчезнуть отсюда сразу.

И когда пёс подбежал вплотную. Так близко, что она почувствовала тепло его тела сквозь ткань ее капроновых колготок.

Алиса резко развернулась — и врезалась в него.

Марк поймал её прежде, чем она потеряла равновесие: одна рука легла на талию, вторая — чуть выше локтя. Не объяснение. Просто способ удержать человека, который вот-вот упадёт.

Она не шевелилась.

Почувствовала его дыхание — горячее, неровное — прямо над собой, у своего лба. Почувствовала, как его руки сжимают её талию — крепко, собственнически. Почувствовала запах его кожи — сандал, что-то дымное, что-то невыносимо мужское.

Между ними повисла такая пауза (каждый слышит ритм собственного сердца), что кажется никто первым даже и сейчас не отпустит хватку или взгляд...

Доберман толкается носом в бок у её колготы (по-прежнему идиотски счастливый от встречи). А Алиса детским способом перестаёт дышать вообще:

Скажи хоть что-нибудь! Попроси убрать собаку!

Но рот словно заблокирован тем самым стыдом слабости, которая непроизносима вслух («сорвётся голос» = поражение по личному счёту).

— Убери собаку, — наконец выдавленный полушёпотом приказ...

С кулаком внутри груди следит лишь мысленно за ударами сердца, потому что взрослому человеку объяснить этот удушающий иррациональный страх стыднее всего... Можно ночами ворочаться среди трупов морга без единого лишнего

вздоха— а вот простая дворовая детская тревога рушит всю броню личности сразу...

Марк ощутимо сжимает её чуть плотнее будто пытаюсь выстроить вокруг неё щит из собственных рук— а сам весь становится жёстким настороженным скульптурой: мышцы спиной выделяются под футболкой клиньями ледяного напряжения...

(Чем ближе тело к чужому страху — тем проще почувствовать своё.)

— Алиса, — его голос больше не насмехался. Ушла насмешка, пришло что-то короткое и ровное, как команда на пожаре. В голосе не осталось насмешки. Осталась короткая, спокойная команда.

— Ты дрожишь.

Она не ответила. Не могла.

— Это просто пёс, — тихо сказал он.

В голове у неё будто прокатился короткий отклик: «*Я здесь*». Этот тихий внутренний голос вдруг наложился на явную реальность — вот он, рядом, его ладони легли ей на талию; и тут всё тело сдалось какому-то нервному тремору, мелкой дрожью, будто она сорвалась с катушек прямо в его руках. И что характерно — он, конечно, чувствует каждую её вибрацию, не пропуская ничего.

Стало ужасно стыдно — даже неприятно жгло изнутри. Стыд оказался настырнее страха, совершенно физическим ощущением под кожей. Но дрожь не отпускала.

Он немного помедлил. В этот короткий перерыв она буквально уловила миг перемены — что-то внутри него чётко щёлкнуло на другую передачу: вся неуверенность мигом растворилась. Осталось только действие — собранное и твёрдое.

— Григорий! — рывкнул Марк так, что с каминной полки дрогнули серебряные рамки. — Сюда. Немедленно.

Голос — словно гром по стеклу, так резанул пространство гостиной, что у Алисы даже ладони вспотели. Она вздрогнула, но, к удивлению, почувствовала: дрожь отступила. Паника теперь была не главной — в комнате всем заправлял совсем другой человек.

Послышались чёткие шаги... и вот в дверном проёме возник Григорий. Ни малейшей суеты, всё тот же идеальный костюм, собранное лицо — будто всего-то пришёл подписать бумаги после звонка начальника, а не усмирять чей-то громкий крик.

— Да, господин Волков.

— Убери собаку на задний двор, — отчеканил Марк, не сводя глаз с Алисы, с её опущенных ресниц, с её побелевших костяшек. — Сейчас же. И чтобы до моего разрешения в дом она не заходила. Понял?

Григорий не произнёс ни слова. Не стал уточнять, не задал ни одного лишнего вопроса — вообще ни малейшей реакции на лице. Только кивнул коротко, по-старомодно сдержанно, прямо как классические дворецкие в чёрно-белых фильмах,

и сразу обернулся к собаке:

— Рекс. Ко мне.

Пёс тот самый — большой, сытый жизнью и заразительно счастливый разносчик катастроф среди фарфора, — оказался примером для всех: без промедления подошёл к Григорию. Хвост бодро машет, морда довольная, будто бы этот кавардак вообще был вчера и вовсе не из-за него.

Григорий вывел её — виновницу и спутницу последней драмы — за дверь. Дверь закрылась неслышно; на мгновение тишина стала почти непривычно осязаемой.

Осталось только потрескивание поленьев в камине и два разных ритма внутри одной комнаты: её сердце колотится нервно и суетливо, а его выдержанное и медленное — будто где-то за спиной отмеряет время каждому её вдоху.

— Открой глаза, — тихо сказал Марк. — Собаки нет.

Она не поверила сразу. Открыла глаза медленно, осторожно, как всплывают с глубины. Гостиная пуста. Паркет пуст. Только обрывки приглашения валяются у камина, да огонь лижет поленья.

Только теперь до неё дошло, к кому именно она прижалась.

Она отшатнулась от Марка, как ошпаренная.

Она попятилась — сначала один шаг, затем другой, слишком длинный для той тесной полоски паркета между камином и дверью. Марк остался на месте, словно прилип к полу. Руки его всё ещё висели в воздухе: только что они держа-

ли её за талию, а теперь будто хватались за пустоту. Медленно—почти не веря самой ситуации—он поникшими пальцами позволил рукам опуститься.

— Ты боишься собак? — спросил он.

Тихо. Без насмешки. И это было хуже всего: если бы он сейчас усмехнулся — было бы легче.

— Не твоё дело, — отрезала Алиса.

Между ними повисла пауза.

Марк первым отвёл взгляд. Дёрнул подбородком в сторону двери:

— Выход там, принцесса.

Она не ответила. Хлопнула дверью — сильнее, чем требовалось. Звук прокатился по двору, как выстрел.

И только на крыльце, вцепившись в холодные перила, она позволила себе остановиться. На минуту. Всего на одну.

Тяжёлый озноб прошёл по телу — от макушки до пяток, один раз, потом второй. Она вдохнула. Выдохнула. Вдохнула снова.

Она смотрела вниз, на щебёнку под ногами — серую, шершавую, холодную даже октябрьском воздухе — и мысленно давала себе слово: *отсюда я ухожу навсегда. Даже если будут уговаривать, даже если впереди расстелет ковровую дорожку. Пусть хоть сама Елена умоляет — всё равно. И какие бы там ни были... мужчины с выцветшими татуировками (у кого это на руке застыл циферблат часов?) и пальцами — такими уверенными, что твоя дрожь вдруг пе-*

рестает быть только твоей.

Нет. Особенно если дело касается его.

Она вернулась к машине почти бегом. Хлопнула дверцей. Мотор Камаро зарычал — злой, родной, успокаивающий. Колёса зашуршали по гравию, ворота распахнулись, выпустив её, и двор с серым камнем и четырьмя камерами остался позади.

Уже на трассе, когда стрелка спидометра перевалила за восемьдесят и полосатая обочина начала плавать перед глазами, Алиса разжала побелевшие пальцы на руле. Достала телефон из кармашка своих шорт и, не отрывая взгляда от дороги, на ощупь нашла в избранных «Лера».

Три гудка.

— Ну?! — голос подруги взорвался в ухе фейерверком. — Живая? Видела его? Каков он, сын будущей мачехи? Страшный, как в кино?

Алиса секунду молчала.

И, что хуже всего для человека её профессии, во всём этом она не смогла бы назвать ни одной улики. Разве что обрывки приглашения на полу — и те она разглядела лучше, чем его лицо.

— Лера, — выдохнула она. — Он... голый. Ну, почти. В шортах. С тату. И с собакой.

— Стоп, — подавилась подруга. — В каком порядке? Сначала тату, потом собака, или у собаки тоже тату?

— У собаки нет тату. У собаки хозяин с торсом из жур-

нальной обложки. Лера, я тебе говорю: анатомическое сердце, красные брызги, часы с застывшими стрелками. И пресс. Пресс, Лера. Я посчитала.

— Сколько?! — взвизгнула Лера так, что Алиса поморщилась и отодвинула телефон от уха.

— Восемь, — неохотно призналась та. — Может, десять. Я была в шоке, не успела сверить.

— Ты была в шоке и считала его пресс? Девочка, это не шок, это профдеформация! А собака-то при чём?

— Собака при том, что она втолкнула меня ему в руки. В прямом смысле. Я развернулась — и бац: грудь, его руки на моей талии, и его лицо прямо над моим. Лера, я чуть не умерла. Дважды. Сначала от страха перед собакой. Потом от... второго.

Пару секунд в трубке висела тишина. А потом взорвалась.

— То есть пёс сыграл роль крыла?! — Лера хохотала так, что захлёбывалась. — Девочка, это не фобия, это брачное агентство! Купидон с виляющим хвостом!

— Это не смешно.

— Это ржачно! Так, рассказывай честно: когда его руки были на твоей талии... твои руки где были? И мысли? Ниже пояса — заходили? Исключительно в интересах следствия.

— Лера!

— Чё? Я для науки спрашиваю! — подруга откровенно ржала. — Четыре месяца тишины, а тут на тебе — двухметровый татуированный мужик держит тебя и смотрит так,

будто уже придумал, что с тобой делать. Девочка, я бы на твоём месте упала в обморок. Или не в обморок. Смотря в каких обстоятельствах.

— Я не упала, — огрызнулась Алиса. — Я сбежала. Хлопнула дверью. И поклялась, что ноги моей не будет—

— Не будет-не будет? — протянула Лера. — Или не будет до следующей субботы?

Алиса сжала руль крепче. Перед глазами снова встали тёмные глаза, смотрящие на неё сверху вниз.

— Лера, — сказала она тихо. — У меня вопрос. Гипотетический.

— Валяй.

— Есть же... теория. Про пропорции. Руки, нос, размер ноги...

— О боже, — простонала девушка. — Она думает о его члене.

— Я не думаю о его члене! — вспыхнула она. — Я думаю о статистических корреляциях! Как учёный!

— Как учёный, который думает о его члене, — поправила Лера счастливо. — Ну так? Колись. Что ты видела? Руки?

— Руки... — девушка честно попыталась вспомнить. — Большие. С длинными пальцами. Вены на тыльной стороне.

— Вены! — взвизгнула Лера. — Девочка, вены на руках — это пункт номер один в списке! Ну а дальше? Нога сколько? Он у тебя там метр девяносто? Два?

— Около метра девяноста пяти.

— Девяноста пяти! — подруга уже практически выла. — Так, по всем приметам, девочка, там у него такое... хм. Стоп. А нос?

— Какой нос?

— Обычный! Не прикидывайся, говорят же, нос отражает—

— Лера, у него нос нормальный! Прямой! Аристократичный! Довольна?!

— Аристократичный! — она захлёбывалась смехом. — Девочка, ты разглядывала его нос! Ты не просто думаешь о его члене, ты уже провела внешний осмотр!

Алиса почувствовала, как краснеет — до ушей. Хорошо, что Лера этого не видела.

— Я не разглядывала, — пробурчала она. — Он был прямо перед глазами. Физически. Не заметить было невозможно.

— Ага. Физически. Невозможно, — подруга откровенно наслаждалась. — Ну так что вердикт, эксперт? Что говорит твоя интуиция?

— Моя интуиция, — она помедлила, честно прикидывая, — говорит, что у мужчины с такой спиной и таким взглядом не бывает маленьких... пропорций. Но это чисто гипотеза. Требуемая эмпирической проверки.

Три секунды в трубке висела тишина.

— Эмпирической проверки, — торжественно повторила Лера. — Девочка, я снимаю перед тобой шляпу. Когда ты с

ним переспишь—

— Если, — перебила Алиса.

— Когда, — твёрдо подчеркнула Лера. — Ты напишешь мне отчёт. С замераами. Для науки.

— Ты невыносима.

— А ты влюбилась в его пресс. Признайся.

Алиса не ответила.

Лера несколько секунд молчала, а потом засмеялась. Алиса тоже улыбнулась — впервые за весь вечер. Она ещё не знала, что через три дня снова встретит Марка. И что на этот раз просто хлопнуть дверь уже не получится.

Глава 2: Сорок три удара

Дверь хлопнула. Эхо прокатилось по гостиной и умерло под потолком.

Марк даже не шелохнулся — будто врос в пол возле двери, глядя на ту часть пространства, где секунду назад мелькнула и исчезла она. Но раздражение цеплялось вовсе не к ней — вся злость была направлена строго внутрь, к себе: *ну кто тебя дёргал подходить? Зачем нужно было задержаться именно в этот момент? И уж совсем непонятно, отчего уловил её запах среди сотни других.*

А самое странное (и бесило это куда сильнее прочего) — внутри была голая пустота. Полнейшее ничего. Не обида, не тоска, не вожделение — просто ровная плоскость без эмоций.

Да и желанием-то называть всё это рука не поднималась — слишком громкое слово для такой суеты. «Сорвался» — вот привычный ярлык; так честнее: *эй, старина Марк, всего лишь шаг в сторону от собственных же границ.* Ведь долгие годы он выстраивал правила вокруг себя плотнее бронированной двери; *кто поверит, что какая-то случайно заглянувшая девушка с конвертом вдруг станет его первой лазейкой наружу? Вот уж нет.*

Пальцы едва заметно дрожали; он машинально сжал руки до боли, разжал. Кожа побелела там, где были сгибы — на-

помнила вещи гостей, забытые после праздника — кажется знакомо, но всё равно как-то чуждо. Несколько секунд — и контроль вернулся без особых усилий. За последние пару лет он настолько привык держать себя в ежовых рукавицах, что отпустить даже на миг казалось челленджем.

Два года... Два года ни малейшей близости ни с кем. Его руки теперь скорее вспоминают отблеск руля или резкую натяжку бинтов на кулаке — но никак не тепло чужого тела рядом ночью. А теперь — пожалуйста: эта девчонка появится здесь всего через три дня как почти новая родственница. Прислала Елена её вместо себя... И пошло-поехало в голове кругами.

Он просто заметил её. Прямой взгляд. Насмешливый тон. Она не боялась его — как боялись остальные. Этого было достаточно, чтобы она не выходила из головы дольше, чем ему нравилось.

«Нет-нет», — убеждал себя Марк. *«Не хочу. Не тот случай»*. Просто зацепила его на секунду этой своей уверенностью — таким взглядом прямо в лоб и смешинкой в голосе, будто ей нечего бояться: остальные зачастую прятались и хмурились при встрече с ним.

Вот этого хватило: вроде бы пустяк, а теперь достаточно одного случайного напоминания или запаха куртки в прихожей — не выходит она из головы дольше положенного срока.

Ну а тело... ты его можешь сколько угодно учить справляться с реакциями (тем более тренировался всю жизнь),

но иной раз оно работает по своим законам и слушается хуже языка или мыслей.

Сам себе приказал: *«Ничего ведь не произошло! Собака испугала её — я просто помог удержаться на ногах»*. На этом всё.

Он даже не пытался копаться глубже: потому что, если дать себе волю порыться в этих мыслях по-нормальному... придётся отвечать честно на вопросы, которые гораздо легче оставить без ответа.

Но с места он так и не сдвинулся.

Аня всё ещё жила в нём — не как повод искать замену, а как запрет начинать что-то новое. Чужое тепло рядом напомнило не о желании, а о цене, которую он уже однажды заплатил.

После Ани он перестал доверять близости. Сегодняшняя реакция раздражала его сильнее самой Алисы. Она смотрела так, словно не боялась его окончательно. И именно это он пока не умел объяснить.

В ту ночь она ушла в дождь, и он не догнал. Тогда он ещё умел что-то решать.

Теперь в этом доме существовало ровно две инструкции, и ни одна из них не говорила о нём самом. Инструкция первая: *делай*. Инструкция вторая: *держи*.

Всё остальное он должен был придумать сам. Он придумал холод. Холод всегда придумывают те, кому запретили путать службу с любовью.

Он подошёл к окну и потрогал стекло. Стекло было холодное и честное — единственная вещь в этом доме, которая не врала.

Марк закрыл глаза — и плёнка пошла с начала.

Вина поднялась спокойно, без истерики. Она давно знала своё место — была хозяйкой в этом доме. Положила ладонь ему на плечо и развернула его в дом. Подальше от двери.

Ты не имеешь права — сказала она его собственным голосом. *Ты больше никогда не имеешь права.*

И Марк подчинился. Как подчинялся ей все это время.

Он разжал пальцы. Ровно. Без спешки. Перешагнул через обрывки приглашения, не глядя вниз.

Григорий остановился в дверях.

— Убрать, господин Волков?

— Нет.

Одно слово. Плоское, без интонации. Дворецкий поклонился и исчез — он умел читать хозяина лучше, чем кто-либо в этом доме.

Марк вышел на террасу. Из заднего двора к нему кинулся Рекс. Но в метре пёс затормозил, будто упёрся в невидимую стену, и пристроился рядом сбоку. Тихо. Не тычась носом. Не выпрашивая.

Марк не посмотрел на Рекса. Обычно коротко гладил его, не думая. Сегодня только привалился плечом к колонне и посмотрел на ворота, где ещё темнели следы её шин.

Чем она зацепила? Страхом? Нет. Красотой? Этого ма-

ло. *Манерой говорить? Возможно.* Она не пыталась ему понравиться — и не пыталась понравиться Елене. Она просто хотела уйти. Почему это его задело?

Ответа пока не было. И Марку это нравилось ещё меньше, чем отсутствие контроля. Она не отвела взгляд. Большинство людей рядом с ним становились осторожнее. Алиса — нет. Она смотрела прямо, как на человека, которого ещё можно понять. Не как на угрозу.

На секунду ему вспомнился взгляд Ани. Не потому, что Алиса была похожа на неё. Наоборот — потому, что этот взгляд напомнил о времени, когда Марк ещё позволял людям подходить близко. Но ничего не мог с этим сделать.

Он заметил, что ищет объяснение слишком тщательно. И оборвал эту мысль. Не сейчас.

«...Заправка на кольцевой. Дождь. Зелёные глаза.

— Ты маньяк или спасатель?

Потом — босые ноги на панели. Смех. Музыка громче, чем нужно.

И всё....»

Марк зажмурился.

Память снова остановилась на знакомом кадре: дождь, зелёные глаза, её ладонь в его ладони. Дальше — чёрный экран. Марк не позволял себе заходить за него с той самой ночи.

Он открыл глаза. Гравий у ворот был пуст.

Телефон в кармане показывал двадцать минут двенадца-

того. Он был уверен, что прошло десять.

Вот что в ней зацепило его сильнее всего, — признал он неохотно. Тем, как смотрела Аня. До той ночи.

Страшнее было другое: ему понравилось, что Алиса смотрела на него так же прямо. Не потому, что она была Аней. Потому, что она была собой.

На кухне свет он даже не пытался включить — вот как-то лишним это казалось, когда в доме и так слишком всё по правилам. Он плеснул себе совсем немного виски, быстро осушил бокал и отправил его небрежно в раковину. Второй раз наливать не захотел: из опыта уже знал — алкоголь ему никогда особо не помогал отвлечься, максимум замедлял поток мыслей. Вроде бы простая штука — ожог в горле, удар по желудку, но за этим не следовало ничего похожего на облегчение или на обволакивающий туман. Просто чистая химия: спирт раздражает слизистую, организм реагирует, а дальше пустота. Даже сильный запах виски — мимо сенсорики.

На подоконнике как обычно стояла жестяная банка с чаем; он заваривал этот чай каждый вечер, но ни разу даже не отпил — выливал горячую воду в раковину и всё. В холодильнике царил почти стерильный порядок: продукты строго по чек-листу. Недавно ещё позаботился о том, чтобы прочистили раковину. Всё расписано до мелочей — Марк сам себе построил режим, только вот добровольно его не нарушал почти никогда. Сегодня этот порядок начал душить —

прямо физически раздражать.

В зале всё устроено по тем же рельсам: цокольный этаж, света много не надо — одно пятно от настольной лампы над грушей вполне достаточно. Руки бинтовал по памяти — мотал витки автоматом, даже глазом, не ведя за процессом; тут даже думать было незачем. На полу, молча растянувшись ближе к стене лежал Рекс (пёс у них молчаливый и наблюдательный), голову пристроил на лапах и невидимым взглядом следил за всем.

Тренироваться тут было удобно: груша крепко держалась на цепи, зеркало во всю стену отражало каждое движение, пара матов для страховки и стойка с бинтами, перчаток две пары... Старые свои перчатки Марк после той самой ночи больше не надевал; сейчас они лежали без движения наверху шкафа — иногда просто приятно знать, что они там... ждут своего часа или напоминания?

Первый удар — и словно кто-то взял старую плёнку и прокрутил кадр со смехом Ани. Ярko, выпукло, будто это не так давно... хотя всё уже давно.

Второй удар — сильнее, с какой-то злостью, чтобы перегнать воспоминания. А в голове — её зелёные глаза и та фраза, тогда казавшаяся шуткой. Помнил до деталей: как стоял в дверях, слушал её по телефону.

— Он не может быть один. Он думает, что может. Я вернусь.

И вот ушёл тогда... не спросив, не дослушав, даже не по-

пытавшись понять подробности. Ждал эти две минуты — и до сих пор считает их самой дорогой ошибкой из всех своих ошибок вообще. Перемотать невозможно; поэтому теперь единственный выход — выбивать всё это из памяти кулаками.

Третий удар. Четвёртый. Постепенно ритм выправляется под внутренний метроном боли. Появляется картинка: она подходит сзади, обнимает за шею (эти смелые объятия только ей свойственны). Воспоминание обрывается на середине движения — обычно он сразу тянул руки к её талии... а сейчас просто снова бьёт.

Пятый удар.

Всплывает её любимая попса — баловство по вечерам на кухне: он скрипел зубами от дурацких песен, а она нарочно делала громче и смотрела победно, будто главную премию взяла. Он сдавался всегда строго на третьей песне; смешно, но эта традиция казалась какой-никакой формой счастья.

Шестой.

Касание её ладони у машины — поверх его руки на рычаге переключения передач. Никогда не убирала руку первой; выстоять против такого было невозможно.

Семь-восемь... дальше считать сбивается смысла нет: кулаки летят автоматически. Где-то между ударами вспоминается кольцо — то самое, оно так и лежит на полке в ванной с момента разрыва. Не убирал не потому, что надеялся — просто тяга что-нибудь доделать никак не проходила; признать-

ся себе в завершённости было страшнее всего остального.

Фраза её запоздалая: «Не смей меня забывать». Теперь звенит совсем иначе... Не как просьба или кокетство — как приговор без апелляции.

Он внезапно понимает: он ничего и не забыл. Всё просто превратилось в замкнутую комнату внутри головы — заходишь туда только когда невыносимо что-то другое чувствовать.

И вот удар уже зверский пошёл; груша мотается по кругу с мрачным воем цепи.

Двадцать девять... тридцать один... тридцать четыре... Сам не считает — числа сами гудят на синяках пальцев, пока боль наконец не становится оглушительней любых флэшбеков.

Тридцать семь.

А сегодня вдруг нет-нет да появилось что-то новое: дрожь Алисы в ладонях (совсем другая история). Её запах растёкся по гостиной тихо и незаметно — а ведь к этому теплу зарекался даже прикасаться... но оно вспыхнуло почему-то ярко

Сорок третий удар живо обрывает ощущения: бинт влажнеет на руке (понятно уже – кровь).

Он останавливается почти резко; смотрит вперёд — груша качается: туда-сюда. Интересное дело – с одной стороны всё тот же прошлый смех Ани, а со встречной дуги впервые появляется кусочек сегодняшнего дня... ощущение чужого тепла вдруг оказалось таким настоящим, каким память ещё

долго быть не сможет.

Григорий появился в проёме и всё понял по руке. Он принёс аптечку, поставил её на подоконник и вышел, зная ответ на вопрос, который не задал.

Рекс подошёл и положил голову ему на ступню. Тихо заскулил.

Марк посмотрел на него сверху вниз. Долго. Плоско.
— Оставайся.

Он вымыл руки в раковине в цоколе. Вода шла красная, потом розовая, потом прозрачная. Он смотрел на неё, пока она не стала прозрачной, и только потом понял, что всё это время стоял и ждал, когда с него смоется доказательство.

Поднялся по лестнице. Остановился у окна: ворота, пустая аллея, след её колёс на гравии — две тёмные полосы, уходящие за кованую решётку.

Три дня до свадьбы. Он посмотрел на часы — *три часа ночи.*

Потом снова — на ворота. Следы её шин дождь уже размыл.

Он поймал себя на том, что считает время до следующей встречи — и оборвал резко, как обрывают то, что не имеет права продолжаться. Смотреть на пустые ворота — не то же самое, что ждать. По крайней мере, пока.

И пошёл спать, не позволив себе обернуться ни разу.

Глава 3: Мрачный древнегреческий бог

В день свадьбы Алиса проснулась до будильника.

За окном серел октябрьский рассвет. В комнате пахло кофе и белыми розами — слишком много цветов для дома, в котором Алиса привыкла чувствовать пустоту.

Алиса лежала неподвижно и смотрела в потолок.

Через несколько часов отец женится. Елена станет частью их семьи официально — с кольцом на пальце, новой фамилией и правом открывать двери в доме, где раньше хозяйкой была только тишина. И Алиса впервые не могла решить, что раздражает сильнее: сама свадьба или то, что Елена теперь становилась частью её жизни.

А Марк...

Алиса закрыла глаза.

Она не хотела начинать день с мыслью о Марке. Но память не спрашивала разрешения — услужливо вернула его взгляд и короткое ощущение чужой руки на талии.

Марк Волков почему-то остался в памяти сильнее, чем заслуживал один визит — даже когда его не было рядом.

Телефон завибрировал на прикроватной тумбе. Елена.

«Ты уже проснулась?»

Алиса мельком глянула на экран, но даже не потянулась

за ответом.

Через пару секунд—ещё одно:

«Пожалуйста, не опаздывай. Виктор нервничает».

У Алисы дёрнулся уголок губ — почти-пресловутая улыбка, но не до конца. Уже один этот факт стоил того, чтобы задержаться в постели ещё на пару минут.

У её отца, сколько я его помню, нервы сдавали только в одном случае: если что-то ускользало из-под его контроля. Ни миллионные сделки, ни настырные полицейские звонки, ни фразы типа «нам нужно поговорить об операции» — ничто из этого не выбивало его из колеи так, как элемент неожиданности.

Сегодня этим неконтролируемым элементом была его собственная дочь.

Алиса медленно пересекла комнату, выбралась из теплого кокона постели и остановилась у окна — дождь привычно стучал по стеклам, складываясь в короткие прозрачные дорожки. Чёрный седан терпеливо дожидался её у подъезда уже добрых двадцать минут (довольно странно для города, где даже такси редко ждут больше пяти).

Папин водитель. Папина машина. Всё по разнарядке.

Нельзя было приехать на собственную свадьбу отца самой — как будто этот день, самый личный, уже заранее расписан по чужому сценарию. Ей даже не дали выбора: заходи в чёрный седан и играй свою роль дальше.

— *Свадьбу отца* — поправила она себя.

Но всё равно звучало так, будто речь шла о ней.

К десяти утра в особняке на Барвихе уже не осталось ни одного свободного уголка — будто весь город вдруг решил собраться под этой крышей. Атмосфера тут, если честно, больше напоминала официальный дипломатический приём, чем подготовку к семейному празднику: вдоль дорожки как на подбор выстроились дорогие машины, а у входа красовались солидные букеты из белых роз и эвкалипта — такие конструкции обычно устраивают, когда ждут высоких гостей (или хотят произвести на кого-то впечатление).

Официанты сновали за стеклянными дверями — чёрные жилеты, строгие лица, всё как положено. Внутри дом буквально сверкал: хрустальные фужеры поблескивали на длинных столах, серебро нетерпеливо ожидало очередного блюда, зеркала отражали вспышки света с золотых рам и шедевральные букеты. Честно говоря, от этого совершенства воздуха становилось ощутимо меньше — тяжёлый запах цветов наполнял комнаты до потолка.

Алиса к свадьбам всегда относилась с лёгким скепсисом, особенно к тем, где все так стараются изобразить безупречное счастье — будто улыбку можно натренировать как танец или тост. Сегодняшняя хозяйка этой красоты, Елена, словно специально репетировала свою выраженную в улыбке радушность: ни одной лишней морщинки на лице и какая-то механическая точность в приветствии.

Елена встретила Алису у лестницы. На ней было платье

нежно-голубого цвета — строгое по фасону и удивительно элегантно. На первый взгляд ничего особенного: открытые плечи и лаконичные линии. Но присмотрись внимательнее — ткань словно нарисована по её фигуре, и даже миниатюрные серьги с сапфирами (уверена, такие стоят дороже однушки в центре) тут не случайны. Всё продумано до мелочей.

— Алиса, ты приехала, — сказала Елена с облегчением.

— Конечно. Я бы не пропустила такой день.

Елена улыбнулась и осторожно коснулась её руки.

— Я боялась, что ты устанешь или передумаешь. Утро выдалось тяжёлым.

— Я в порядке. Правда.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо. Ты тоже.

Елена на мгновение посмотрела на её платье.

— Тебе удобно? Я переживала, что стилист выберет что-нибудь слишком нарядное.

— Нет, всё хорошо. Платье красивое.

— Если что-то не понравится, скажи мне. Сегодня всё должно быть так, как удобно тебе.

Алиса посмотрела на неё внимательнее.

— Ты сама выбирала детали?

— Некоторые. Но Виктор настоял, чтобы у каждого гостя всё было идеально. Он очень волнуется.

— Папа? — Алиса улыбнулась. — Не ожидала.

— Он старается этого не показывать, но да. Думаю, для него сегодняшний день очень важен.

— Для тебя тоже.

Елена на секунду задержалась на её лице

— Для меня — особенно.

В её голосе прозвучало что-то искреннее, и Алиса почувствовала, как прежнее напряжение немного ослабевает.

Алиса посмотрела в сторону.

Её отец стоял в другом конце холла и разговаривал с кем-то из гостей. Высокий, подтянутый, в идеально сидящем смокинге. В его волосах появилась седина, но она не делала его мягче. Скорее подчёркивала то, сколько решений он успел принять за свою жизнь — и сколько людей после этих решений перестали иметь выбор.

Он увидел дочь и коротко кивнул.

Не улыбнулся.

Просто проверил, на месте ли она.

Ближе к церемонии Алиса стояла с Лерой у края террасы, лениво крутя в пальцах бокал с шампанским, и занималась своим любимым делом — наблюдением. Вокруг собирался народ: партнёры отца по бизнесу в костюмах дороже её Камаро, дальние родственницы, которых она не видела с детства, нотариусы, инвесторы, жёны инвесторов с одинаковыми причёсками и одинаковыми клатчами. Октябрьский воздух пах розами, дорогим парфюмом и нервным возбуждением.

Криминалистика была её способом не доверять первому впечатлению. Но сегодня Елена снова давала ей материал для сомнений.

Когда Виктор заговорил о «*новой главе*», левый уголок губ Елены дрогнул. Алиса заметила. Не сделала вывод.

Через секунду Елена посмотрела на охрану у чёрного хода. *Слишком быстро, чтобы это что-то доказывало. Достаточно, чтобы запомнить.*

Алиса сделала глоток шампанского и усмехнулась про себя. *Интересно, пап, что ты купил. Или что купили у тебя.*

— Алиса, милая, ты совсем не пьёшь, — сказала Елена. От её духов тянуло туберозой и жасмином. — Ты такая задумчивая.

— Думаю о том, как красиво вы сегодня выглядите, — ответила Алиса. — Тубероза и жасмин. Выбрано, чтобы запомнили?

Зрачки Елены расширились на миг. Алиса заметила — и снова не стала делать вывод.

— Ты у нас такая... наблюдательная, — медленно произнесла мачеха, и в её голосе впервые за вечер прозвучала настоящая, не театральная нота. — Это полезное качество. В жизни.

— И в профессии, — кивнула Алиса.

Она не успела развить тему, потому что толпа у входа на террасу вдруг расступилась.

Марк вошёл незадолго до церемонии.

Чёрный костюм без галстука сидел на нём слишком хорошо, чтобы Алиса могла сделать вид, будто не заметила. Вокруг стало тише. Его появление изменило расстановку внимания.

Лера ткнула Алису локтем в бок и прошептала с придыханием:

— Офигеть. Это что, Аполлон в человеческом обличии? Олимп прислал делегата проверить, как мы тут живём?

— Заткнись, — прошипела Алиса.

— Десять, говорю, — зашептала Лера ещё тише и ехиднее. — Смотри, как на нём сидит костюм, девочка. Это не костюм. Это преступление против общественной морали.

Алиса не ответила. Потому что впервые за вечер ей нечего было возразить Лере.

Она видела красивых мужчин. Встречала тех, кто умел эффектно войти в помещение, правильно улыбнуться, подать руку и оставить после себя приятное впечатление. Обычно Алиса быстро понимала, что скрывается за внешностью: тщательно собранная самоуверенность, привычка нравиться, иногда — пустота, которую человек старательно маскировал дорогими часами и безупречно сидящим костюмом.

С Марком всё было иначе.

Он выглядел так, словно давно понял силу собственного присутствия и не собирался ею злоупотреблять. Это было опаснее самодовольства.

Алиса стала рассматривать его внимательнее.

Широкие плечи. Тёмные волосы, чуть влажные после дождя. Жёсткая линия подбородка. Тень щетины, которая не делала его небрежным — только старше и опаснее. Расстёгнутая пуговица открывала ровно столько кожи, чтобы взгляд задержался, но не получил права на близость.

Она поймала себя на том, что смотрит дольше, чем собиралась. Ещё секунду. Не больше. Ей не нравилось, что он замечает её раньше, чем она успевает спрятать интерес. Красивые люди редко бывают безобидными, если им с детства объясняли, что мир будет смотреть на них первым.

А Марк, похоже, давно привык, что мир смотрит.

И теперь он смотрел прямо на неё.

И от этого его лицо вдруг показалось ей не просто красивым, а слишком личным.

Алиса первой отвела взгляд. Слишком поздно: Марк уже заметил её внимание.

На его губах появилась едва различимая улыбка. Короткая, не победная — скорее вопросительная: заметила ли она, что он заметил?

А потом Елена увидела его.

Её отрепетированная улыбка не изменилась. Елена продолжала улыбаться гостям, словно ничего не произошло. Но внутри неё что-то треснуло.

Спокойствие дало едва заметную трещину — тихую, почти невидимую.

Елена сорвалась с места.

Для невесты в Vera Wang это было слишком стремительное движение. Подол платья зацепился за ножку стула, кто-то отступил, чтобы пропустить её, а сама Елена почти побежала к сыну, забыв о гостях, фотографии, музыке и человеке, который ждал её у алтаря.

— Марк...

Она коснулась его рукава.

Словно проверяла, настоящий ли он.

Потом попыталась поправить лацкан, разгладить невидимую складку, вернуть ему привычный, безупречный вид. Жест был материнским только на первый взгляд. В нём было слишком много тревоги. Слишком много мольбы.

Елена потянулась к нему, чтобы обнять.

Марк отстранился.

Одним коротким движением.

Почти незаметным для остальных: полшага назад, разворот плеча, едва уловимый поворот головы. Но Алиса, наблюдавшая за ним, увидела всё.

Мышца на его скуле дёрнулась.

Рука Елены застыла в воздухе.

Музыка продолжала звучать, гости продолжали улыбаться, а между ними повисла тишина — такая плотная, что, казалось, её можно было разрезать ножом.

На двенадцатую долю секунды с лица Елены сползла маска.

Не обида — страх. Настоящий, неприкрытый, почти жи-

вотный.

А под ним — холодная, расчётливая злость человека, который слишком долго держал ситуацию под контролем и вдруг понял, что единственный опасный человек в этом зале больше не собирается подчиняться.

Марк смотрел на неё спокойно.

И от этого его спокойствие казалось страшнее любого крика.

— Мама, — сказал он тихо.

Настолько тихо, что слышали только ближайшие гости.

Елена не двигалась.

— Не трогай меня, — продолжил Марк. — Не сегодня.

Слова прозвучали негромко, но в них было что-то окончательное — не просьба, не упрёк, а приговор.

Лера шумно выдохнула.

— Ого. Аполлон, значит, ещё и с характером. Я влюблена.

— Ты во всех влюблена, — буркнула Алиса.

— Не во всех. Только в тех, кто умеет одним предложением сломать матери сердце и выглядеть при этом красиво.

Пальцы Елены вздрогнули, будто проходящий мимо холодок струился прямо по коже. Она медленно опустила руку — растерянно, словно всерьёз опасаясь обжечься ещё раз. Позади раздался короткий, неловкий кашель — и сразу стало понятно, что эта тишина весит гораздо больше обычного. Фотограф чуть заметно отвёл объектив в сторону. Виктор у алтаря перестал улыбаться; на его лице застыли скобки

недоумения.

Елена быстро взяла себя в руки — первой повернулась к гостям и вернула на лицо ту самую фирменную улыбку, отточенную до блеска годами светских вечеринок и семейных торжеств. Это было словно надеть хорошо вычищенную маску: ни морщинки, ни тени неловкости. Просто идеальная картинка для чужих глаз.

Марк прошёл мимо неё — не коснулся, не посмотрел.

Но, оказавшись рядом с Алисой, остановился.

Елена заметила это.

И впервые за весь день её лицо действительно потеряло цвет.

Теперь между ними оставалось не больше шага. Достаточно близко, чтобы она сразу почувствовала его парфюм — что-то древесное, с нотой кардамона, плотное и тёплое. Она замерла, вдыхая его, и весь остальной мир на секунду перестал существовать.

Лера, стоявшая рядом, мгновенно замолчала.

Ещё минуту назад она шептала Алисе комментарии о его костюме, но теперь смотрела на Марка с выражением человека, который случайно оказался в первом ряду на спектакле и понял, что представление будет интереснее, чем обещали.

Алиса первой подняла подбородок.

— Ты же сказал, что тебе плевать на эту свадьбу.

— Сказал.

— Но всё равно приехал.

— Как видишь.

— Это не ответ.

— Для человека, которому всё равно, ты слишком настойчиво требуешь объяснений.

Лера тихо втянула воздух.

— Ой, — пробормотала она. — А он ещё и разговаривает.

Алиса предупреждающе прищурилась.

— Лера.

— Молчу. Я уже морально села поудобнее.

Марк перевёл на неё взгляд.

— Это твоя подруга?

— К сожалению, — ответила Алиса.

— Я всё слышу, — возмутилась Лера.

— Тогда у тебя есть шанс сделать выводы, — сказал Марк.

Лера моргнула.

— Алиса, он всегда такой?

— Я познакомилась с ним позавчера.

— И уже успела его возненавидеть?

— Я ещё думаю.

— Быстро думаешь, — заметил Марк.

— А ты быстро исчезаешь, — парировала Алиса. — Особенно когда от тебя ждут хоть какой-нибудь нормальной реакции.

На его лице ничего не изменилось, но взгляд стал внимательнее.

— Нормальной реакции на что?

— На свадьбу. На свою мать. На моего отца. На людей, которые собрались здесь ради них.

— Все эти люди пришли ради шампанского, фотографий и возможности обсудить чужую жизнь. Не стоит приписывать им благородные мотивы.

— Ты всё равно пришёл.

— Я уже слышал.

— Значит, причина есть.

— Возможно.

— И ты не собираешься её назвать?

— Нет.

Алиса скрестила руки на груди.

— Удобно.

— Очень.

— Ты всегда отвечаешь так, будто каждое слово приходится у тебя выкупать?

— Только тем, кто задаёт вопросы, на которые не готов услышать ответы.

Лера снова наклонилась к Алисе.

— Я передумала. Он не Аполлон. Он какой-то мрачный древнегреческий бог, который отвечает за неприятности.

Лера говорила о Марке, но смотрела на Алису — проверяла, как та отреагирует. Это и было настоящей подругой: не спрашивать прямо, а подкидывать слова и следить, что выплывает. Алиса уходила от ответа мастерски. И Лера впервые за вечер поняла: здесь что-то есть. И решила не

отпускать.

— Лера.

— Всё, молчу. Но характеристика точная.

Марк едва заметно посмотрел на Алису.

— Она всегда говорит за тебя?

— Только когда я сама собираюсь сказать что-нибудь глупое.

— Значит, часто.

— Не обольщайся. Ты пока не настолько важен.

— Пока?

Алиса пожалела о слове, едва оно сорвалось с языка.

Марк заметил.

Конечно, заметил.

Он чуть наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

— Интересное уточнение.

— Не придавай ему значения.

— Я ничего не придаю. Просто запоминаю.

— Это ещё хуже.

— Зависит от того, что именно я запомнил.

Алиса почувствовала, как тепло поднимается к щекам, и тут же разозлилась на себя за эту реакцию.

Лера внимательно переводила взгляд с одного на другого.

— Вы сейчас флиртуете или угрожаете друг другу? — спросила она.

— Ни то ни другое, — одновременно ответили Алиса и

Марк.

Лера медленно подняла брови.

— Конечно. А я здесь случайно оказалась между двумя людьми, которые совершенно друг другом не интересуются.

Алиса отвернулась.

— Марк, если ты приехал только для того, чтобы испортить Елене день, можешь считать, что цель достигнута.

— Я не приехал портить ей день.

— Тогда зачем?

Он посмотрел туда, где Елена стояла рядом с Виктором. Она улыбалась гостям, принимала поздравления и держала его отца под руку. Только пальцы её слишком сильно впивались в ткань его пиджака.

— Чтобы кое-что проверить, — сказал Марк.

— Что именно?

— Что изменилось.

— И что?

Он снова посмотрел на Алису.

— Пока не решил.

— Ты приехал на свадьбу, увидел меня и всё ещё не решил?

— Я увидел не только тебя.

— Но смотришь только на меня.

Лера тихо сказала:

— О, вот теперь стало интересно.

Марк не отреагировал на её реплику.

— Ты наблюдательная, — произнёс он.

— Это не ответ.

— Ты часто повторяешь эту фразу.

— Потому что ты редко отвечаешь.

— Иногда молчание точнее.

— Иногда молчание — просто трусость.

На этот раз выражение его лица изменилось.

Совсем немного.

Взгляд стал темнее, а линия рта жёстче.

Лера перестала улыбаться.

Марк сделал шаг ближе.

Алиса не отступила, хотя всё внутри напряглось.

— Осторожнее, — сказал он.

— С чем?

— С выводами обо мне.

— Ты сам оставляешь слишком много места для выводов.

— Это не моя проблема.

— А ты скажешь правду?

— Нет.

— Почему?

— Потому что правда должна чего-то стоить.

Алиса почувствовала, как внутри поднимается холод.

— Ты предупреждаешь меня?

— Да.

— Или пытаешься напугать?

— Если бы я хотел тебя напугать, ты бы уже испугалась.

Лера медленно отступила на полшага.

— Я, пожалуй, пойду проверю, где тут десерты.

Алиса не сводила глаз с Марка.

— Ты невозможен.

— Мне это часто говорят.

— И ты гордишься?

— Нет. Просто привык.

— К чему?

— К тому, что люди сначала хотят узнать меня, а потом жалеют.

— А я не собираюсь тебя узнавать.

Марк наклонился к ней, и его голос стал почти неслышным:

— Уже поздно.

Алиса замерла.

— Для чего?

— Для равнодушия.

Лера, уже сделавшая несколько шагов, оглянулась.

— Алиса, я очень надеюсь, что ты понимаешь: если сейчас начнётся что-то романтическое, я хочу знать всё до последней детали.

— Ничего не начнётся, — сказала Алиса.

Марк посмотрел на неё.

— Конечно.

Одно слово — спокойное, почти насмешливое. Но Алиса услышала в нём обещание.

И почему-то поверила ему больше, чем собственному голосу.

Марк задержался на ней ещё на секунду.

Будто ждал, что Алиса передумает. Скажет что-то вслед. Остановит его хотя бы жестом. Она не сказала — тогда он едва заметно кивнул, развернулся и ушёл.

Не торопясь. Так, словно разговор закончился именно там, где он хотел. Словно последнее слово осталось за ним не потому, что Алиса не нашла ответа, а потому, что он заранее решил: ответа ей не положено.

Алиса смотрела ему вслед.

Марк прошёл мимо гостей, мимо пары пожилых женщин, которые тут же наклонились друг к другу и зашептались. Остановился у длинной стойки с алкоголем, где бармен уже потянулся к бутылке, даже не спрашивая, что ему налить.

«Конечно», — подумала Алиса, — «здесь все знают, что ему нужно, раньше, чем он успевает открыть рот.»

Он взял стакан. Виски. Лёд звякнул о стекло.

Марк сделал один глоток и, не оборачиваясь, положил свободную руку в карман брюк.

Алиса опустила взгляд на свой бокал.

Шампанское давно согрелось в её ладони. Она держала его всё это время, даже не замечая. Пальцы побелели от того, как крепко она сжимала тонкую ножку.

— Не смотри так, — тихо сказала Лера.

— Как?

— Как будто тебе только что предложили подписать контракт с дьяволом, а ты расстроилась, что не дали ручку.

Алиса подняла на неё глаза.

— Ты умеешь иногда молчать?

— Умею. Но это редкий талант, и я берегу его для похо-
рон, собеседований и встреч с налоговой.

— Лера.

— Что? Я серьёзно. Ты красная.

— Здесь душно.

— Здесь терраса. И осень на дворе.

Алиса не ответила.

Вместо этого подняла бокал и выпила шампанское зал-
пом.

Лера моргнула.

— Ого.

Алиса поставила пустой бокал на поднос проходящего
официанта, но облегчения не почувствовала. Ни в горле, ни
в груди. Только сладковатый вкус на языке и ещё более ясное
ощущение, что Марк всё ещё находится в зале.

Что он может обернуться в любую секунду.

Алиса выхватила и бокал подруги.

— Эй, — возмутилась Лера.

Она выпила и это.

Залпом.

Лера несколько секунд молча смотрела на пустой бокал.

— Алиса.

— Что?

— Это вообще-то был мой напиток.

Глава 4: Шампанское и мята

Зимний сад собрали за считанные минуты.

Марк наблюдал за этим со стороны с мрачным интересом.

Организатор свадьбы, молодая девушка в строгом чёрном костюме и с гарнитурой в ухе, двигалась по пространству так быстро, будто дирижировала оркестром, который вот-вот сойдёт с ритма.

— Цветы на полшага левее.

— Камеру выше, пожалуйста. Нам нужен свет с этой стороны.

— Гостей в первый ряд. Нет, сюда, ближе к проходу.

— Музыку через тридцать секунд.

Она говорила спокойно, но так, что ей подчинялись сразу.

Под стеклянным куполом зимнего сада сгущался ранний октябрьский день. За прозрачными стенами лежала золотая осень: клёны вдоль дорожек горели медью и багрянцем, в солнечных пятнах кружились листья, а воздух оставался тёплым, с терпким запахом влажной земли и листвы. Внутри было светло, почти торжественно красиво — до того идеально, чтобы казаться настоящим.

Белые розы стояли повсюду.

Они поднимались из высоких ваз вдоль прохода, обвивали тонкие металлические конструкции, лежали на столиках, на подоконниках, у ног гостей. Цветочные композиции были

собраны так идеально, что казались частью декорации: белые пионы, орхидеи, эвкалипт, ветви с мелкими бутонами.

В центре стоял алтарь.

Лёгкая арка, увитая цветами и тонкими огнями. Перед ней — регистратор, высокая женщина в светлом костюме с папкой в руках. Она держалась с профессиональной мягкостью, но её взгляд то и дело скользил по гостям, проверяя, все ли на местах.

Виктор стоял у алтаря — ни тени сутулости, идеально выпрямлен, всё под контролем. Классика: смокинг сидит, как в глянцевом журнале. На секунду показалось, будто его вытесали из мрамора, настолько он был собран.

Но стоило взглянуть на его лицо — вот тут уже ничего статичного. Глаза неотрывно следили за тем самым прохождением, где должна появиться Елена. Сначала Марк подумал: ну конечно, нервничает, ещё бы. Но в следующую секунду пришла мысль потяжелее... *Может быть, это не просто стандартное предсвадебное напряжение?* Там явно замешано что-то ещё. Вина сквозила у него во взгляде — как если бы секунду назад он вспомнил о чём-то непозволительно личном и запретном для этого дня.

Скорее второе. Этот тип никогда не умел смотреть честно. Даже сейчас — стоит как на приёме у нотариуса, а не на собственной свадьбе. Интересно, он хоть понимает, во что ввязывается? Или ему плевать — лишь бы кольцо на пальце и нужная женщина рядом.

Гости рассаживались. Фотограф занял позицию справа от арки, проверяя свет и объектив. Видеограф двигался между рядами почти бесшумно, ловя лица, улыбки, сверкающие бокалы, дорогие украшения и всё то, из чего потом соберут красивый фильм о красивой семье (монтаж всё поправит: к финалу они даже поплачут по команде).

Марк стиснул зубы. Семья. Смешное слово для того, что здесь происходит. *Мать в белом платье, жених с честным лицом — и я, стоящий в стороне, как ошибка в её идеальной биографии. Ничего, Елена, я умею быть удобным. Я научился. За двадцать восемь лет — вполне.*

Слово было слишком чистым для происходящего.

Он встал сбоку от алтаря, чуть поодаль от Алисы. Так было проще. Безопаснее. Между ними оставалось достаточно пространства, чтобы не чувствовать её запах, не видеть, как тонкие пальцы держат бокал, не замечать, как она нервно проводит языком по нижней губе, когда думает.

Но организатор заметила их почти сразу.

— Марк, Алиса, пожалуйста, ближе, — сказала она, уже двигаясь к следующей проблеме. — Вы семья. Нужно, чтобы в кадре вы стояли рядом.

Марк не успел и слова вставить.

Девушка — осторожно, но с такой уверенностью, что не станешь спорить — шагнула к Алисе, чуть переместила её, а Марку жестом показала: твоя очередь, вставай рядом. «Рядом» здесь почему-то оказалось на удивление буквально: ед-

ва ли не плечом к плечу.

Они остановились. Слишком близко. Настолько, что любое движение становилось чувством — вот Алиса едва ли не случайно зацепила его ладонь мизинцем. Мелькнуло — и пропало, как капля дождя на горячем асфальте. Но внутри у Марка что-то дрогнуло, этот микроскопический контакт потряс его гораздо сильнее, чем он бы себе позволил признать перед кем угодно.

Он отвёл глаза вниз.

Рука Алисы лежала рядом с его рукой. Маленькая ладонь, тонкие пальцы, аккуратный светлый лак — вроде бы ничего необычного. Абсолютно типичная рука девушки из любой утренней маршрутки, но он теперь отлично помнил другое ощущение: как будто у него из-под ног внезапно исчез пол — стоило ему однажды обхватить её талию. Мыслительный процесс отключался мгновенно; достаточно было ей подойти ближе метра на три.

Он не разжал пальцы. Сжал чуть крепче. Пусть это глупо — иногда даже взрослый человек хочет быть уверен, что всё это происходит по-настоящему.

Я могу смотреть в глаза людям, которые хотят меня уничтожить. Могу улыбаться тем, кто лжёт мне в лицо. Могу годами носить в себе злость так, что ни одна сволочь не заметит. Но рядом с ней — с этой девочкой в изумрудном платье — я превращаюсь в подростка, который не знает, куда деть руки. Отвратительно. И плевать. Плевать, что

отвратительно.

Музыка зазвучала мягко и торжественно.

Гости затихли.

В начале прохода появилась маленькая девочка в белом платье. Ей было не больше пяти. Она шла серьёзно, почти важно, держала корзинку обеими руками и щедро бросала перед собой лепестки белых и нежно-розовых роз.

Несколько лепестков упали мимо дорожки. Один зацепился за край её туфельки. Девочка остановилась, нахмурилась, затем быстро продолжила путь, будто боялась сорвать всю церемонию.

Кто-то из гостей тихо рассмеялся.

А потом появилась Елена.

В белом платье она выглядела безупречно.

Слишком безупречно.

Марк наблюдал за ней — не просто глядел, а будто ловил самые мелкие детали: как она чуть приподнимает подбородок, как замедляет шаг — словно специально, чтобы каждый её жест оказался на своём месте. И улыбка у неё была особенная, точечная, казалось, предназначенная для Виктора — ловкая работа взглядом, когда сама невеста заранее ставит акцент на ком-то одном. Марк знал эту манеру: из любой эмоции вынуть наружу правильное движение тела или угол губ, как будто перед зеркалом репетировала.

Но что-то теперь выглядело иначе. Неуловимое изменение — как если бы в комнату впустили свежий воздух, и лю-

бимый старый запах вдруг отполз к стене. Елена шагала к человеку не по сценарию чужих ожиданий, а будто сделала выбор сама. Или... Нет, кто знает? Может быть, её выбор был всего лишь иллюзией момента: она шла туда, где ей сейчас удобнее всего быть.

Марк перевёл взгляд на Виктора. Тот смотрел на Елену с такой верой — не в себя даже, а в то, что всё происходящее взаправду. Влюблённые часто бывают похожи на зрителей перед премьерой любимого фильма: глаза наряжены надеждой досмотреть до конца и поверить каждому кадру. В этот момент Марку стало почему-то немного жалко Виктора — совсем чуть-чуть. Как щемящее послевкусие от детской несправедливости: мир кажется простым только тем, кто ещё не разочаровался ни в себе, ни в других.

Голос регистратора начал плыть где-то сбоку; слова тонули под тяжестью чужих историй.

О любви. Скажи ещё что-нибудь про доверие. Про годы, которые строят чувства. Про выбор. Только не забудь упомянуть, что выбор — это всегда чей-то проигрыш. И сегодня проиграл не я. Сегодня проиграл тот, кто стоит рядом с ней и думает, что знает её. Он не знает. Никто не знает. Я — знаю.

Марк не слушал.

Он пытался, но хватило пары секунд.

Но потом Алиса чуть повернула голову, следя за маленькой девочкой с лепестками, и он увидел её профиль.

Всё остальное исчезло.

Мягкий изгиб щеки. Тёмные ресницы. Прямая линия носа. Прядь волос, выбившаяся из укладки и лежавшая у виска. Её губы, покрытые шоколадной помадой, чуть приоткрылись, когда она тихо выдохнула.

Марк смотрел на неё дольше, чем следовало. Он понимал, что задерживает взгляд, и всё равно не мог остановиться.

И всё равно не мог остановиться.

Взгляд скользнул ниже к линии шеи, к открытым ключицам, к вырезу платья. Не жадно и не торопливо. Хуже: внимательно. Так смотрят, когда пытаются запомнить человека целиком и понимают, что уже поздно.

Марк тяжело сглотнул. Мышцы на шее напряглись. Он снова сжал ладони в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу.

И всё равно не отвёл взгляда. Регистратор продолжала говорить. Виктор и Елена обменивались кольцами. Гости улыбались. Камеры работали. Кто-то тихо всхлипнул в первом ряду.

Звуки доходили до него будто сквозь вату: голос регистратора, щелчки камер, чей-то тихий всхлип.

Он видел только Алису.

Чёрт, — думал он, чувствуя, как в висках бьётся собственный пульс. Не смотри. Не смотри на неё. Смотри на алтарь, смотри на фальшивую улыбку матери, смотри куда угодно, только не на эту линию лба, не на эти ресницы,

не на прядь, которая выбилась ей на шею и которую хочется, чёрт возьми, заправить пальцем за ухо.

Её мизинец снова дрогнул рядом с его рукой. Между ними оставались миллиметры. Два сантиметра — будто между «до» и «после» пролегла целая жизнь. Он стоял на свадьбе собственной матери и считал сантиметры до чужой руки. *Аня бы... Не надо. Не думай об Ане.*

Не когда рядом стоит эта девочка в изумрудном платье, и весь мир пахнет только ею — чёрной смородиной и ванилью — сладкий, тёплый, не по годам взрослый для её лица.

Марк медленно вдохнул. И сразу пожалел об этом. Потому что теперь ему казалось: если Алиса сделает хотя бы шаг в сторону, этот запах останется рядом с ним. На его одежде. В голове. В той запертой части памяти, где давно не зажигали свет.

Он мог бы сделать одно движение. Слегка повернуть ладонь. Коснуться её. Просто провести мизинцем по её пальцу — будто случайно, будто в этом нет ничего, кроме тесноты у алтаря. Но он не сделал этого. Потому что знал: случайностей с ней больше не будет.

— Если кто-то возражает против этого союза, пусть скажет сейчас — произнесла регистратор брака.

Марк сжал кулак сбоку — осторожно, чтобы не задеть её, не выдать себя.

«Я возражаю», — думал он, глядя на её профиль. Против всего. Против этой свадьбы. Против улыбки матери. Про-

тив того, что он стоит рядом, а она — не его (Он промолчит. Пока)

Алиса медленно повернула голову. Её взгляд скользнул по его плечу, поднялся выше. Она посмотрела на него снизу вверх — и встретилась с его глазами.

Марк не отвёл взгляда ни на секунду. Он видел, как в её лице мелькнуло удивление, потом настороженность, потом — то короткое, опасное узнавание, от которого у него перехватило дыхание. И она не отвернулась сразу.

Этого оказалось достаточно, чтобы его спокойствие дало первую трещину — будто по стеклу пробежала тонкая линия, за которой уже дрожит весь узор. Марк на мгновение потерял остатки самообладания прямо здесь — и плевать на гостей.

Он хотел не красивого поцелуя, не лёгкой игры. Он хотел, чтобы она перестала смотреть на него настороженно, перестала держать дистанцию. Чтобы на одну невозможную минуту перестала быть чужой.

Одну минуту, — шептал в нём голод, низкий и сиплый. Одну минуту, Алиса. Шестьдесят секунд, в которые ты перестанешь держать эту ледяную дистанцию. Перестанешь смотреть на меня как на задачу, которую нужно решить. Просто останешься рядом — и я хотя бы на минуту перестану чувствовать себя чужим в собственном теле.

И от этой мысли по спине прошёл жар. Не от желания взять её. От опасного желания увидеть, как она сама наконец

опустит эту невидимую стену.

Но вслед за голодом всегда приходила Аня. Не призраком. Хуже — памятью, которая знала, куда бить. Она входила без стука, как сквозняк, и тут же гасила любой свет внутри

Он любил её так, как больше, наверное, уже не умел. До боли. До привычки просыпаться ночью и несколько секунд верить, что она просто спит рядом. До невозможности принять, что человека можно потерять не в ссоре, не из-за собственной ошибки, не потому что чувства закончились, а потому что жизнь однажды просто забирает его.

После Ани он запретил себе хотеть.

Два года, Алиса. Я не трахал никого.

Не из благородства. Не потому, что считал это верностью.

Потому что боль от её потери стала непомерной ценой за любую близость. Потому что каждый раз, когда кто-то пытался подойти к нему ближе, он видел не новое лицо, а пустое место, которое никто не мог занять. И боялся, что, если позволит себе снова почувствовать хоть что-то, потеряет это так же безжалостно.

Он жил в тишине, убеждая себя, что справляется.

А потом появилась Алиса.

Марк моргнул — и фантазия рассыпалась. Никакого поцелуя не было. Только сжатые кулаки и голод, который никуда не делся.

Регистратор сделала короткую паузу, словно давала каждому в зимнем саду время поверить в сказанные слова.

Свет мягко ложился на белые розы, стеклянные стены отражали гостей, а за ними золотая осень медленно осыпалась с клёнов. Всё выглядело вылизанным до последней детали — скорее журнальной картинкой, чем настоящей свадьбой (на обложке свадьба, на развороте — ремонт на всю жизнь)

— Виктор Сергеевич Корнеев, — произнесла женщина с папкой, глядя на него тёплой профессиональной улыбкой. — Берёте ли вы Елену Андреевну Волкову в законные супруги? Обещаете ли быть рядом с ней в радости и в трудные дни, хранить уважение, доверие и любовь?

Виктор посмотрел на Елену.

На этот раз Алиса заметила: его лицо стало мягче.

— Обещаю, — сказал он.

Елена вдохнула.

Слишком глубоко.

Как человек, который долго держался на поверхности и позволил себе выдохнуть.

— Елена Андреевна Волкова, — продолжила регистратор. — Берёте ли вы Виктора Сергеевича Корнеева в законные супруги? Обещаете ли быть рядом с ним в радости и в трудные дни, хранить уважение, доверие и любовь?

Елена держала букет обеими руками так крепко, что побелели костяшки. Белые цветы дрожали почти незаметно. Не от холода — в зимнем саду было тепло. Дрожь шла изнутри, пробиваясь сквозь кожу, как ток по натянутым проводам. От напряжения. От того, что Марк стоял всего в нескольких

шагах от алтаря. От того, что в любой момент он мог сказать что-то, что испортит церемонию — и тщательно собранную Еленой новую жизнь.

— Обещаю, — произнесла Елена.

Голос не дрогнул.

Алиса почти восхитилась.

Елена умела держаться (та же внутренняя броня, что выдерживала двадцать лет: снаружи форма, изнутри уже трещина).

Даже когда внутри всё шло трещинами.

Регистратор попросила принести кольца.

Маленькая девочка в белом платье снова вышла к алтарю, на этот раз с бархатной подушечкой в руках. Она шла медленнее, сосредоточенно глядя себе под ноги, будто несла не кольца, а что-то куда более важное её маленьких ладоней.

Виктор надел кольцо на палец Елены.

Елена надела кольцо на палец Виктора.

Гости тихо аплодировали. Камеры ловили каждое движение. Фотограф опустился на одно колено, чтобы поймать правильный угол. В этом жесте было что-то почти ритуальное — словно он пытался удержать мгновение, которое уже ускользало сквозь пальцы.

Алиса смотрела на отца и думала, что счастье редко выглядит так, как его изображают на фотографиях.

Иногда счастье выглядит как уставший мужчина, который решил ещё раз поверить. Иногда — как женщина, которая

боится собственного сына больше, чем будущего.

— В присутствии ваших родных и близких, — произнесла регистратор, — объявляю вас мужем и женой.

Гости поднялись.

Аплодисменты прокатились по зимнему саду.

Виктор наклонился к Елене и поцеловал её — нежно, почти бережно. Елена ответила ему, положив ладонь на его щеку. В этот момент она выглядела счастливой.

И Алиса почувствовала укол вины за собственные подозрения. Она думала много лишнего. Не каждая пауза скрывает угрозу. А Елена — возможно, просто любила её отца. Но потом Алиса случайно перевела взгляд на Марка.

Он не смотрел на молодожёнов.

Он смотрел на неё.

И все её разумные мысли рассыпались.

Музыка стала громче. Гости потянулись поздравлять молодожёнов. Кто-то уже поднял бокал, кто-то достал телефон, кто-то смеялся громко, напоказ, словно хотел первым заполнить возникшую после церемонии паузу.

Организатор быстро появилась рядом с Еленой.

— Девушки, пожалуйста, через пять минут собираемся здесь, у арки. Будем бросать букет — сказала она, уже показывая ассистентам, куда убрать несколько стульев.

Она двигалась быстро и уверенно, будто даже эмоции гостей были частью заранее составленного тайминга.

Несколько девушек тут же оживились.

Кто-то поправил волосы. Кто-то передал бокал подруге. Кто-то оглядел зимний сад, прикидывая, где лучше встать. Лера повернулась к Алисе с таким выражением лица, будто получила приглашение на соревнование, о котором давно мечтала.

— Идём.

— Нет.

— Алиса.

— Я не пойду.

— Это же букет.

— Именно.

— Ты суеверная?

— Нет. Я просто не собираюсь прыгать в толпу женщин, которые готовы сломать друг другу маникюр ради сорока роз и эвкалипта.

Лера усмехнулась.

— Какая скучная взрослая позиция.

— Спасибо.

— Ты понимаешь, что по правилам, кто поймает букет, следующая выйдет замуж?

— Я понимаю, что по правилам этой свадьбы люди очень любят делать вид, что знают будущее.

— А я бы не отказалась узнать.

— Тогда иди.

— Ты точно не пойдёшь?

— Категорически.

Лера прищурилась.

Алиса бросила на неё взгляд.

— Ладно. Но, когда букет поймает какая-нибудь скучная бухгалтерша из отдела Виктора, не жалеяй.

— Буду держаться.

Лера фыркнула и поспешила к остальным девушкам.

Алиса осталась сбоку, у стеклянной стены. Наблюдать было привычнее — она почти всегда выбирала эту позицию, будто невидимая линия отделяла её от общего веселья.

Девушки собрались перед аркой — нарядные, смеющиеся, нарочито беззаботные. Среди них были подруги Елены, чьи-то жёны, дочери партнёров Виктора, двоюродные сёстры, коллеги, знакомые знакомых. Они выстроились полукругом, но каждая всё равно пыталась оказаться на полшага впереди остальных. Никто не хотел выглядеть заинтересованной — и никто не хотел упустить букет.

Елена встала к ним спиной. Но Алиса заметила напряжение в её плечах — прямых до неподвижности. Будто она собиралась не бросить цветы, а нажать на невидимую кнопку, от которой зависел исход всей церемонии.

— Готовы? — крикнула организатор.

Девушки засмеялись.

— Да!

Елена замахнулась букетом и бросила его. Бросок был слишком точным, чтобы быть случайным. Букет пролетел над головами девушек, через толпу, через протянутые руки и

удивлённый возглас Леры, приземлившись у них за спинами.

На мгновение стало тихо. Девушки медленно расступились. Алиса увидела Марка. Он стоял с букетом в руках.

Белые розы и эвкалипт выглядели в его крупных пальцах почти нелепо. Он смотрел на них хмуро, с тем выражением, которое бывает у человека, которому только что выдали чужую проблему и почему-то ждут благодарности.

Кто-то хихикнул, кто-то нахмурился, не получив желаемого. Лера закрыла рот ладонью, но её глаза уже смеялись.

Алиса смотрела на Марка и машинально собирала детали. Марк поднял глаза на мать. Елена продолжала улыбаться гостям, но взгляд её был прикован к сыну. Секунда, обмен взглядами, в котором посторонним не было ничего понятно.

Вероятно, она хотела дать ему понять, что он часть этого праздника, часть семьи, хотя он явно этого не хотел. Или, наоборот, хотела его унижить, поставить в неловкое положение перед людьми, чьё мнение ему безразлично.

Марк сжал стебли так, что белая лента смялась.

Потом пошёл вперёд. Не быстро, но так, что девушки инстинктивно расступались перед ним. Он не смотрел ни на Елену, ни на Виктора. Шёл прямо к Алисе. Она не успела понять, что именно он собирается сделать.

Марк остановился рядом.

На расстоянии вытянутой руки.

Его лицо оставалось хмурым. Взгляд — тяжёлым. Будто букет в его руках был последней каплей в дне, который и без

того требовал от него слишком многого.

Он почти швырнул его Алисе в руки — не грубо настолько, чтобы цветы упали, но без осторожности, без улыбки, без объяснений.

Алиса машинально поймала букет. Белые розы прижались к её платью, а пальцы сомкнулись вокруг стеблей прежде, чем она успела подумать. Марк наклонился к ней ровно настолько, чтобы слышала только она.

— Держи.

Но его взгляд задержался на ней слишком долго, чтобы это можно было назвать случайностью. Потом он развернулся и пошёл в сторону банкетного зала, не оглянувшись. Алиса осталась стоять с букетом в руках. Вокруг снова зазвучали голоса. Кто-то засмеялся громче, кто-то уже обсуждал произошедшее. Лера пробиралась к ней через толпу с выражением абсолютного восторга.

Алиса смотрела, как Марк закрывает за собой дверь, и в голове у нее была только одна мысль. Он мог отдать этот букет кому угодно. Отнести его матери. Швырнуть на стол. Оставить валяться на полу. Но он выбрал её.

Ответ был готов раньше вопроса. Ни букет, ни её отец, ни мать — ничего из этого не имело значения. Значило другое: рядом с ней он снова начал чувствовать.

Глава 5: Под звуки Пьяццоллы

Банкетный зал пах розами, воском и дорогой парфюмерией.

Стеклянный павильон загородного дома был выстроен под вечер специально: хрустальные люстры роняли тёплый свет на длинные столы, струнный квартет в углу выводил что-то из Дебюсси, а шампанское в пирамидах блестело, как обещание красивой жизни. Осенние розы — кремовые, персиковые, цвета остывающего заката — стояли в вазах выше человеческого роста.

Алиса держалась колонны у края зала. В руке — бокал, из которого она за вечер не сделала и глотка. Рядом Лера, напротив, уже дегустировала третий фуршетный канапе и комментировала гостей вполголоса, как спортивный комментатор:

— Так, вон тот, с бабочкой, — дважды обанкротился и один раз женился. Вон те две, в одинаковых платьях, — жёны одного и того же мужчины, причём каждая уверена, что она единственная. А вон тот дядечка с бородкой весь вечер смотрит не на невесту, а на её бриллиант. Классика жанра.

— Ты невыносима, — тихо сказала Алиса.

— Я бесплатное приложение к твоей наблюдательности, — отозвалась Лера. — Ты видишь улики. Я вижу сплетни. Вместе мы непобедимы.

В центре зала поднялся Виктор. Бокал в руке, улыбка до ушей — будто за один вечер он сбросил лет пятнадцать. Зал затих. Он сказал всё, что говорят в таких случаях: про судьбу, про вторую половину, про то, что любовь не спрашивает возраста. Елена слушала, склонив голову, и улыбалась своей выверенной улыбкой — четыре миллиметра сверх естественной нормы (на этом месте тоста положено смотреть на невесту — все смотрят на возраст).

А потом поднялся второй.

Мужчина лет сорока пяти поднялся не сразу — выждал, пока аплодисменты Виктору начнут стихать, чтобы его жест выглядел не соревнованием, а поддержкой. Серебристая нить на висках. Костюм цвета мокрого асфальта, сшитый так, что складки ложились по фигуре, как вода по камню. Улыбка — ровная, отполированная, как галька.

— Друзья, — его голос оказался неожиданно мягким, — тем голосом, которым убеждают подписывать контракты на миллионы. — Кирилл Смирнов. Партнёр Елены. По бизнесу. И, если всё пойдёт по её плану, скоро — по семье.

Зал зааплодировал. Елена рассмеялась — легко, звонко, идеально рассчитано.

Алиса не аплодировала. Она смотрела.

Часы, — подумала она автоматически.

Когда Кирилл поднял бокал в сторону Елены, он улыбнулся симметрично, красиво — и ни одна мышца вокруг глаз не дрогнула. Социальная улыбка, вежливая маска.

А вот когда Елена, смеясь, опрокинула голову назад, маска на лице Кирилла на двенадцатую долю секунды треснула — и сквозь неё проступило настоящее: тёплое, жадное, голодное. Он тут же спрятал его за бокалом. Но Алиса успела.

Партнёры по бизнесу так не смотрят, — решила Алиса. Потом сама себя остановила. — *Или всё-таки смотрят?*

Знала только одно: для случайного делового жеста взгляд был слишком личным.

Она проследила за его рукой. Ладонь Кирилла лежала на спинке Елениного стула — небрежно, как случайность. Пальцы отстукивали ритм: два удара, пауза, три удара. *Нервный код? Привычка считать? Или сигнал?*

И тут фотограф, нанятый на вечер, двинулся вдоль стола, наводя объектив на президиум. Кирилл — плавно, почти незаметно — сместился на полшага. Из кадра. Фотограф перешёл к другому ракурсу — Кирилл снова оказался за краем снимка, за чужим плечом, за вазой с розами.

Один раз. Второй. Третий.

Совпадение? Возможно. Но человек, который трижды уходит из кадра, обычно не любит камеры. Фотография — это доказательство. Доказательство чего?

И в этот момент рука Елены легла поверх ладони Кирилла на спинке стула — на секунду дольше, чем позволила бы себе женщина рядом с обычным деловым партнёром, чем позволила бы себе женщина с «деловым партнёром» на глазах у двухсот гостей.

— Ого, — выдохнула Лера. — Вот это у них «деловое партнёрство». Алиса, если ты ещё сомневалась, я бы начала записывать.

— Лера.

— Что? — Лера пожала плечом. — Мужик выглядит так, будто умеет улыбаться даже тогда, когда уже всё решил. Такие меня обычно пугают (проверить нечем: такие не ошибаются, они пересчитывают).

— У маньяков улыбка честнее, — тихо сказала Алиса.

Марк стоял у окна.

Бокал работал щитом: с ним руки заняты, а к человеку с занятыми руками не подходят с разговорами.

— Марк, — голос Кирилла был мягким, почти дружеским. — Ты здесь стоишь так, будто тебя пригласили случайно.

— Так и есть.

Кирилл улыбнулся своей галечной улыбкой и потянулся рукой к его плечу — дружески, по-родственному.

Марк повернулся на полшага.

Рука Кирилла повисла в воздухе. На секунду. Но любой, кто умел читать жесты, увидел бы эту секунду целиком: неподвижную ладонь, идеальную улыбку, под которой что-то мгновенно пересчиталось и перестроилось. Кирилл без паузы перевёл жест — поправил собственный манжет. Так гладко, будто именно это и было задумано.

Он умеет проигрывать красиво, — подумал Марк. *Опасно умеет.*

— Твоя мать переживает за тебя, — мягко сказал Кирилл.

— Моя мать переживает за своё лицо в завтрашних светских колонках.

— Марк, — Кирилл чуть склонил голову. — Мы теперь семья. Можно хотя бы попробовать не воевать.

— Мы? — Марк посмотрел на него сверху вниз. Он был выше на полголовы, и сейчас использовал каждый сантиметр. — Интересное местоимение, Кирилл. С каких пор ты — это «мы» в этой семье?

Улыбка не дрогнула. Ни на миллиметр. Но глаза — глаза на двенадцатую долю секунды стали плоскими и холодными, как монета на дне колодца.

Эту долю секунды в зале видели двое: Марк, который смотрел прямо в эти глаза, — и девушка у колонны с нетронутым бокалом шампанского.

— С того дня, как твоя мать сказала «да», — спокойно ответил Кирилл. — Семья не всегда начинается с крови. Иногда люди просто принимают решение стать ею.

Он похлопал Марка по плечу — на этот раз не уворачиваться было нельзя: вокруг слишком много глаз. Марк стоял неподвижно, с каменной скулой, пока чужая ладонь лежала на его плече, и считал про себя секунды, как считал удары по груше.

Кирилл ушёл, растворяясь в толпе с изяществом челове-

ка, который всегда знает, где выход.

И только Марк заметил то, чего не заметил никто: когда Кирилл проходил мимо президиума, Елена не смотрела на сына. Она смотрела на Кирилла. И пальцы её — быстро, тайно, как сигнал семафора, — коснулись его рукава.

Марк посмотрел на свой бокал — по-прежнему до краёв — и, не притронувшись, переставил его на подоконник. Где-то за его спиной квартет плавно свернул с Дебюсси на что-то ещё более медленное, почти вязкое. Виктор и Елена уже выскользнули в центр зала: начинался их первый танец, очевидно отшлифованный до последнего шага, как всё остальное у них дома. Аплодисменты вспыхнули быстро — коротко, но громко — и кто-то тут же потянулся к партнёру за руку. Впрочем, здесь все даже неподдельные порывы кажутся аккуратно внесёнными в семейное расписание (в этих стенах почти не бывает совпадений).

— Ну? — Лера ткнула Алису локтем. — Он стоит у того окна уже час, как статуя с бокалом. И пятьдесят восемь минут этого часа он смотрит на тебя. Я считала.

— Ты считала?

— Я твой друг. Считать минуты твоих страданий — мой гражданский долг.

Алиса посмотрела через зал. Марк и вправду стоял у окна. Но Лерины пятьдесят восемь минут она не стала проверять. Слишком уж много внимания к мужчине, который и без того заметил её.

Хватит ждать, пока он сделает шаг, — подумала она. Он простоит так до конца банкета, а она будет стоять до конца своего терпения. Кто-то из нас должен оказаться смелее.

Она сунула Лере свой бокал.

— Подержи.

— Ого, — расплылась Лера. — Охота началась. Я тогда и попкорн подержу.

Алиса прошла через зал так, будто на мгновение весь шум вокруг приутих. Её шаги были уверенными, даже когда почти физически ощущала — за ней следят десятки глаз. Но ни малейшего признака неуверенности: не ускорилась, не остановилась, словно чужое любопытство к ней и вовсе не имело веса.

Марк заметил её почти сразу — может быть, раньше остальных. Он остался сидеть так же неподвижно, как прежде, будто не случилось ровным счётом ничего. Разве что взгляд у него стал острее, чуть пристальнее, будто он примеряется к новой задаче или ловит в движении Алисы что-то только ему одному понятное.

— У тебя полный бокал, — сказала она, остановившись в шаге. — Час банкета. Ноль глотков.

— Ты теперь и мои глотки считаешь?

— Я всё считаю, — Алиса пожала плечами. — Это профессия.

— И каков счёт?

— Ноль глотков. Одно разорванное приглашение. Одна собака, которую ты приказал убрать. И слишком много взглядов в мою сторону.

Его бровь дёрнулась.

— Пятьдесят восемь?

— Подруга считала. Она дотошная.

— И какой вывод делает твоя... статистика?

— Вывод такой: ты умеешь смотреть часами, но подойти не умеешь. Поэтому сегодня я избавлю тебя от этой проблемы.

Она резко взяла его за запястье — горячее, с венами на тыльной стороне, — и потянула от окна.

Марк не сопротивлялся, когда она потянула его к танцполу. Но шёл сам — медленно, с тем выражением лица, которое говорило: он уже решил не отступать, просто ещё не решил, зачем.

В центре зала он остановился. Алиса подняла подбородок. Лера у колонны уже улыбалась так, словно получила лучший билет на вечер.

— Ну? — Алиса вскинула на него глаза. — Колонна будет стоять или танцевать?

— Я не танцую.

— Сегодня придётся.

Алиса взяла его правую руку и положила себе на талию. Вторую оставила в своей ладони.

— Не бойся, — тихо сказала она. — Я не кусаюсь.

Марк посмотрел на её пальцы, потом ей в глаза. Только после этого его ладонь легла ей на бок — осторожно, почти формально.

Квартет перешёл на танго Астора Пьяццоллы. Первый акцент был резким. Алиса сделала шаг вперёд левой ногой, Марк ответил правой — коротко, точно. Он не тянул её за собой: сначала проверил её баланс, потом дал пространство для следующего шага. Алиса повернулась под его рукой, каблук описал по паркету полукруг. Марк заметил движение раньше, чем она закончила поворот, и перехватил её ладонь.

— Вот. Уже лучше — прошептала Алиса. — А я думала, ты правда мебель.

Это ему понравилось. Больше, чем хотелось бы признать. Он повёл её в обход — шаг назад, лёгкий разворот, и вдруг её нога почти касается его бедра, но всё-таки проходит мимо, не задевая. Марк как будто замирает: держит корпус совершенно неподвижно, словно весь мир завис на мгновение только для того, чтобы дать ей закончить это движение. Ни суеты — никаких попыток торопить события или взять управление в свои руки на силу. Вообще ничего лишнего: он просто ждёт и доверяет ей полностью.

А потом — почти незаметно, только для неё одной — его пальцы чуть крепче ложатся на её талию. Вот теперь пора идти дальше.

С этого момента он уже не просто двигается за ритмом музыки: здесь начинается настоящее ведение. Именно отсю-

да начинается танец, а не просто набор шагов под аккомпанемент.

Марк дал ей импульс вперёд, остановил на половине шага и развернул вокруг своей оси. Алиса проскользнула мимо его плеча, вернулась в закрытую позицию. Его левая рука держала её правую, большой палец едва заметно двигался в такт. Он думал только об одном: не приблизиться слишком быстро. Не испортить то, что возникло между ними само.

Она ответила мгновенно: шаг, пауза, резкий поворот. Её ладонь скользнула выше по его плечу. Марк почувствовал частое биение её пульса под пальцами и впервые за вечер позволил себе короткую улыбку.

— Пульс участился, — прошептала Алиса. — Для человека, который «не танцует».

— Ты слишком много считаешь.

— Работа такая.

Он сделал ещё один шаг, затем резко остановил движение. Алиса по инерции подалась вперёд, и Марк поймал её в наклоне: одна рука под лопаткой, вторая удерживает её кисть. Он видел её лицо снизу, слышал сбившееся дыхание и впервые ясно понял, что хочет задержать этот момент. Но не поцеловать. Пока нет. Слишком легко было бы превратить напряжение в банальность.

Он поднял её плавно, без рывка. На секунду они оказались грудь к груди. Марк сделал боковой шаг, Алиса повторила. Ещё один — синхронно. Музыка шла дальше, а зал вокруг

перестал иметь значение.

— Ты опять считаешь, — сказал он почти у самого её уха.

— Всегда.

— И сколько насчитала?

Алиса улыбнулась.

— Сейчас? Я сбилась.

— Впервые честно

Это зацепило — до того, что он сбился со счёта.

Музыка закончилась. Последний акцент пришёлся точно на остановку их движения. Марк не отпустил её сразу: дал секунду, чтобы дыхание вернулось в норму, затем медленно разжал пальцы. Между ними осталась та же близость — только теперь она была осознанной.

— Кирилл и твоя мать, — тихо сказала Алиса. — Давно?

— Что ты видела?

— То, что они считают невидимым. Фотографу Кирилл уступил кадр трижды. Елена касалась его руки дольше, чем нужно партнёрам по бизнесу. А когда он сказал «мы», она посмотрела на него, а не на Виктора.

Марк молчал два такта тишины, оставшейся после музыки.

— Ты опасная, Алиса.

— Я наблюдательная.

— Это и делает тебя опасной. — Он чуть отстранился. —

И пожалуйста, не лезь в историю с Кириллом.

— Снова приказываешь?

— На этот раз — прошу, — сказал он тихо. — Не лезь.

Алиса отступила на шаг. Одернула платье. И — громко, так, чтобы слышали ближайшие соседи, — сказала:

— Спасибо за танец, колонна.

— Колонна?

— Первые две минуты ты стоял как колонна.

— Я разогревался, — почти серьёзно ответил Марк.

И где-то у колонны Лера, прижав ладонь ко рту, беззвучно показала Алисе два больших пальца.

Глава 6: Половина лестницы

Банкет схлопнулся ровно в полночь — вдруг, как если бы по расписанию кто-то выключил музыку. Уже через час к особняку подъехали такси, водители зевали и с расстановкой топтались вокруг прогреваемых машин — будто надеялись незаметно смыться раньше хозяев. На крыльце всё гудело: одни прощались слишком напоказ, другие неловко тянули время, третьи судорожно тыкали в экран вызова такси — но какое там такси за городом, среди ночи, на этой петляющей дороге.

Воздух... Был октябрь в чистой форме: что-то между жестью металла, мокрой землей и лёгким дымком. Это не гламурная «осенняя свежесть» из инстаграма или статей для домохозяек. Тут реально минус девять (*я поняла сразу же — секунды через две лопатки тотчас начали ныть*). Вот она цена поспешных решений: чётко просчитала погодные условия, а вот наряд подобрала как для рекламной съёмки, забыла про банальные колготки. Иногда глупость выглядит именно так — похожа на ещё один «план».

Алиса поставила себя возле колонны как по линейке — прямо-таки вычерченная стойка. Удивительно целеустремлённая осанка для такого времени ночи и после стольких бокалов.

Каблуки (одиннадцать сантиметров, ни больше ни мень-

ше) под конец вечера превращаются из аксессуара в отдельный квест. Если честно, я уже полтора часа монтирую свою позу заново при каждом шаге, чтобы не распасться на элементы конструкции.

Алиса держалась идеально собранной: спинка прямая, плечи развернуты так выразительно, что хоть сейчас на показ мод; подбородок чуточку выше нормы; стеклянный бокал прижат к ладони нарочито небрежно (скорее жест, чем поддержка). И глаза у неё были вовсе не пьяные, а такие... продуманные? Словно задумалась о том самом главном и никак этого не выдаёт.

Два бокала. Ещё один — почти целый, который я мысленно не считала, потому что так проще. Пятьдесят два килограмма, несколько часов без нормальной еды, каблук. Цифры я знаю. Просто сегодня мне не хочется складывать их в правду.

С последнего бокала — двадцать минут. Это много. Это мало. Это ровно столько, сколько можно себе позволить и не признаться.

— Ты меня слышишь? — спросила Лера.

— Слышу.

— Тогда повтори.

— Ты сказала, что у тебя такси через семь минут и что мне надо поехать с тобой.

— Я сказала: тебе надо поехать со мной. Такси тут ни при чём.

Лера стояла в этом чужом—и вроде бы своём—пальто, которое накидывают на плечи на выходе из шумного зала. Туфли она несла в руке; после танцев и напитков даже самые красивые каблуки становятся врагами. Лера выпила тоже, просто не делала вид, что нет — ей вообще было свойственно не прятать ничего до конца. И этим она, кажется, больше всего и нравилась — как будто вокруг все ходят в защитных слоях и нюансах, а Лера — вот здесь и сейчас, ничего от тебя не утаивает.

— У меня диван, — сказала она. — И пицца в морозилке. И сериал, который ты не видела.

— Мне завтра...

— У тебя завтра ничего. У тебя завтра выходной...

Она права. И в этом всё дело.

Если я скажу «да» — доеду, поем, засну. А в восемь утра Лера сварит кофе, сядет напротив и начнёт задавать вопросы, на которые у меня уже есть ответы. Просто ответы мне не нравятся.

Алиса усмехнулась.

Влево её повело — на полшага, не больше. Она успела превратить это в наклон к колонне и посмотреть в сторону ворот, будто там было что-то важное.

Лера проследила за её взглядом.

— А, — сказала она. — Вот оно.

— Что «оно»?

— Я посчитала. Двенадцать минут без перерыва. Может,

тринадцать.

— Плохо считаешь.

— Хорошо считаю. Это ты плохо стоишь.

Она считала. Я тоже. У нас обеих одна привычка — считать вместо того, чтобы сказать прямо (счёт — вежливая форма правды, которую не решаются произнести).

— Это комплимент от человека, который стоит на гравии босиком.

— Минус девять, между прочим, — Лера надела туфли и сразу об этом пожалела. — Ладно. Я предлагала. Ты отказалась. Я записала.

Она шагнула и обняла её — коротко, крепко, до хруста где-то в лопатках.

— Если что, — сказала она в плечо, — я в шестидесяти минутах. Ровно. Я проверяла.

— Ты проверяла.

— Я всегда проверяю. Я же знаю, в какой семье ты теперь живёшь.

Такси уже поджидало у ворот. Лера легко устроилась на заднем сиденье, махнула рукой — не то Алисе, не то всему дому, как бы отмахнувшись сразу от всего прошлого вечера. И вот уже — её больше нет: только алые хвосты огней доползают до поворота, мелькают и здесь же растворяются в темноте.

Алиса не двинулась с места — задержалась на пару лишних секунд, больше по привычке, чем сознательно. Иногда

просто стоишь и ловишь момент опоры: земля здесь, под ногами, ты тут же, в теле. Не потому, что шаткая — нет, никакой алкогольной дурноты. Скорее это усталость наваливается: та самая настоящая усталость, после которой не хочется ни шагу делать просто так.

Уехать ей всё равно некуда — своей машины нет, а из тех людей, кому можно позвонить глубокой ночью без лишних объяснений... *Ну нет пока таких. Не собрались они пока в жизни.*

А возвращаться обратно в дом? Этот вариант даже не рассматривала ни разу за весь вечер. Сейчас особенно — плечи будто застыли на пороге: мысль повернуться к этим дверям вызывает какое-то внутреннее сопротивление. Что ж, постояю ещё пару минут на прохладном воздухе.

Марк видел всё.

Он стоял в стороне — там, где кончалась полоса света и начинался гравий, — с бокалом, из которого не сделал ни глотка. Бокал работал как занятые руки: с ним к человеку не подходят с разговором. Он проверял это правило годами, и оно почти всегда работало.

Марк не смотрел на неё специально. Просто оказался в точке, из которой её было видно целиком, и не стал оттуда уходить.

Она смеялась на полсекунды позже, чем следовало.

Слух — единственное, что в такие минуты не врёт:

слышно ритм, а не смысл. Она слышит музыку корпусом. Я это заметил ещё тогда, и тогда мне это понравилось. Большие, чем хотелось бы признать.

Спину держала на мышцах, а не на привычке, — и продержала бы до утра, потому что не умела иначе. Каждый раз, когда рядом никого не было, клала ладонь на камень. Она была пьяна и была уверена, что этого не видно.

Мне интересно: она вообще допускает, что её кто-то разбирает так же, как она разбирает всех? Наверное, нет. С ней так давно никто не сидел (для протокола: не жалость. Профессиональный интерес — так ему, по крайней мере, удобнее).

Марк не считал бокалы. Считать бокалы — это когда интересно. Здесь было другое: он просто знал. Три шампанского, один бокал чего-то, что шампанским не было, и вино от подруги — то самое, которое она взяла, чтобы не спорить. Четыре с половиной порции на человека пятидесяти с небольшим килограммов, на каблуках, почти без ужина.

Она могла стоять. Пока могла.

Вот на этом слове, пожалуй, мне и следовало бы свернуть вовнутрь себя. Прямо здесь проходит та самая незримая граница — точка, на которой я за два года так и не решился переступить внутрь, и в этот вечер точно не собирался. Но там, в зале, всё звучало гораздо легче — я за чем-то произнёс: «Да я просто разогревался!». И знаешь, получилось даже смешно — ты ведь даже не поняла, насколько

ко оказалась близко к правде: последние два года я к танцам вообще не прикасался. А тут вдруг взял и поведя, как будто мастерство — это навык, который невозможно потерять.

До сих пор чувствую её пальцы на своей левой ладони. Именно пальцы — не вес. Те, кто когда-нибудь держал что-то хрупкое (стеклянную фигурку или старую чашку бабушки), меня поймут: вес можно отпустить, избавиться от него моментально. А вот память о чужой коже держится до следующего утра — как будто твоя рука сама отказывается отпустить эти ощущения. Организм умеет игнорировать логические завершения — для тела ничего не закрывается раньше времени.

Талия... Обычно говорят «узкая талия», и фраза звучит почти как комплимент по учебнику. Но тут была не «узкая» — а живая. Совсем другое ощущение: не измеряется сантиметрами. До этой встречи мои руки помнили разве что руль машины, бинты да спортивную грушу — с ними особого контакта не возникнет (на руле никто не слушает твоих ощущений). А сейчас мне пришлось буквально вслушиваться руками.

Я заметил: её пульс под ладонью забился чаще обычного. Она сказала это громко специально — чтоб смеялся весь ряд вокруг: «Пульс участился для человека, который «не танцует»!». Самое странное — я помнил этот стук лучше музыки. В какой-то момент просто перестал подстраиваться под ритм зала и начал вести сам... Хотя абсолют-

но вылетело из головы, когда именно это случилось. Видимо, миг всё-таки был — тот самый, когда бросаешь маску «я здесь просто прохожу мимо» и остаёшься настоящим.

Она опасная — эти слова вырвались у меня вслух (и ни малейшего сожаления тогда или спустя). Простая психотерапевтическая формула: если девушка опасная — значит, можно держаться на расстоянии и оправдать любую осторожность перед собой же. Удобное алиби: работает почти всегда... Почти.

Проблема только одна: после истории с Аней я рядом больше ничего близким не называю, только ценой. Обычно эту цену вижу заранее (видишь ценник на витрине? Вот у меня то же самое по ощущениям), но сейчас её нет. А отсутствие цены сбивает сильнее любого шага навстречу.

И вдруг включилась память туда, куда ей было категорически нельзя: дождь по стеклу машины; зелёные глаза; две ладони сплелись вместе... Дальше — глухо, чёрный занавес без финала. За этот кадр себе строгий запрет ещё с тех пор.

Держать сейчас границу между прошлым и текущим оказалось делом принципа. Пожалуй, впервые за долгое время благодарен себе за то, что сумел остаться по эту сторону черты.

Её взгляд тоже хранился внутри отдельной строкой: смотрела прямо в глаза и ни на миллиметр первой не отвела взгляд (это ждёшь от кого-то другого вроде Ани... а тут

ведь совсем другая история). Именно поэтому сложнее с неё переключиться.

Если на секундомер поставить девяносто секунд... Если за них она поведёт в танце другого (например, Виктора) — у него плеч хватит максимум на раз в стену упереться; опыта мало для таких ситуаций. Я же выйду вперёд и просто возьму — удержу ровно столько времени, сколько потребуется.

— Пап.

Виктор обернулся. Он стоял у машины и разговаривал с водителем — тем, который возил его десять лет и ни разу не задал лишнего вопроса.

Десять лет. Он возил меня в школу, когда мне было двенадцать, и ни разу не рассказал отцу, что я ревела в машине после. Преданность — это когда человек молчит не из страха, а потому, что решил молчать.

— Я поеду, — сказала Алиса. — Мне в город.

— Никуда ты не поедешь.

— Я поеду с водителем.

— И с водителем не поедешь.

Он не сказал «ты пьяна». Виктор вообще не произносил таких слов вслух. Он умел смотреть на человека и не называть то, что видит, — и от этого становилось хуже, чем от названного.

Он никогда не называет. Если назовёт — придётся раз-

бираться, а он не тратит время на разбор. Он просто закрывает вопрос, как окно.

— Поздно, — сказал он. — Дорога мокрая. Утром поедешь.

— Утром я поеду оттуда, откуда захочу.

— Вот утром и поговорим.

— Пап, — Алиса подняла руку, чтобы что-то изобразить: жест, отрезок, границу. Не изобразила ничего.

Она замерла в проходе, где тёплый свет из комнаты выливался в темноту — но, будто споткнувшись, исчезал уже через пару шагов. Слева пахло воском и сладкой усталостью, воздух был тяжёлый, почти липкий. Справа — ночная улица, минус девять, гравий под ногами сырой и шершавый; там ждал этот хрустящий мрак с пустым звуком шагов. А она — где-то между: не то внутри, не то снаружи. На высоких каблуках, слегка покачиваясь от тех самых четырёх с половиной порций (ну кто вообще считает эти «половины», если честно?).

И вдруг её нога словно сама собой подвинулась — даже не шагнула всерьёз, а так... на четверть поворота корпуса. Это как когда сходишь с эскалатора и последний момент тебя выводит из равновесия: мозг говорит «иди», а ступня ещё ищет почву и странно предаёт. Всё тело оказывается в этой нелепой полу-движении.

У неё внутри мелькнула короткая вспышка мысли — «сейчас». Только это слово успело промелькнуть: «сейчас».

А в следующий миг она ощутила пронзительный холод у виска (неожиданный соперник тихому жару внутри), чью-то чужую руку у себя под ладонью — и всё вокруг стало настолько правильным и ровным, что даже дыхание стало ненасыщающим.

— Стою.

Она открыла глаза, которых не помнила, что закрывала. Пальцы держались за чужой рукав; под ладонью — камвольная шерсть, под шерстью — металл и мышцы. Держали её не за плечо и не за локоть. Держали за талию, обеими ладонями, как держат то, что не собираются ронять.

Не сказал ни «осторожно», ни «ну ты даёшь» — ничего, кроме «стою», как будто это единственная фраза, которая тут нужна. И была нужна, между прочим, именно она.

Улавливаю себя на автомате: снова разбираю всё по деталям, почти как защитную реакцию (так не так остро чувствуешь тревогу, меньше шансов утонуть в чувствах). Вот эти самые две ладони — обе лежат на талии. Большие пальцы не врезаются, хват аккуратный: совсем не тот, каким ловят добычу. Это скорее жест кого-то, кто бережно переносит что-то хрупкое — несёт, но не присваивает.

Мог бы для простоты схватить за плечи — тогда уж точно никуда не денешься, контроль полный. Но он этого не делает; выбирает сложнее — или бережнее? Навык у него безупречный, безошибочный (по учебнику действовал бы именно так).

Снаружи всё чисто и правильно. А вот внутри... честно говоря, это самое паршивое из ощущений. Тут уже не про технику и даже не про привычку — тут про какую-то холодную отстранённость, которая пугает куда больше боли.

— Отпусти.

Когда я произнесла это, адресатом была не он — себе сказала, внутри себя. Просто в какой-то момент явно поняла: если не оборву сейчас, если уступлю ещё одну долю секунды — окажусь с ним дольше, чем могу позволить. Одну секунду я еще сумею объяснить себе. Две — уже нет.

Он отпустил сразу же, ни малейшей попытки задержать, ни «ну подожди», ни «что тебе, трудно?». Такой хват не оружейный — скорее так выпускал бы что-то ценное из рук человек, которого с детства учили: не приписывай себе чужое, не держи вопреки чужому решению.

Она мгновение стояла сама. Потом поняла, что не совсем сама, и сделала вид, что проверяла. Виктор смотрел на них обоих. Не двигаясь и не подходя.

— Я провожу её до комнаты, — сказал Марк.

Не спросил. Не предложил.

Виктор молчал две секунды. За это время в нём успело сложиться многое, и вряд ли он разложил это сам: что женщина, которая сейчас стоит рядом с ним в этом доме и уже носит его фамилию, восемь лет назад ушла и оставила восемнадцатилетнего сына. Что сын вырос и приехал. Что сейчас этот сын держит его дочь — и держит правильно.

Он кивнул. Один раз. Коротко, как гасят сигарету.

— Только до двери, — сказал он.

Он даже здесь поставил условие. Не «спасибо», не «проводи». «Только до двери». В этом весь он: помощь разрешена, но протоколируется.

— Разумеется, — ответил Марк.

Алиса смотрела на отца. Он не выглядел ни раздражённым, ни довольным. Он выглядел как человек, у которого всё под контролем, — и это было самое обидное за весь вечер.

— Тебе не обязательно меня вести.

А руки у него были тёплые. Вот что хуже всего. Меня несло, а не били, и от «несли» я отвыкла сильнее, чем от «бьют».

И надо было стать холодной . Не потому, что он мне неприятен. Потому что есть только один способ не остаться у него в долгу: не признать, что он мне помог.

Дальше — держаться за перила и ни разу не обернуться.

Лестница была широкой и старой — та самая, по которой Алиса в шестнадцать лет спускалась, держась за перила одной рукой, а ладонью по стене — другой. Пятнадцать ступеней, площадка, разворот, ещё девять. Она знала это телом.

Сегодня тело работало медленнее, чем знало.

Марк шёл на полшага позади и слева. Руки держал при себе — и всё-таки правая висела на середине пути между его бедром и её локтем. Не касаясь. На расстоянии полвздоха.

Четырнадцать сантиметров, — думал Марк. Я замерил их ещё на третьей ступени. К десятой знал: сократить расстояние — и её локоть коснётся моих пальцев. К четырнадцатой — она почувствует это. А если почувствует, мне придётся либо отступить, либо признаться себе, что я хочу коснуться её не случайно. Второе было опаснее.

Она это заметила. Разумеется, заметила. Это была работа. И, как у всякой работы, сегодня от неё не было никакой пользы.

— Ты считаешь ступени, — сказал он.

— Всегда.

— Зачем?

— Чтобы не считать другое.

Она поправила подол. Каблук встал на кромку ступени правильно, но она всё равно почувствовала, что равновесие взято в долг.

— Мне помочь?

— Тебе стоит сказать что-нибудь, от чего мне станет легче.

— Не знаю таких слов.

— Плохо.

Она добралась почти до конца — вот она, четырнадцатая ступень, всего одна осталась. Почти дома. Но тут каблук вдруг — не то чтобы соскользнул, а аккуратно промахнулся мимо ступени, совсем не коснувшись её. Прямо сквозь воздух — и всё. Как будто по ошибке перелистываешь страницу

и вдруг обнаруживаешь пропущенный абзац: вроде только что держал почву под ногами, а теперь пустота. Земля продолжает быть там же, но вот сама ступень исчезла из-под ноги, как будто кто-то выдернул коврик в самый неподходящий момент. Сначала время тянется — ты ещё не понимаешь, что случилось; потом оно вдруг ускоряется, и тело уже катится назад, уже это всего не остановить. И вот это уже происходит не с тобой: движения теряют привычную принадлежность, контроль уходит вместе со ступенью.

Ладонь на её талии сомкнулась раньше, чем она успела додумать страх. Вторая легла под лопатку. Марк догнал её падение в середине движения и остановил там, где оно ещё не стало падением.

И, не дав ей искать опору, Марк поднял её на руки. Без рывка. Одним точным движением — так уверенно, будто тело само знало, что делать. Одна рука легла под её колени, вторая поддержала спину. Он поднял её выше, чем требовалось для равновесия, и на короткий миг Алиса оказалась прижата к нему всем телом.

Вот теперь держи себя в руках. Он чувствовал через ткань тепло её тела, слышал сбившееся дыхание у самого горла и слишком хорошо понимал, насколько легко было бы притянуть её ещё ближе. Не сделать. Не сейчас. Он не собирался превращать её страх и его собственное желание в одно и то же.

Её ноги повисли на мгновение, а потом одна рука сама

оббила его шею, вторая легла на плечо. От этого простого движения у Марка напряглась челюсть. Она доверилась ему хотя бы на несколько секунд — вынужденно, почти случайно, но этого оказалось достаточно, чтобы внутри вспыхнуло то, что он два года держал под замком.

Её волосы щекочут кожу у шеи. Тёплое дыхание скользит по горлу. Марк заставил себя смотреть только на лестницу. Один шаг. Второй. Ровное дыхание. Не сильнее сжимать руки. Не позволить ладони задержаться на её талии дольше необходимого. И главное — не думать о том, как легко она помещается в его руках и как неправильно ему нравится это ощущение.

— Я в состоянии... — начала Алиса.

— Знаю.

— Тогда почему...

— Потому что нет.

— ...спорить, — договорила она. — Спорить я в состоянии.

Он поднимался дальше спокойно, будто ничего не происходило. Только мышцы рук были напряжены сильнее, чем требовала её тяжесть. Он держал Алису так, чтобы ей было удобно, но его собственное тело выдавало то, что лицо скрывало: плечи жёсткие, челюсть сжата, дыхание глубже обычного.

Алисе вдруг стало почти смешно: мужчина, который ещё недавно стоял перед ней как колонна, теперь нёс её по лест-

нице так уверенно, словно это было самым естественным движением на свете.

Он был ближе, чем любой человек за последние четыре года. Под её щекой билось тепло его тела, под ладонью ощущалась сила, которую Марк привык держать под контролем. И Алиса ясно поняла: ей нравится не то, что он держит её. Ей нравится, как он это делает — крепко, надёжно, без суеты, словно ни за что не позволит ей снова упасть.

И именно это пугало сильнее всего. От него пахло холодом с улицы, кожей и дымом. Его грудь под её щекой поднималась медленно, но слишком глубоко. А когда он чуть перехватил её, поправив хват, его пальцы на мгновение сильнее сомкнулись под её коленом — и тут же ослабили. Контроль. Он буквально держал его в каждой мышце.

Вторая рука — та, что на плече, — сама поползла вверх.

Она не думала, что делает. Пальцы прошли по воротнику, задержались у края скулы, поднялись к виску — и остановились. Под кожей что-то дрогнуло. Марк не двинулся. Только взгляд стал темнее. Её прикосновение было почти невесомым, но он почувствовал его так, словно она провела ладонью по голой коже.

Воротник — раз. Скула — два. Висок — три. Марк считал её прикосновения, потому что иначе мог позволить себе забыть, где заканчивается контроль. Если она проведёт пальцами выше — он может перехватить её руку. Если задержит ладонь — может наклониться к ней. А если она сама

приблизится ещё на сантиметр, он уже не был уверен, что захочет остановиться. Ему хотелось прижать её крепче, почувствовать, как она устроится в его руках, вдохнуть запах её волос у шеи — и потому он продолжал считать ступени.

Она провела по ней кончиками пальцев. Один раз. Медленно.

— Откуда это?

Под её ладонью, на шее, что-то качнулось. Одно короткое напряжение: мышца сжалась и отпустила. Так бывает, когда человек гасит вздох.

— Не важно, — сказал Марк.

— Ты не мог ответить нормально?

— Мог. История плохая, а лестница короткая.

Алиса хотела сказать, что у неё есть время. И поняла, что это прозвучало бы лучше получасом и двумя бокалами раньше. Она промолчала. Пальцы, которые лежали у его виска, она сняла их медленнее, чем требовалось.

Сняла не сразу — отметил Марк. Значит, она тоже не спешила возвращать между ними расстояние. *От этой мысли внутри стало жарко.* Он почувствовал, как желание поднимается тихо, без прежней ярости — тяжёлое, мужское, почти спокойное. Хотелось удержать её ещё немного. Хотелось, чтобы дверь впереди не приближалась. Но он только крепче перехватил её на руках — настолько, чтобы она не почувствовала, чего ему стоит отпустить.

Он донёс её до конца коридора и остановился у двери. И

впервые такой путь казался ему слишком коротким. Потому что у двери придётся поставить её на пол, убрать руки и снова стать тем Марком, которому ничего не нужно. А руки уже знали, что это будет ложью.

Алиса спрыгнула сама — резко, почти из его рук, — и чуть не испортила этим всё, что он только что сделал.

Прыжок с собственной высоты. Технически — самый глупый способ доказать, что ты в порядке: я бы поставил минус.

— Хватит, — сказала она, поправляя платье. — Я не маленькая, чтобы меня носить.

— Не спорю.

— Ты всё время не споришь. Это раздражает.

— Знаю.

— Хватит «знаю».

— Больше не буду.

Она выдохнула и открыла дверь. И замерла. Здесь ничего не изменилось:

Кровать под пологом цвета топлёного молока. Белая тумба с тонкой кромкой позолоты, уже тронутая временем. Лампа с бахромой, которую она включала, читая под одеялом, и гасила рывком, услышав шаги в коридоре. Шкаф с зеркальной дверцей; за дверцей — школьная форма и два платья, которых она не помнила.

На полке — учебники, томик Ахматовой, сундучок с ра-

кушками, музыкальная шкатулка. За учебниками, вплотную, как всегда и прячут то, что читают на самом деле, — толстый том по судебной медицине. Ей было шестнадцать. Она выпросила его у знакомого врача и запретила себе этим гордиться.

На косяке — три полосы карандашом, с датами её почерком: «11», «14», «16». Последняя — чуть выше уровня её плеча.

Три года назад она перестала расти. Комната этого не заметила.

Марк не вошёл.

Она стоит ко мне почти спиной, платье открыто до лопаток. Я уже отметил это в зале — как факт, без картинки. Сейчас факт перестал быть просто фактом: после того, как я нёс её на руках, я слишком хорошо представляю, как выглядит её кожа там, куда не должен смотреть.

Всё. Факт исчерпан. Хотя нет — не исчерпан.

Если она сейчас поднимет волосы, я узнаю, как у неё сзади шея. Она не поднимет. Я просто перечислил, что мне сейчас не надо знать.

Уходить надо не из усталости. Уходить надо потому, что у меня впервые за всё это время есть причина остаться. Потому я и должен уйти.

Он стоял в проёме — ровно на границе света из комнаты и темноты коридора. Единственное место во всём доме, где он сегодня себе что-то позволял. Она поняла это только сей-

час и не поняла, как к этому относиться. Он смотрел не на мебель. На полог. На шкатулку. На полоски на косяке. И в конце — коротко — на неё.

— И правда принцесса, — сказал он.

Это было сказано без злобы и без нежности. Так констатируют факт, найденный на месте происшествия. Это было хуже всего.

Алиса нахмурилась, фыркнула, закатила глаза — три действия, которые у неё обычно занимали одну секунду.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи.

Она закрыла дверь прямо перед его носом.

Не хлопнула — хлопнуть значит признаться. Она не признаётся: закрывает плотно, до щелчка, а потом стоит за дверью и считает мои шаги.

Он закрыл свою дверь гостевой комнаты напротив её двери — тихо, как закрывают не для того, чтобы не слышали, а чтобы услышали ровно настолько, насколько нужно.

Глава 7: Две женщины в одной голове

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал как точка в предложении, которое он так и не решился произнести вслух. Марк стоял посреди гостевой комнаты и смотрел на белую панель двери, будто ждал, что она сейчас откроется снова.

Он сам не понял, почему сказал «спокойной ночи, принцесса». Вернее — понял, но не собирался себе в этом признаваться. Слово выскочило само, как осколок от удара: короткое, точное, с той самой интонацией, от которой у неё дёргался уголок рта. Он видел, как дёрнулся. Видел, как она попыталась это скрыть.

Чёрт. Он стянул пиджак, бросил на спинку кресла — слишком резко, пуговица ударилась о дерево с коротким стуком. Часы не снял — часы всегда оставались на нём, как будто кто-то в этом доме должен был знать время.

Рубашку — туда же. Остался в брюках.

Зеркало на стене отразило его торс: шрамы, тату, анатомическое сердце с красными потёками, остановившиеся часы на предплечье. Он не смотрел в зеркало. Смотрел в пол.

Он снова начал отжиматься, превращая движение в счёт — девяносто восемь, девяносто девять, сто, сто один, сто

два. Обычно тело забирало то, что голова отказывалась отпустить. К сотому повтору мысли обычно стихали. К сто пятидесятому оставался один ритм. Сегодня — нет. Сегодня тишина не приходила — вместо неё в голове крутилось одно и то же: *«Спасибо за танец, колонна»*.

Сто пять, сто шесть, сто семь. Она пахла чёрной смородиной и ирисом. Этот запах теперь, казалось, въелся в его рубашку, в кожу, в самую ткань воздуха этой комнаты. И ещё — её пальцы на его скуле. На шраме. Медленно. Один раз. Как будто она имела право.

Сто восемь. Сто девять.

Он не досчитал до десяти — дверь открылась без стука, без предупреждения, просто щелчок замка, который он забыл запереть, и звук шагов по паркету. Марк остался в нижней точке отжимания — локти согнуты, грудь в сантиметре от пола, мышцы напряжены так, что дрожали. Он медленно поднял голову.

Сначала — ноги: босые, бледные, с аккуратным педикюром тёмного цвета — почти чёрного, почти под её платье. Потом — подол. Изумрудная ткань, расшитая стеклярусом, спадала мягкими складками. Но что-то было не так. Он поднял взгляд выше.

Алиса. Волосы растрёпаны — одна прядь выбилась и легла на щёку. И глаза — тёмные, усталые, злые. *Злые на кого? На меня? На себя? На молнию?*

Она стояла в дверях и смотрела на него сверху вниз — он

всё ещё был на полу, в позиции для отжимания, голый по пояс, с каплей пота, которая медленно сползала по ключице.

— А если бы я был голый? — сказал он. Голос вышел ровнее, чем он ожидал. — Ты всегдаходишь без стука, Алиса?

Она не отвела взгляд. Не покраснела. Только чуть прищурилась — тем с прищуром, от которого у него обычно сжималось что-то в груди.

— Тогда я бы проверила свою гипотезу, — ответила она.

Марк медленно выпрямился. Не от усталости — от необходимости снова взять тело под контроль. После танца оно слишком хорошо помнило, как близко она была.

— Какую гипотезу?

Она не стала ничего говорить — зачем, если можно сказать больше одним только взглядом? Вот он: спокойный, почти дерзкий, её личный фирменный. Она ведёт им по его телу — никуда не торопясь, будто рисует пальцем вдоль шва рубашки, по животу, дальше — к самой запретной черте, где ткань брюк скрывает всё остальное. Останавливается там буквально на секунду. Ну чистое хулиганство.

Потом — глаза в глаза.

Марк машинально смотрит туда же — так, будто пытается поймать ускользающую деталь. Но перед ним только его собственные брюки (ничего особенного), а всё равно внутри прокатывается короткая волна, что-то рефлекторно сжимается.

Он хмурится — привычная защита. А совсем следом за этим его губы сами собой складываются в усмешку — сухую, острую и на удивление настоящую.

— В морге я видела мужиков и пообнажённое, — ровно добавила Алиса, будто делилась бытовой мелочью. — Ты в мою тройку неходишь. Но близко к рейтингу. Считай это комплиментом: я места не раздаю.

— Доступ к объекту — по записи, — ответил он серьёзно. Слишком серьёзно для такого разговора. — Хожу без записи только я.

— Запишусь, — пообещала она без тени улыбки.

Она отвернулась — плавно, с той самой небрежностью, которая у неё всегда выходила оскорбительно красиво. Сделала два шага вглубь комнаты. Остановилась у окна, спиной к нему.

— Я пришла не обсуждать твой член, Марк. У меня проблема.

Она говорила спокойно — почти так же, как в зале, когда он назвал ее опасной. Только теперь была в тридцати сантиметрах от него, босиком, и это спокойствие слишком напоминало его собственное: ровная стена, за которой лучше не искать дверь.

— Проблема?

— Молния. — Она потянулась рукой за спину, пытаясь дотянуться до бегунка. Не дотянулась. — Я не могу её растянуть. А спать в этом платье я не собираюсь.

Марк задержал взгляд на её спине — тонкие ляточки чуть едва держались на плечах, под ними угадывались острые лопатки и плавная дуга талии. Всё выглядело до странного спокойно. Как будто здесь просто кто-то стоит у окна, а не та самая девушка, которая ещё час назад крутилась с ним в танце и смеялась так, что дыхание сбивалось. Теперь вот она — ночью, в его комнате. И в этой тишине напряжение почему-то только усиливалось: вроде бы всё должно было быть бурей эмоций, а получился какой-то затяжной момент перед чем-то важным.

Она издевается, — подумал он. — *Она точно издевается.*
— Помоги, — сказала она. Просто. Без кокетства. Без просьбы. Как команду.

Марк не двинулся с места.

Сделай шаг — и ты не остановишься. Не сделай — и она обернётся, увидит твоё лицо, поймёт всё. Оба варианта — провал.

— Ну? — она повернула голову через плечо. — Мне долго ждать?

Он шагнул ближе, осторожно, будто боялся спугнуть момент. Ещё — и теперь стоял почти вплотную к ней, их разделяла только лёгкая ткань платья да дрожь воздуха. Жара её кожи пробивалась сквозь материю — внезапная, почти обжигающая, совсем не такая, как он себе представлял.

Марк поднял руку нерешительно, позволив пальцам коснуться её — едва-едва, там, где ткань угодила в ловушку за-

стёжки. Ощущение было странным: кожа под его пальцами оказалась горячей и живой, и через всю руку тут же пошла волна — короткое электрическое покалывание, от которого пальцы чуть подрагивают сами по себе. Типичный тот импuls: вот сейчас — и ты ни о чём уже не думаешь.

Просто делаешь то, что должен. Он быстро высвободил прилипшую ткань и начал тянуть бегунок вниз. Зубчик за зубчиком — медленно, слыша их тихий звук так отчётливо, словно весь остальной мир замер в ожидании вместе с ним.

Десять сантиметров, пятнадцать, двадцать.

Она чуть подалась вперёд, чтобы дать ему место, и её затылок оказался ниже его подбородка. Он ощутил не запах — память о запахе.

Не смотреть, не смотреть ниже — только на молнию.

Он довёл бегунок до конца — и сразу убрал руку. Марк тяжело сглотнул. Ладони сами сжались в кулаки. Несколько лет тело молчало. Сегодня впервые нарушило собственные правила — и Марк не собирался делать вид, что не заметил. Он остановился.

Алиса одной рукой придерживала платье спереди, прижимая его к груди — лёгкое, почти невесомое движение, но от этого жеста у него внутри что-то оборвалось. Вторая её рука всё ещё убирала волосы. Шея — открытая, беззащитная, с тонкой жилой, которая билась под кожей.

Кадык дёрнулся вниз. Челюсть напряглась. Всё это время его тело подчинялось правилам, которые он установил сам.

Сегодня оно впервые напомнило, что правила — не то же самое, что он перестал жалеть

Уйти. Просто уйти. Сейчас, пока не поздно.

Алиса даже не мелькнула взглядом — будто ни секунды колебания, ничего этого воздуха на прощание. Только короткое «спасибо», сухое, почти официозное, и прочь. Ушла настолько просто, что в голове даже не случилось привычного диалога: «постой — а вдруг...». Вот она босой пяткой ступила по прохладной доске (до сих пор слышу этот звук), вот поворот — и всё, только коридор.

Дверь прикрыла за собой так крепко, что от этого плотного щелчка как будто воздух стал тяжелее.

Теперь он застыл посреди опустевшей комнаты, а руки... Руки всё ещё пахнут её платьем. Пахнут так явно, как закрытая дверь — тишиной. Просто в какой-то момент он обнаружил себя сидящим в кресле — в тёмных брюках, без рубашки, с телефоном в руке. Экран светился в темноте комнаты, отбрасывая голубой отсвет на его лицо.

Он пролистал инстаграм — и глаза не за что не зацепились. Чужое солнце, чужие тосты, дети с тортами — всё это плывёт как шум в окне поезда: ты вроде видишь детали, но к себе это никак не применишь.

Возвращается к поиску, набирает её имя. Сорок семь постов — даже не очень много в наше время. Начинает листать — неторопливо, словно надеется случайно наткнуться на что-то важное, хотя уже заранее знает: ищет опреде-

лённую эмоцию, взгляд или просто подтверждение того, что помнит её правильно.

Вот снимок: она у себя в мастерской — волосы собраны тяп-ляп, очки сползли на кончик носа, в руке паяльник. Под фото подпись: *«когда схема сходится с третьего раза, это почти секс»*. Улыбка пробегает сама собой — никто бы её не заметил.

Дальше забавное фото: она и Лера в совершенно нелепых пижамах (у одной даже капюшон с ушами), маски из глины и бокалы вина почти до краёв. На подписи: *«научный подход к пятнице»*. Грустная радость чужого веселья.

Следующий кадр задушевно машинный: приборная панель старого Камаро, стрелка затаилась между трёх и четырёх сотен тысяч. *«Родной. 247 тысяч км. и ни одной измены»*. Кажется, только техника удостаивается такой преданности.

А вот важная конференция — бейдж на шее, костюм строгий до идеальности. Лицо совсем другое: ни намёка на привычную дерзость. *Откуда у неё столько ролей? Она так разная или просто умеет быть нужной?*

Экран гаснет. Он будто очнулся — закрывает инстаграм и лезет в галерею.

Там сначала нейтральные штуки: кусок кухни ранним утром (почти стерильная пустота), Рекс, свернувшийся на коврик (выдох между заботами), тёплый закат где-то за окном (чужая красота). Всё чисто фон — ничего о нём самом не говорит.

Но потом... скроллит до кнопки **«Скрытая папка»**. Вот где начинается самое настоящее — то, что он никому никогда бы не показал.

Аня. Она смеётся, откинув голову, в его старой футболке, на его кухне. То, что она защищала, было снято так, как снимает человек, который не собирается никому ничего доказывать. Кромка света на её голой руке. Её ноги в его носках. Фото, где обоих видно только по кистям — две руки в кадре, её и его, ладонь в ладонь, чёрно-белое. Он вспомнил этот кадр. Он вспомнил, при каких обстоятельствах он сделан.

Второй снимок — она в его рубашке, босиком на кухне, с чашкой кофе. Волосы мокрые после душа. Смотрит в камеру так, будто знает, что он сейчас щёлкнет. И знает, что этот снимок он будет хранить.

Третий — они вместе. Она прижалась к нему сбоку, его рука у неё на плече, её — на его груди. Оба смотрят в объектив. Он — с той самой полуулыбкой, которую сам у себя не замечал. Она — счастливая.

Он долго смотрел на этот снимок.

Он вдруг поймал себя на том, что листает фотографии Алисы, а в голове — упрямо и с какой-то болезненной настойчивостью — крутится совсем другое имя: Аня. И вот на одном снимке — вроде бы совершенно случайно — платье Алисы краски влажной свежескошенной травы... Чёрт. Этот цвет моментально выдернул его из реальности, кинул обратно в тот августовский вечер, когда все еще казалось возмож-

ным. Просто зелёное платье, но в голове уже щёлкнула шестерёнка: мозг не отличает деталей, он строит мосты там, где вроде бы не к чему, связывает то, что связывать нельзя и опасно.

Стоп! Он одернул себя так резко, как будто мог это остановить силой мысли: только потому, что у них одинакового цвета платье (смешно же!), люди не становятся похожими. Не работают эти уловки. Хотя бы должны не работать.

Он задержал взгляд на фотографии, где она стоит у окна — спиной к нему. Волосы стянуты в строгий пучок; обнажённые плечи; на спине маленькая родинка... ту самую родинку он целовал каждое утро другой жизни. Маленькая деталь зацепилась где-то под ребром. Поздно: одна поза тут же подменяется другой — вот Аня стояла точно так же... или нет? Стоп-стоп-стоп. Алиса держится собранно до напряжения, даже сейчас не даёт себе расслабиться; у Ани тогда всё было иначе — лёгкость тела, тёплый изгиб позвоночника и абсолютная уверенность в том, что любима (даже если никто этого вслух не говорил). Алиса словно бы защищается от неизвестного удара плечами вперёд; Аня просто стоит.

Но уже поздно: ассоциация проросла грибницей — мозг сам накладывает одно лицо поверх другого. Внутри начинается переключка образов. Сравнения лезут без приглашения.

Он почти с раздражением закрывает галерею и бросает телефон на кровать, чтобы хоть как-то усложнить себе доступ к этим петлям памяти.

Тридцать два шага в одну сторону комнаты и ровно столько же обратно (забавно осознавать это конкретное число сейчас), как если бы повторяемость ритуала могла вернуть устойчивость под ногами.

Крупинки воспоминаний наползают друг на друга: тонкая ложбинка вдоль спины? Да ведь это у Ани были те две ямочки чуть выше крестца. Её плечи, ключица — всё всплывает одновременно с запахом прошлогоднего солнца и солёных волн. Тут же картинки из жизни с Алисой: танец до хруста суставов в пальцах друг друга; резкий запах её духов и странный пульсирующий нерв под кожей её бедра.

Стоп-стоп-стоп... Вот он стоит у окна и прижимается лбом к стеклу, как будто холод способен вытрезвить голову сильнее кофеина или сна.

Имя «Аня» возвращается будто навязчивая музыка — не мантра даже, скорее привычка старого курильщика ловить знакомый жест рукой по карманам даже спустя годы воздержания.

Память — та ещё проказница: показывает крупным планом именно то, чего не спрашивали. Вот вспышками летят моменты неприкрытого чувства: тот последний танец — её лицо снизу вверх, нерешительно-приглушённая улыбка; лёгкое дыхание сбивается на миг длиннее музыки; ладонь скользит по плечу и замирает ровно настолько дольше обычного друга... Нет никакой стопроцентной уверенности (ну а кому нужна?), но всё сообщает о настоящести происходя-

щего гораздо лучше любых признаний.

И вот сцена в машине (конечно!). Она смеётся и кидает ему на лету фразу: «Ты мой маньяк» — стрела без злости, просто игра для двоих посвящённых.

Всё это закручивается плотным клубком внутри груди именно тогда, когда просишь прощения у мира за свою память: «Не смешивай». Но уже смешались лица и воспоминания; поздно тушить пожар после удара молнии.

Он сдаётся комнате в её темноте почти физически: ложится навзничь прямо так (одежда так нелепо мешает), руки за голову... потолок давит лепниной викторианских времён своими нескончаемыми завитками (где они находят таких мастеров?). Вот один виток... второй... третий... а дальше снова вместо штукатурки проступают глаза людей из разных эпох одной жизни.

Перед Марком снова глаза Алисы — тёмные с оттенком драмы и подчёркнутыми веками («не забывай меня» написано между ресниц); именно они смотрели на него снизу вверх много недель назад после их неловкой ночи: «*Откуда этот шрам?*» Да она не боится! Перегорает любой страх прямо здесь.

Потом ищущие глаза Ани: зелёные с прозрачными искрами вокруг зрачков-закруток (сложно придумать такую палитру нарочно). Она смеется где-то между дорогой дальнего пригорода и заурядным десертом из придорожного кафе:
— Ты маньяк или спасатель?

— Маньяк.

— Отлично! Делим чизкейк пополам.

И вот ты сидишь напротив человека за пластиковым столиком конца августа — и впервые улыбаешься без опаски за долгое время (разве есть защита лучше?). Эффект неожиданности срабатывает сильнее любого лекарства для грусти...

Глаза Ани строят новый мост через весь мозг — ни издёвки тебе, ни стеснения; оно там было настоящим ровно настолько долго, насколько длилась её рука на твоём плече во время танца...

Он позволяет себе лежать так несколько лишних секунд реальности — пока из темноты тихо пробирается другое лицо; тёмные волосы собираются за ухом привычным горячим движением раз-два-раз-два... Лицо дерзкое и независимое ровно настолько сильно, что хочется остановиться рядом и больше ничем не помогать (а вдруг получится любовь?).

Вот так воспоминания работают сами собой — проваливаешься полностью туда-куда-не-планировал вернуться этим вечером...

Сегодня Алиса ворвалась без предупреждения. Но обратно приходит только Аня.

Лето, два года назад, август.

Он помнил не дату. Помнил тепло.

Дорога после дождя была почти пустой. Асфальт блестел в низком солнце, окна машины были открыты, и Аня

спорила с музыкой громче, чем нужно.

— Марк, ты слышишь этот бит? Это же гениально!

— Это отвратительно, Аня.

— Ты просто старый. Тебе двадцать шесть, а ты как дед.

Она смеялась, откинув голову на подголовник. Ветер трепал её волосы, пряди лезли в лицо, и она раздражённо убирала их за ухо — снова и снова, потому что через секунду ветер возвращал всё обратно.

Он посмотрел на неё всего на секунду. Этого хватило: веснушки на носу, маленькая ямочка на левой щеке, зелёные глаза, в которых было слишком много света для человека, который однажды станет его прошлым.

— Смотри на дорогу, маньяк.

— Я смотрю.

— Нет. Ты смотришь на меня.

— Разница есть?

Она улыбнулась.

— Огромная.

Они остановились на заправке. Марк пошёл за кофе, а Аня осталась в машине. Когда он вернулся, она уже спала, свернувшись на пассажирском сиденье, хотя ещё пять минут назад уверяла, что совсем не устала.

Он сел за руль и не стал её будить.

Просто смотрел.

На щеке у неё остался след от ремня. На колене — ма-

ленькая царапина от вчерашней поездки. На пальце — тонкое серебряное кольцо, которое она крутила, когда нервничала. Ничего красивого для чужой фотографии. Для него — всё.

Аня открыла глаза.

— Привет.

— Привет.

— Я долго спала?

— Минут десять.

— Врёшь.

Он усмехнулся.

— Ладно. Час.

Она потянулась, забрала у него стакан кофе и сделала глоток, даже не спросив.

— Марк.

— М-м?

— Ты меня любишь?

Он посмотрел на неё. На этот раз не отвернулся.

— Люблю.

Она улыбнулась — той самой улыбкой с ямочкой на левой щеке, которую он когда-то считал своей удачей.

— Тогда поехали.

— Куда?

— Куда-нибудь.

Это было их слово. Куда-нибудь. Без адреса, без брони, без плана. Она всегда тянула его туда, где не было инструкции.

Он всегда ворчал, а потом ехал.

Через несколько километров Аня положила ладонь поверх его руки на рычаге передач.

— Дай мне порулить.

— Нет.

— Марк.

— Нет.

Она посмотрела на него из-под ресниц.

— Пожалуйста.

Он знал этот взгляд. Знал, что проиграл ещё до того, как услышал это слово.

Они поменялись местами на обочине. Аня пододвинула сиденье, поправила зеркало и положила обе ладони на руль.

— Вот так. Видишь? Ничего страшного.

— Я не боюсь.

— Конечно. Ты же маньяк.

Она засмеялась и тронулась с места.

Через минуту её ладонь снова легла поверх его руки — уже не на спор, а просто потому, что ей так нравилось.

И Марк ничего не сказал.

Тогда ему казалось, что такие моменты не заканчиваются. Что любовь — это не событие, а привычка: её рука на его руке, её голос из динамиков, её смех, который он делал вид, что терпеть не может.

Он ошибался.

Воспоминание оборвалось именно здесь — не на крике, не

на ударе, не на той ночи, которую он два года запрещал себе вспоминать. На простом августовском солнце, на её ладони поверх его руки и на ощущении, что впереди у них бесконечная дорога.

Хуже было другое.

Марк продолжал лежать и смотреть в потолок.

В комнате стало темно и очень тихо.

И одна девушка в комнате напротив, которая сейчас, возможно, тоже не спит. Которая сейчас, возможно, тоже лежит в темноте и смотрит в потолок.

И думает.

О ком?

И это — он не знал — было почти невыносимо.

Глава 8: Четыре двадцать пять

Четыре утра, двадцать пять минут. Это не то время, когда люди делают глупости — они совершают их раньше. А вот понять масштаб содеянного... Удивительно, но приходится именно в такие часы, когда организм воюет с кроватью и требует воды больше, чем воздуха.

Алиса поняла это до того, как успела открыть глаза. Горло дерёт так сухо и плоско, будто она проглотила кусок газеты. Первое движение — попытка сглотнуть (без шансов на успех). Книжная метафора прошла у неё перед глазами быстрее комка в горле: листок из старого альбома, забытый на солнце.

— Это где я? — пробежала мысль сквозь недосып. Потолок чужой; высокий, в лепных фестомах и солидной трещиной в углу, такой древней и устоявшейся, что кажется частью дизайна. Алиса машинально отметила детали дома раньше, чем пришла в себя целиком: *«Устоявшийся фундамент, настоящая лепнина... да этот дом пережил мои ошибки»*

В памяти восстанавливается цепочка после долгого свадебного вечера: гости, еще один тост (которого она так и не выпила), изумрудное платье — расстёгнутое его руками, длинная лестница (двадцать четыре ступени: она запомнит даже во сне). И его взгляд вдогонку — тот самый. Она тогда не оглянулась — зачем? И так знала: смотрит.

Теперь телефон. Белый экран бьёт по глазам. 4:25.

— Ну да, идеально для сна приличного человека. Особенно если ты только начинаешь задумываться о смысле своего вчерашнего.

Она садится на кровати; соскальзывающее одеяло обнаруживает на ней нечто шелковистое — чёрная атласная ночнушка. Не совсем её вещь: да, размер совпал *«спасибо Елене за заботу»*, но это тот случай *«собрали всё за тебя»*. Сорочка гладкая и дорогая; атлас ощущается не как ткань — он более похож на воду: дышит кожей так легко, что иногда забываешь о нем вовсе... пока не двинешься.

И вот она двигается — и ловит приятный холод от пола пятками (тапки искать лень; не барыня же). Стартует вниз — за водой. Продуманная до автоматизма привычка: шаги считает попутно *«одинадцать до коридора, потом эти проклятые двадцать четыре вниз»*, ведь когда ногам есть работа — голова занята меньше.

Дом огромный, старый... Из тех, которые шумят всем нутром даже по ночам: то холодильник загудит басом бескрайней площади кухни, то реле клацнет куда-то далеко под полом. За стеной капает кран; кажется — сам дом моргает и вздыхает вместе с ней.

Последняя ступенька преодолена... Дверь кухни распаивается под ладонью, и Алиса включает свет. Этот жест простой — а эффект получается сногшибательный: вздрагивает так резко внутри себя, что плечи выдают её чуть-чуть рез-

че обычного.

— Блядь... — вырывается в тишину через прищуренный взгляд.

Он сидит тут же. За столом спиной к стене (эту позицию аналитик отмечает подсознательно), без рубашки — торс голый до талии; только брюки остались от вечернего ансамбля. Лампочка льёт свет набело сверху и рисует тени вдоль рёбер, ключиц... Под стаканом с виски лёд давно исчез — значит сидел давно или просто очень уходить отсюда не хотел.

«Конечно», думает Алиса почти с усмешкой про себя. Почему бы Марку не сидеть раздетым посреди ночи на кухне чужого дома? Это же Марк — вселенская константа нелепых ситуаций.

Видеть друг друга они явно не ожидали. Но оба справились идеально быстро.

Он ничего не делает. Просто сидит напротив в собственной тишине: ни телефона рядом — ни чтения под бокалом; просто пьёт во мраке столь основательно, как будто только здесь может дышать свободно.

Глазами отмечает детали почти профессионально: он вообще не спал этой ночью (под глазами ни усталость, ни долготие пока не прописались явными штрихами), но шея уже тонкая от напряжения; губы сухие от стеклянного бокала...

Еще одно вскользь замечание внутри себя: он удивился бы ей меньше всего сейчас если ждал кого угодно кроме неё этой ночью.

— Я думала, я тут одна, — сказала она.

— Я тоже.

Честность в чистом виде без намёка на смущение или агрессию (этим всегда отличался её круг).

Отвернувшись первой (это ей свойственно), она уходит к раковине.

Бокал нужен отовсюду сразу; вода вообще становится абсолютной идеей-фикс любого похмельного рассвета...

Открывает шкафчик над головой (куда ещё?): знакомые глаза натыкаются на привычную трагикомедию архитектуры этого дома — все бокалы рядами стоят высоко-высоко на самой дальней полке! Казалось бы, простая задача... Только если твой рост хотя бы метр девяносто! Как это устроено? Мужская логика размещения или просто исторический анекдот про крепкие плечи?

Но Алиса упирается в своё женское «достанем хоть ногтями». Поднимается на цыпочки изо всех сил и...

Атлас играет злую шутку: съезжает медленно вверх по бедрам при каждом усилии дотянуться ещё выше; ощущение обнажённой спины под люминесцентным светом разгорается с каждой секундой.

И тут оказывается невозможное возможным: Марк смотрит настолько открыто и спокойно («Да я смотрю именно туда и вижу именно тебя».

Его взгляды напоминают скорее поиск доказательства своей реальности: что ты есть тут сейчас и ничего сонного

вокруг нет.

Когда наконец взгляд отведён усилием. («Не потому, что стыдно, — потому что хватит».)

Тишина вдруг густеет — становится чувственной между двумя людьми куда сильнее банальных слов «прости» или «доброе утро».

Алиса слышит его сглотнувший воздух затылком каждую секунду ближе к себе (по коже проходят фактические мурашки).

Аналитик, блин, — ругнула она себя. Профукала периметр.

— Всё нормально? – спрашивает легко-наивно.

Щёлк стеклянного бокала по мрамору отвечает чуть громче нужного:

— Более чем.

— Выглядишь не очень.

— Я всегда так выгляжу.

— Это правда. Но обычно ты хотя бы не пялишься.

И эта странная победа – убедиться в том, что между ними есть искра игры даже здесь...

Дальше события идут как по инерции чутья друг друга:

Марк ничего не сказал. Но его взгляд задержался ещё на секунду — не на глазах, а ниже, на том месте, где атлас натянулся поверх ключиц — прежде чем он заставил себя поднять подбородок.

Маленькая победа, Корнеева, — решила она.

Марк приближается практически вплотную («не касается – но каждое мышечное волокно знает его температуру»): нагревает своим дыханием за секунды пространство меж двух живых людей так сильно, что у Алисы вдруг ломается дыхание новому засухой.

Одно плавное движение сверху рукой – его пальцы снимают бокал с верхней полки («легче лёгкого – ну конечно у него же длина руки от ушей...»). В этот момент запах кедра вперемишку со сладким дымком виски кажется самым неверным соблазном последнего года жизни...

По инерции она поворачивает голову ближе к нему – расстояние исчезающе малое («Любая клеточка могла бы потянуться вперёд»). Свет скользит по его лицу стыдливо-плавно; отражается её черная тень там же прямо в этих темных глазах...

Что дальше – уже почти физика притяжения тел:

За секунду вся эмоциональная палитра заливается горячим цветом фантазии:

Она может повернуться прямо сейчас и перестать спасаться скучными манипуляциями одежды («доминанта сменяется гормонами»), их взгляды ломаются током прямо там у холодильника.

Его ладони закрывают периметр её талии будто знают картографию тела давно-давно; второй рукой он захватывает линию спины – поднимая ткань сорочки ещё выше...

Столешница становится второй декорацией страсти («хо-

лодный камень только усиливает резкость каждого прикосновения»). Он оказывается между её ног однозначнее любых слов — никакого «отступить». Через кожу нет границы — даже тонкий атлас никак ей не помогает — всё ясно без переводчиков эмоций.

Рот его опускается к ключице медленно («обжигаяще нежно»), язык оставляет влагу — дрожит вся периферия нервов до самого основания позвоночника...

Пuls сбивается нахрапом там, где ему хочется лишних ударов — её дыхание получается прерывистым и слишком громким для полуночной кухни.

Волосы Марка наматываются на её пальцы сами собой...

Каждый новый миллиметр объятий становится сложно обратимым выбором

Одним словом.

Любая случайная встреча между этими двумя непременно превращается

в момент истины для обоих — такие вещи случаются редко, но когда случаются — забыть их не удаётся ничем.

— Алиса.

Щелчок — она вздрогнула. Марк щёлкнул пальцами прямо перед её лицом.

— Вернись.

Алиса моргнула. В его руке уже стоял наполненный водой бокал.

— Ты зависла.

Она посмотрела на стакан. Потом на него.

Сердце колотится где-то в горле. Отлично. Просто отлично.

— Я задумалась.

— Я заметил.

Он протянул ей воду.

— Держи.

Она забрала бокал. Их пальцы соприкоснулись — и задержались на дольше, чем нужно. Холодная кожа против горячей. Его большой палец прошёлся по её запястью — может, случайно, может, нет — и она почувствовала этот след уже после того, как он убрал руку. Марк развернулся и вернулся на своё место — спокойно, ровно, словно секунду назад он не стоял вплотную к ней. Словно она не стояла вплотную к нему. Словно оба не знали, что происходит

Алиса сделала глоток.

Руки у неё тряслись. Не мелко — крупно, так, что пришлось взять бокал двумя руками. Она сделала глоток, и вода была безвкусной, и она знала, что безвкусной она будет, пока он в комнате.

Она начала пить.

Первые три глотка — прямо в сухое, и там стало полегче. На четвёртом рука дрогнула сильнее, и вода прошла мимо рта: две капли сорвались с подбородка, прошли по шее, нырнули в ключичную ямку — и оттуда, потому что сидела она прямо, пошли вниз. Медленно, одна за другой, за ложбинку.

За край атласа. Под ткань. И она знала, что он видит. И не вытерла.

Ей и в голову не пришло, что это можно вытереть. Мысли расплзались, и всё внимание упрямо тянулось к другому концу кухни — туда, где он сидел и делал вид, что смотрит в бокал.

А в другом конце кухни Марк смотрел не в бокал.

Он смотрел, как две капли идут по её шее, и способен был думать ровно две мысли.

Первая: он хотел встать и подойти. Не как в прошлый раз — не бокал, не вежливость. Подойти и остановить эти две капли где-нибудь на середине пути — пальцем, медленно, там, где кожа становится тоньше и теплее. И если он положит ладонь — он узнает, такая ли она на ощупь, как та, другая, или совсем другая. И вот это ему нужно было узнать больше всего, потому что за всё это время он не забыл, какой была та.

Он знал, чем это заканчивается. Он стоял в дверях в ту ночь и знал. Он держал её на руках девять ступеней — тёплую, тяжёлую, — и тогда, в первую секунду, тоже подумал, что справится. И справился — второй раз за всё это время. А счёт он ведёт давно.

Так что он сидел. И глоток он сделал не из желания, а чтобы руки были заняты.

Алиса смотрела на него.

Хуже всего было то, что профессия приучила её замечать

людей раньше, чем они успевали закрыться. Она видела всё: жилу на шее — натянутую, как струна; желвак, дёрнувшийся три раза за минуту; пальцы, сжимавшие стекло сильнее, чем требует вес, — кончики белели и розовели, и это повторялось. Она видела, как он дышит через нос — ровно, слишком размеренно, как дышат все, кто считает вдохи. И она видела другое — то, что не имело отношения к микровыражениям: он хотел её. Это было видно в каждой линии его тела, и от того, что он не двигался, хотелось ещё сильнее.

Он хотел.

Это было написано на нём ровно и крупно. И единственное, что он с этим делал, — не двигался.

Он знал это про себя и знал, что она видит. И от этого ему, кажется, было хуже, чем от самого желания.

— Что? — спросила Алиса, ставя бокал на стол.

— Ничего.

Он усмехнулся. Кривой, натянутой усмешкой.

И не то, чтобы она приняла решение. Решения не было. Было движение — как когда ставишь пустую чашку и понимаешь, что вода не закрывает вопроса, а закрывает его что-то, что сидит в десяти метрах и намеренно не смотрит.

Она пошла к нему. Двенадцать шагов — она не считала, и потом это насторожило её больше всего.

Остановилась вплотную.

Он поднял взгляд снизу вверх. Не встал. Руки на столе, бокал в правой.

Алиса наклонилась и положила ладонь ему на торс. Теплый (разумеется — он всегда был таким, словно он только что пришёл с пробежки, даже если на дворе середина зимы), и под пальцами ощутимо бил пульс. Не бешеный, не волнующийся — скорее тот самый уверенный стук, который слышишь ночью, приложив ухо к груди кому-то очень близко: немного медленней твоего, чуть грубее на слух, но удивительно понятный. Алиса запомнила это — или вспомнила заново — в ту же секунду, когда дотронулась.

Марк не шелохнулся; его тело будто бы впилось в стул, всё равно казалось обтянутым внутренним напряжением так плотно, что под кожей вот-вот встрепенутся какие-то пружины. Он продолжал смотреть ей в глаза снизу вверх — взгляд совершенно прямой, открытый настолько, насколько вообще способен быть такой человек. Это был взгляд выбора: сделать шаг вперёд или слегка отступить назад. Пробудить весь этот огонь или заставить себя снова стать ледяным — одним движением.

Всё вокруг замкнулось до грёбаного вкуса воды на губах и ощущения биения под её ладонью. Ни о каких решениях не могло быть речи: только движение (простой факт здесь — и сейчас), только взгляды — и этот невероятно честный момент на пограничье между осторожностью и безрассудством.

— Пульс. — Она сказала это ровно, как кидала вывод в лаборатории, а не вопрос. — Учащённый. Для человека, который просто пьёт виски в четыре утра. Чего ты боишься,

Марк?

Пальцы Алисы сжались чуть крепче. Теперь каждое их прикосновение было заявлением. Она вдруг поняла: все эти полустёртые разговоры про честность и ложь остались где-то далеко за спиной, как пустая тара на кухонной стойке; сейчас реальность держалась исключительно на этих точках касания — ледяных каплях по шее, пульсе под ладонью и вопросе в его глазах.

И пока она стояла так близко к нему, почти вплотную к его дыханию (чуть горячее обычного), у Марка внутри всё сдвинулось куда-то во вчерашний вечер и все ещё дальше — туда, где начинался этот счёт «раз», «два», «три». Только вот сейчас не хотелось считать ничего больше. Хотелось дышать этим моментом так долго, как возможно.

Она сдвинула руку чуть ниже — буквально на ширину одного ребра, ничто невыразительное, если только не знаешь человеческое тело наизусть. Пальцы скользнули по тому загадочному месту, где мышцы сходятся под особым углом — тут даже есть старый анатомический спор: то ли это зона для подписи судьбы, то ли просто линия разлома, за которую никто не признаётся отвечать. Она промолчала — просто провела подушечками до конца этого маршрута и поймала под пальцами слабое дрожание мышцы. Хрупкое, почти незаметное. Но ускользнуть от чувствующего прикосновения невозможно.

— Микровыражения всё равно читаются, — и голос её

стал тише, словно она делится не инструкцией, а признанием. — Не можешь себя контролировать ровно там же, где любой человек спотыкается о собственное "не могу". Всё остальное — дело привычки и тренировок; но вот это... — она надавила чуть сильнее, обостряя момент до предела чувствительности, — никак не отрепетизируешь.

Повисла короткая пауза — тот самый плотный воздух перед вспышкой или бегством.

— Может, озвучить? Ты уже минуту держишься именно на этом слове.

Он втянул в себя воздух настолько глубоко, будто пытался укрепить не грудную клетку — убеждённость в себе.

— Говори.

Алиса наклонилась ближе; её губы почти коснулись его щеки. Если бы она повернула голову всего на пару сантиметров... ну вы понимаете. Он почувствовал её дыхание прямо у виска и замер так резко — могло бы показаться: ещё секунда и остановится сердце.

— Ты держишь себя за то, что я не делаю следующий шаг. Хотя мы оба отлично осознаём: этот шаг нам хорошо знаком наперёд.

И вдруг затихла.

Рука так и осталась на его груди. Алиса ясно ощутила: внутри него всё ненадолго стянулось в комок — каждое мышечное волокно решило сыграть роль бронежилета против собственного желания. Из этого можно было выжать ощу-

щение победы... если бы только внутри себя она сама также не напряглась внезапным страхом. Потому что любой способ управления другим разворачивается обратно: сейчас вся её чистота была у него в руках. И то была вовсе не случайность — ей почему-то ужасно захотелось продать эту невинность дешёво... босиком, по ночам, посреди чужой кухни в самый мёртвый час.

Он не пошевелился.

Он не двигался.

И тут случился маленький внутренний сбой: вот если бы у неё был кардиограф или любой аппарат фиксации моментов истины, она бы увидела точно — одну долю секунды он перестал смотреть на неё вообще. Он смотрел сквозь неё куда-то далеко или глубоко внутрь себя. Туда, где притаилось что-то такое тяжёлое и невидимое, что от него внезапно изменилось лицо.

— Ты играешь с огнём, — голос стал ниже; под этим басовитым «огнём» легко слышалась скрытая интонация «мной».

— А ты боишься обжечься?

— Нет.

— Тогда почему такой напряжённый?

Пальцы Алисы поднялись к основанию его шеи; лёгкая усмешка уголком рта.

— Или тебе нравится? Молчишь. Значит, нравится.

Но Марк смотрел не на неё настоящую: он видел другое

лицо и вспоминал другую травму—чужую шею, иную руку, плечо другое... То самое тело из памяти: оно тоже умело время останавливать одним движением ладони; только вот тому телу это ничего хорошего не принесло. Оно кончилось пустотой и прощанием.

Ему понадобилась секунда (или целая трещина реальности), чтобы вернуть настоящее обратно на место: моргнув взглядом — снова здесь Алиса с её ресницами и свежей царапиной-отметиной у скулы (интриги чужих драм). Вот это уже теперешнее лицо.

Он выдохнул очень медленно — как человек после наркоза приходит в чувство.

Затем осторожно снял её ладонь со своей груди: бережно-сдержанным движением взял за запястье (словно снимал с сердца пломбу), опустил руку вниз к её бедру... И только тогда отпустил пальцы — зависнув ещё мелькнувшей долей секунды дольше обычного: маленькая вспышка смысла между двумя касаниями мира.

— Иди спать, Алиса.

Она чуть наклонила подбородок; аналитик внутри требовал немедленной ретирады («ступай достойно!»), но гордость ни за что бы не позволила показать хоть малейшую растревоженность тем фактом что тебя отстранили одной аккуратной фразой...

— Это приказ?

— Совет.

— Так себе советник из тебя...

— А ты беспросветно упрямая...

— Я знаю.

— Вот поэтому и советую

Алиса повернулась настолько резко буднично-деловито («ну я пошла...») что сама почти поверила: всё случившееся сейчас к ней не имеет ни малейшего отношения.

Шаги ровные (хлопки босых пяток по плитке кухни). Она знала абсолютно точно: он смотрит ей вслед вплоть до самого дверного проёма; даже специально ни разу ничего не поправила плечом или рукой.

Перед выходом остановилась – почти театральная недосказанность – обернулась наполовину: профиль вытянут ровном лунном свете кожи одна бровь приподнята выше обычного.

— Нам бы обоим сейчас совсем точно сна-то не хочется... Мы оба-то знаем. — Миг тишины. — Спокойной ночи...

Ответа нет (он даже дыхание задержал). Улыбнулась: — Или уже утро?..

И исчезла за дверью.

В комнате за ней медленно расплзлась та самая густая тишина тревожного утра (особенно когда ты сам себе мешаешь поставить точку). Марк крепко сжал ладонями стакан так сильно аж побелели костяшки пальцев (стеклу пришлось несладко). На секунду закрыл глаза — словно пытаюсь отсечь

навязчивые картинки чередой темноты.

Но вместо облегчения вернулось прошлое: снова всплыло лицо Ани — зелёные глаза с резким смехом посреди лёгкой усталости жизни. За этой памятью всегда ползёт хвостом вина — автоматическая реакция после любых желаний получить спрятать их обратно глубже стандартов приличия; а сразу вслед прокатывается тепло свежего касания — та точка запястья... Там всё ещё пульсирует её рука.

«Ты больше никогда не имеешь права,» — сказала Вина привычным своим голосом (удивительно похожим на внутренний голос Марка). Искусство вести диалог с собственной совестью заключается в простых вещах: иногда ты просто знаешь, что из этой комнаты выхода нет и никогда больше уже не появится разрешения сделать хоть один неправильный шаг.

Глава 9: Протокол нарушений

Дождь подступил к городу ещё на восходе — не спеша, как будто на цыпочках, осторожно пытаюсь понять, станет ли кто-то его ругать за такую вольность. Но к девяти утра он уже разошёлся не на шутку: ливень повис над домами каменной стеной, набрасываясь на окна с такой настойчивостью, что казалось, еще чуть-чуть — и вода просочится внутрь, сметёт следы усталости и остатки ночных забот. Казалось, дождю этого и хотелось — ворваться внутрь, вымыть весь накопившийся за день мусор и оставить после себя только свежесть — ту самую, когда даже дышать становится легче. За окном не было ни неба, ни сада, ни ворот — только серая мокрая пелена, и дорожки воды по стеклу, похожие на торопливые, сбивчивые строчки письма, которое никто не собирался читать.

Алиса не проснулась — она и не спала по-настоящему. Между этим "легла в пять" и утренним "без двадцати девять" протиснулась какая-то полуторачасовая дремота — не сон, а обрывки из послевкусия, как разорванный на спешке протокол: кусочки кухни, где зачем-то мерещится бокал, крошечные капли на ключице, его голос где-то на ушной раковине — шепчет: «Иди спать, Алиса». Каждый раз она выныривала из этого сумбура не от будильника — нет, а от собственного бешеного пульса: он барабанил так настырно, что каза-

лось — сейчас разобьёт эту усталую дымку, дотянется к ней сквозь всю её непроверенную ночь.

Теперь тело выставляло счёт — и счёт был не из тех, что закрывают чаевыми: это была квитанция за каждую бессонную минуту, за каждое «ещё пять минут», за каждое слово, сказанное не вовремя. Голова была тяжёлая, но явно не из-за вчерашнего шампанского — оно выветрилось задолго до того, как ноги донесли её к лестнице. Тяжесть эта была из другой оперы: всю ночь внутри кто-то устроил настоящий бухгалтерский аудит всех её промахов. Причём с особым усердием — каждую ошибку добросовестно зачитывали вслух, будто что-то фиксировали в какой-то внутренней картотеке. Эти «штампы» прочно осели где-то под кожей век, не давая даже сделать вид, будто всё по-прежнему под контролем.

Глаза слипались так упорно, словно ресницы склеили невидимым канцелярским клеем; на каждое моргание требовалось больше усилий, чем обычно — как если бы веки вдруг надуло свинцом после длинной ночи, где сна было ровно столько же, сколько у хорошего бармена терпения к клиентам под утро. Во рту была сухость этого самого утра — такая, какая бывает только при переборе дел и мыслей: словно попал в заброшенный архив летом. Даже воздух ощущался пыльным и шершавым; дыхнула — и захотелось кашлянуть.

Она села на край кровати и бросила взгляд в отражение шкафа напротив. Из зеркала смотрела женщина, в которой себя узнать вот прямо сейчас было сложно. Лицо мятой

бумаги, волосы рассерженно топорщатся; под глазами явно кто-то давно рисует угольные полукруги и не собирается стирать эти каракули. А губы... те самые губы, которые ночью участвовали чуть ли не во флешмобе по произнесению лишнего. Теперь они замолчали — и складывалось впечатление, что они всеми силами хотят забрать обратно каждое слово.

«Ну вот» — мысленно усмехнулась Алиса себе же под нос (горько-иронично даже внутри мысли этот смешок не купировать). *«Ты же всегда старалась всё держать под контролем... А сегодня кажется даже собственное тело решило саботировать твои планы».*

Алиса резко встала, подошла к окну и упёрлась лбом в холодное стекло — будто хотела остудить не только кожу, а саму эту ночь, которая прилипла к ней, как мокрый плащ.

«Что ты делала?»

Вопрос всплыл не в голове — глубже, под рёбрами, где всё ещё пульсировало чужое тепло, будто она до сих пор чувствовала тот ритм, который пыталась считать. Всё всплыло разом — словно кто-то нажал на плеи, и кадры стали мелькать с кристальной чёткостью: вот она подходит, чуть не дышит, кладёт ладонь ему на грудь... Пульс у него скачет — так явно, что даже сквозь ткань ощущается. Вряд ли так стучит сердце у человека, который просто решил налить себе виски посреди ночи. А потом он медленно снимает её руку — осторожно, будто держит что-то хрупкое; как если бы вскрывали печать на старой ране в надежде убедиться: есть ли ещё

трещины? Только вместо того, чтобы смотреть глубже, аккуратно возвращает всё обратно и отпускает.

Ты пыталась его соблазнить.

Алиса крепко зажмурила глаза. Стыд навалился резкой, злой волной — тот самый, от которого хочется спрятаться под одеяло даже в самый жаркий день. Причём дело было не столько в самом поступке — ну правда, кто из нас не ошибался? — сколько в тупом образе, каким она это провернула. Будто у неё был тщательно продуманный план! Будто она заранее знала, к чему всё идёт. Но, если быть честной, никакого плана не существовало и в помине. Всё получилось... как-то само собой: шаг за шагом, не задумываясь ни о чём. Просто двигалась вперёд, потому что останавливаться стало бы ещё хуже. На ощупь. Как в темноте к выключателю, который оказался не там, где ожидала, — и вместо света щёлкнула тишина, ещё более густая, чем темнота.

«Иди спать, Алиса».

Он сказал это ровно. Без злобы. Без насмешки. Без сожаления. Просто — как факт. Как приговор, который даже не нуждается в оглашении. И это было хуже всего.

— Идиотка, — вырвалось у неё. Голос сдался, стал каким-то грубым и чужим — как будто не просто сказала, а поцарапала себе горло изнутри каждым слогом. *Профессионал, конечно. Вот прямо клеймо на лбу: «умею со всеми, кроме живых». Ну и кто после этого молодец?*

С подоконника она соскользнула резко, слишком быстро

— как будто сама собой испугалась. Вышла в коридор почти бегом, босиком, всё ещё в своей дурацкой чёрной сорочке. Та неожиданно жила какой-то отдельной жизнью — на каждом шаге сползала по бёдрам всё ниже, словно ей тоже надоело держать на себе оставшуюся часть этой ночи.

В коридоре ни звука, вся квартира как затаившийся зверь. Лишь из её комнаты струилась тонкая полоса света: расходилась по полу ровным лезвием и всё резала старый паркет надвое — тут ночь, там немного жизни. Иногда именно такие мелочи и выбивают почву из-под ног.

Гостевая напротив — всего несколько шагов. Она остановилась перед дверью. Подняла руку, ладонь медленно сжалась в кулак... Всё зависло: воздух вдруг стал плотным, настоящий бетон между ней и гладким деревом. *Вот просто взять и постучать? Один короткий стук — разбудить или хотя бы дать понять: «я здесь».*

И что дальше? Сказать что? «Доброе утро»? А потом что — извиняться за вчерашнее или отступить в шутку? Или просто стоять молча?

Всё перепуталось; мысли барахтаются в голове без порядка.

Что ты вообще собираешься сделать?

«Я вчера вела себя как дура. Прости».

А что, если он откроет? А вдруг он прямо сейчас топчется по ту сторону двери — с этим своим непроницаемым лицом, вечной выдержкой (она никак не могла взять в толк,

как ему это удаётся), словно у него внутри головы отдельная полочка для чужих промахов. Не для своих — только для того, что наворотил кто-то другой. Он берёт все эти ошибки, чужие глупости, складывает туда ровными стопками, ни капли раздражения, и всё — вопрос закрыт. Я вот думаю: а если он сейчас через дверь смотрит на неё и просто подводит невидимую черту? Молча фиксирует: «Ещё одна». Без осуждения, но и без сочувствия.

Она не знала ответа. Вот что действительно сводило с ума — эта пустота, когда тебе вдруг нечего сказать.

Кто здесь виноват? Да вот же — сама и виновата. Шаг за шагом: пришла сюда, решила вмешаться, положила ладонь (глупо надеясь на какой-то знак), задала этот вопрос про пульс. Зачем вообще, разве не ясно всё без слов?

Кулак медленно опустился. Пальцы разжались, коснулись прохладного дерева — и убрались, будто даже прикосновение стало слишком громким. Она постояла ещё секунду, глядя на дверь, будто та могла открыться сама, выдать какой-то знак, дать ей право на этот стук. Не открылась.

Она вернулась в комнату так тихо, как если бы всю жизнь училась быть невидимой. Дверь — ни скрипа, ни щелчка. Всея ладонью придержала ручку — такой жест из детства, когда вечером возвращаешься позже, чем разрешили, и надеешься, что родители не проснутся. Захлопнуть — значит признаться во всём сразу, даже если никто не слушает.

Опустившись спиной к стене, медленно соскользнула

вниз. Подтянула колени к себе, уткнулась лбом в них и затаилась. Слушала себя и упрямо не отвечала на вопросы, которые навязывала голова. За окном тоже кто-то вступил в спор: гроза поливала крышу с таким напором, будто хотела что-то доказать, но со временем злость дождя сменилась монотонным гулом — и этот шум словно взял на себя роль защитника от собственных мыслей.

Через добрый час прибежала Лера: целиком мокрая (даже внутри кроссовок наверняка хлюпает), тяжелый рюкзак через плечо бросает узловатую тень на пол. Зонт разодранный наполовину — из тех, который после такого шторма можно выбрасывать. Волосы приклеились к щекам вместе с разводами туши — похожа одновременно на панк-рокершу после концерта и на подростка после неудачного свидания. Но главное — глаза: яркие, какие бывают у человека, который привык добиваться своего кулаками и уговорами по очереди. Она ворвалась так уверенно и свободно в эту стерильную роскошь особняка... будто переступила порог кухни своей двушки где-нибудь на Марьино и сейчас выплеснет всю злобу на закипевший чайник.

В такие моменты стены будто перестают быть чужими — для одной они укрытие от ненужных новостей, а для второй просто фон для собственной громкой жизни.

— Держи, — она бросила сумку на кровать и начала выкладывать, как из чемодана фокусника: джинсы, свитер, носки, кроссовки, ещё один свитер — на всякий случай. — Ты

знаешь, что я в такую погоду вообще из дома не выхожу? Знаешь, что я, между прочим, вчера тоже выпила? Знаешь, что я проснулась от твоего звонка с квадратной головой и квадратной совестью?

— Спасибо, Лера.

— Не «спасибо», а объяснения. — Лера выпрямилась и скрестила руки на груди. — Я приехала. Я промокла. Я не спала. Теперь рассказывай.

Алиса села на кровать, поджав ноги. Атласная сорочка собралась складками на бёдрах. Она смотрела не на Леру, а на стену. На ту самую, за которой была его комната.

— Ничего не было.

— Что именно «ничего»?

— Совсем ничего.

— Алиса. — Лера села рядом, и голос её вдруг стал мягче — не хищный, а тот самый, которым она умела быть подружкой, а не спортивным комментатором. — Ты мне звонишь в полдевятого утра из чужого дома, просишь привезти вещи, говоришь шёпотом, как будто в соседней комнате спит мужчина, которого ты не хочешь будить. И после этого ты говоришь «ничего не было»?

— Я не хочу его будить.

— Почему?

— Потому что... — Алиса сглотнула. В горле снова стало сухо. — Потому что я вчера вела себя как идиотка. Я... — она замолчала, подбирая слово. Не нашла. Сказала, как есть:

— Я его соблазняла.

Тишина. Три секунды. Потом Лера медленно откинулась на кровати, глядя в потолок.

— Ничего себе.

— Это не «ничего себе». Это катастрофа.

— погоди. — Лера повернулась на бок, подперев голову рукой. — Ты. Соблазняла. Его. Расскажи мне всё. С деталями. С хронометражем. Я готова.

— Лера.

— Что? Ты сама начала. Я имею право на подробности.

Алиса вздохнула. Потом — коротко, почти протокольно, как она умела, когда говорила о чём-то, что задевало слишком сильно, — пересказала. Кухня. Четыре утра. Вода. Он без рубашки. Она подошла. Положила ладонь. Спросила про пульс.

— И?

— И он снял мою руку. Сказал: «Иди спать».

Лера замерла. Потом медленно села.

— Он что?

— Снял руку. И сказал: «Иди спать, Алиса».

— Дословно?

— Дословно.

Лера только присвистнула — медленно, с расстановкой, явно подчеркивая своё удивление.

— Ну и ну, — наконец выдала она. — Я честно думала: сейчас ты мне расскажешь, как у вас всё закрутилось, а те-

перь не знаешь, как ему в глаза смотреть. А тут... он тебя отшил? Причём красиво так, по-человечески?

— Лера...

— Что? Я без подколов! Это ведь реально говорит о человеке. Слушай, в четыре утра мужчина на кухне с раздетой девушкой, которая сама к нему пришла... и вместо того, чтобы — ну, ты понимаешь — он отправляет тебя спать? Вот такого вот поведения днём с огнём не сыщешь. Серьёзно, это прям какой-то сбой в системе мужского поведения.

— Мне не нужна его характеристика.

— А что тебе нужно?

— Мне нужно понять, что я делаю.

— Ты соблазняла мужчину. Ночью. На кухне. В чужом доме. И он тебя отшил. — Лера пожала плечами. — По-моему, всё очевидно.

— Я не об этом.

— А о чём?

Алиса молчала. Смотрела в окно. Дождь всё ещё хлестал. По стеклу бежали дорожки — толстые, кривые, как трещины на старой керамике.

— Я не понимаю, почему он меня отшил, — сказала она тихо. — И это... это хуже, чем если бы он не отшил. Потому что, если бы не отшил — я бы знала, что делать. А так... я не знаю. Я вообще ничего не знаю.

Лера долго смотрела на неё. Потом вздохнула.

— Ладно. Хватит. Одевайся. Мы едем в город.

— А если он...

— Если он выйдет, — Лера встала и начала вытаскивать из сумки свитер, — я скажу ему «доброе утро» и сделаю вид, что ничего не знаю. А ты сделаешь то же самое. Потому что, во-первых, ты не обязана отчитываться. А во-вторых, — она бросила свитер Алисе, — если он действительно такой, как ты говоришь, он тоже сделает вид, что ничего не было. Так что не накручивай.

Спустя двадцать минут они, наконец, появились в гостиной дома — Алиса в привычных джинсах и уютном свитере, а Лера уже наготове: с раскрытым зонтом и сумкой через плечо, готовая к походу куда угодно хоть сейчас. В холле тянуло запахом свежесваренного кофе и какой-то утренней выпечки — этим бесхитростным образом жизни всегда заселяются хорошие воспоминания. Елена застыла у окна гостиной — смартфон в руке то ли игрушкой, то ли щитом; услышала их шаги и повернулась.

— Девочки, с добрым утром! — её улыбка будто только что сошла с рекламы зубной пасты: слишком сияющая для такого раннего часа. — Уже собрались уходить? А я надеялась, что вы позавтракаете.

— Спасибо, Елена Андреевна, — Лера сразу выдала ту самую формальную вежливость, которую обычно откладывают для разговоров с руководством или строгими родителями. — Но у нас жёсткий график: Алисе пора на занятия.

— Понимаю, — кивнула Елена и тут необязательно дол-

го задержала взгляд на Алисе. В этот момент она выглядела чуть собраннее обычного — в глазах промелькнул почти незаметный быстрый анализ. — Ты хорошо спала?

— Да... спасибо, всё нормально.

Следующая фраза прозвучала так буднично, словно речь шла о погоде:

— Марк уехал рано. Дворецкий говорил — ещё в пять утра выскочил, даже кофе пить не стал.

Будто молоточек: удар резкий, но тихий. Алиса уловила странное ощущение внутри — словно какое-то маленькое тепло под рёбрами мгновенно сменилось коротким холодком. Всё было хорошо буквально до этой секунды.

— Понятно, — сказала она. Голос не дрогнул.

— Он часто так, — добавила Елена, и в её голосе прозвучало что-то — не то извинение, не то оправдание. — Уезжает, не прощаясь.

— Нам пора, — сказала Лера и потянула Алису к выходу.

На крыльце дождь наконец устал — он уже не бил по крыше, а тихо барабанил где-то на заднем плане, не мешая разговору. Лера щёлкнула механизмом зонта, и они обе юркнули под его лиловый купол — почти как маленькая палатка-убежище среди мокрого мира. Алиса шагала осторожно: на гравии не осталось и намёка на следы. Вся поверхность — будто начисто вытертая губкой или, если угодно, стерильная планшетка лаборатории. Ни одного отпечатка — ни её, ни его. Всё смыл дождь (с самого утра настроение было похоже

на это).

Пять часов утра. Он исчез в это странное время, как только солнце начало думать о том, чтобы встать.

Зачем из-за этого вообще переживать? Она ведь могла разложить всё по полочкам — кто он ей? Никто: обычный парень, просто сын той самой женщины, о которой недавно говорили за ужином шепотом, пополам с насмешками. Да и вчера вечером — ничего особенного. Просто сказал: «*Иди спать, Алиса*». Так спокойно и жёстко — будто закрыл глухую деревянную дверь.

Но теперь эти два слова постоянно крутились у неё в голове. Едешь ли за рулём по ещё сырым после ливня улицам; маешься ли под лампой над образцами; ловишь себя на мысли: опять этот голос, его ровная интонация — будто результат выведен сразу же... и точка.

Алиса увидела машину в первый раз во вторник.

Она только что вышла с занятия в университете по трасологии — дисциплине, которая исследует следы протектора на месте аварии, — и, поправляя ремень сумки на плече, заметила припаркованный по другую сторону улицы седан.

Ну, не совсем новую, но в хорошем состоянии: черный BMW 5 серии — тонированный со всех сторон; номерные знаки, которые она могла назвать без раздумий, как люди запоминают лица. Привычка выработалась за годы лекций по криминалистике и практики в морге. *Номер: B255EC. Чи-*

стая (на задних колесных арках нет грязи) — регулярные мойки, но не каждый день! Это означало, что владелец где-то рядом, но не житель этой местности.

Кто-то ждёт, — подумала она.

Алиса не задержалась. Перешла дорогу, села в маршрутку, поехала в библиотеку; но она помнила номер.

Сама машина снова стояла там же в среду.

Тот самый ряд — между двумя другими машинами, в тени каштанового дерева. Те же тонированные окна. Тот же работающий двигатель.

Алиса шла по тротуару, делая вид, что не замечает. Но её мозг, натренированный на анализе улик, уже работал. *Он ждёт меня. Это не совпадение. Слишком точное позиционирование — так, чтобы я не видела водителя, но машина была в поле зрения. Психологический приём. Запугивание? Или что-то другое?*

Она не ускорилась. Не оглянулась. Просто дошла до корпуса, поднялась на третий этаж, сбросила куртку на спинку стула в аудитории и набрала Леру.

— Слушай, — сказала она, когда та взяла трубку. — У меня тут ситуация. За мной следят.

— Что? — Лера, судя по звукам, жевала яблоко. — Кто? Бывший однокурсника? Тот, который в прошлом семестре подарил тебе плюшевого медведя?

— Не медведь. Чёрный BMW. Пятая серия. Номер A777MP. Два дня подряд стоит у универа.

— Может, это совпадение.

— Лера, я криминалист. Совпадений не бывает.

— Ладно, ладно, твоя правда. — Шуршание. Звук клавиатуры. — Так. Давай я пробую номер по базам. Дай мне пятнадцать минут.

— Я в аудитории. Перезвони через час.

Алиса отключилась и пошла на лекцию. Профессор рассказывал о баллистических траекториях, но её мысли были далеко. Она рисовала в блокноте схему: университет, парковка, положение машины, угол обзора из салона.

Если он сидит на водительском месте, он видит меня, когда я выхожу из главного входа. Но не видит, когда я иду к корпусу Б. Значит, ему важно именно это — момент моего появления. Он хочет, чтобы я знала, что он здесь.

Зачем?

Поймала себя на том, что уже который раз прокручивает ручку между пальцами и почти до боли прикусывает нижнюю губу. Заметила — и тут же заставила себя остановиться. Вот они, эмоции: то ли мешают, то ли подталкивают к чему-то необдуманному. Но сейчас ни то, ни другое не нужно. Холодная голова, только факты — вот план на ближайшие минуты.

Лера позвонила ровно через час.

— Ну что, Шерлок, — её голос был странным. — Угадай, чья машина.

— Давай угадаю. Марка.

— Бинго. Ты пугающе умная, Алис.

Алиса закрыла глаза.

Конечно. Кто ещё.

— Ты уверена?

— На сто процентов. Машина оформлена на подставную фирму, но я покопалась глубже. Владелец фирмы — друг его отца. А сам Марк катается на ней уже полгода. Я нашла фото в инсте у его кореша — Дэн, кажется. Марк там в кадре, прислонился к этой тачке.

— Зачем он следит за мной?

— А хрен его знает. Может, ты ему нравишься. Может, он маньяк. В любом случае — это, блин, горячо.

— Лера.

— Что горячо?

— Ситуация. Не она.

— Алиса, ты сидишь в универе, а за тобой наблюдает двухметровый мрачный красавчик с травмой и чёрным седаном. Это из тех историй, которые я читаю в женских романах перед сном. Ты должна сейчас либо испугаться, либо возбудиться. Третьего не дано.

— Четвёртый вариант: я его раскусю.

— Ох, детка. Ты даже не представляешь, во что ввязываешься.

— Представляю. Поэтому и звоню тебе.

— Слушай, — Лера внезапно стала серьёзной. — Не ведись на классическую жертву. Не убегай. Не прячься. Если

он хочет играть в кошки-мышки — пусть играет. Только мыши в этой игре будут с зубами.

— То есть?

— То есть в следующий раз, когда увидишь эту тачку, не делай вид, что не замечаешь. Посмотри прямо в тонировку. Пусть он поймёт, что ты его видишь. Это сломает ему сценарий.

— А если он выйдет из машины?

— Тогда, подруга, у тебя будет два варианта. Либо ты бежишь, либо ты делаешь шаг вперёд. Я знаю тебя. Ты выберешь второе.

Алиса усмехнулась.

— Ты меня слишком хорошо знаешь.

— Поэтому у тебя и есть я. Ладно, беги на пары. Я буду на связи. И, Алис...

— Да?

— Если он тебя похитит — снимай всё на видео. Мне потом в инсту выложить.

— Отвали, Лера.

Марк сидел в машине и смотрел на вход в университет, чувствуя себя полным идиотом — будто кто-то поставил его посреди сцены, вручив не ту роль, и теперь зал ждёт, что он хоть что-то сделает по сценарию, которого он не читал.

Что я вообще делаю?

Он не знал. Вот уже три дня он приезжал сюда, парковал-

ся через дорогу, сидел в салоне и смотрел, как она выходит. Как идёт, чуть склонив голову, с этой своей привычкой держать сумку на одном плече — будто ей важно было показать, что она ни на кого не опирается. Как хмурится, когда думает о чём-то, будто мир подкидывает ей задачу, которую нужно решить немедленно. Как смеётся с какой-то девчонкойбрюнеткой — видимо, подругой, — и в этом смехе было столько обычного, земного тепла, что у него внутри что-то сжималось от чужой лёгкости.

Он не мог объяснить, зачем он это делает.

Три дня назад, утром на кухне, она посмотрела на него так, как никто не смотрел уже два года. Не с жалостью. Не со страхом. Не с той вежливой отстранённостью, которой его окружали после аварии, будто он теперь из другого материала — хрупкого, опасного. Она посмотрела на него как на задачу. Как на головоломку, которую нужно разгадать. И этот взгляд взломал его изнутри — не как отмычка, а как тихий, но точный удар в самое слабое место, где он всё ещё хранил остатки себя прежнего.

Аня, — подумал он, и в груди сжалось привычное, тупое, будто старая рана отзывалась на любое движение. — *Прости. Я даже не должен думать о другой.*

Он зажмурился. Совсем ненадолго, меньше секунды — просто моргнул, но этого оказалось достаточно.

И вдруг... что-то изменилось. Это чувство не про запахи и не про звуки — во всяком случае, обычными рецепторами

такое не поймать. Ближе к тому странному ощущению, когда узнаёшь об присутствии родного человека ещё до того, как увидишь его краем глаза. Никакого скрипа, никаких шагов или хлопка двери — просто рядом возникает кто-то важный. Как будто волна памяти захлестнула безо всяких усилий с твоей стороны: ты отпустил вожжи контроля — и прошлое вернулось.

Он задержал дыхание и не рискнул открыть глаза. Потому что ясно понимал: если посмотреть — ничего хорошего там, по ту сторону век, не увидишь.

— Аня.

Имя сорвалось само — так легко и одновременно так больно, будто молишься впервые за много лет.

Он почти ощутил её — вот она сидит справа. Всё как раньше: ступни босые упираются в бардачок, чашка кофе зудит горячим в ладонях. А ещё этот смех её — звонкий и лёгкий; он умел одним махом сделать реальность проще. Инстинкт почти дорисовал картину до конца: сейчас она повернёт голову... посмотрит внимательно... улыбнётся как всегда — тем самым фирменным уголком рта с маленькой ямочкой на щеке, которую он считал своим талисманом.

Сдавленный голос вырвался из него глухо:

— Ты не должна быть здесь... Ты погибла...

Тишина в ответ, но холод стал теплом на его плече: лёгкая ладонь — знакомое прикосновение из прежней жизни. Именно так она делала иногда (особенно в те дни, когда ему

казалось, что всё держится на последнем слове): касалась плеча с невысказанной мягкостью и говорила своё вечное: *«Ты только серьёзное станешь — мир точно рухнет»*.

Он решился и открыл глаза.

Пустое пассажирское сиденье смотрело на него пластиковой строгостью — конечно пустое, что ещё? Но удивительная штука: то еле заметное тепло на плечо словно впиталось под кожу и остаться никуда не хотело. Как будто бы Аня была здесь действительно сейчас. И рука её была тут же.

Вдруг какой-то очень тихий голос прозвучал у него в голове — именно её голос, протяжный и нежный:

«Достаточно... Пора позволить себе стать счастливым. Просто отпусти».

Ему хотелось усмехнуться или вздохнуть поглубже, но он просто сжал руль до хруста костяшек пальцев. Ком стоял в гортани намертво. Он разучился плакать давным-давно (кажется, даже забыл как), но внутри невидимая струна дрогнула тонко и неожиданно живо — как бывает у старой гитары с одной сохранившейся жилкой: тронешь нечаянно — а она отзывается чистым звуком спустя несколько лет молчания.

Мысли Марка вновь вернулись в реальность, как будто кто-то резко дернул его из темноты за плечо — и он снова здесь, в машине, с пальцами, намертво вцепившимися в руль.

Он увидел её на пороге университета. Она остановилась на ступеньках, чуть наклонив голову, будто прислушивалась

к чему-то, чего больше никто не слышал. И посмотрела прямо в сторону его машины. Так, как будто смотрела прямо в его глаза — сквозь металл, сквозь стекло, сквозь эту чёртову тонировку, которая должна была прятать его, а теперь казалась просто жалкой ширмой.

И на мгновение он замер. Время растянулось, как резинка, которую тянут до предела: три секунды, пять, семь... Каждая — отдельная вечность.

Она не могла его видеть. Тонировка была слишком тёмной. Но она смотрела именно туда, где он сидел. Будто не искала, а проверяла: *«Ты там? Ты всё ещё следишь?»*

А потом едва заметно улыбнулась уголком губ — так, что эту улыбку можно было принять за игру света, за тень от козырька, за случайный изгиб лица. Но Марк знал: это была улыбка. Для него. Или против него. Он не мог разобраться.

И она пошла дальше по тротуару — легко, будто сбросила с плеч весь этот тяжёлый взгляд, оставив его одного держать его вес.

Марк продолжал сидеть, не в силах пошевелиться. Его сердце колотилось так, как не колотилось уже, по его мнению, целую вечность — будто хотело выбить из груди ту самую тишину, в которой он прятался два года. От чего-то, что он боялся назвать. Не влечением. Не интересом. Чем-то глубже, что тянуло его за собой, как течение, в которое он шагнул и уже не мог выплыть.

«Она знает, — подумал он. — Она поняла».

Он завёл мотор. Двигатель рывкнул, как будто тоже устал стоять без дела. Марк медленно выехал с парковки. Поехал за ней — на этот раз не прячась, но и не приближаясь. Держал дистанцию в три корпуса, будто эта пустота между ними была единственным безопасным расстоянием, которое он мог себе позволить.

Смотрел, как она идёт по тротуару, как ветер треплет её тёмные волосы, как она на ходу поправляет очки — привычное, почти нервное движение, которое он уже выучил наизусть. В этой мелочи было столько живого, настоящего, что ему вдруг стало страшно: он запоминал её по деталям, как человек, который знает, что скоро придётся вспоминать всё это в темноте.

«Зачем я это делаю?»

Он не знал. Но он знал одно: он не сможет перестать. Это было как дышать — бессмысленно спрашивать, зачем, когда без этого тело просто перестает держаться прямо.

На четвертый день всё стало немного сложнее, чем хотелось бы. Марк не был готов к этой сцене — он просто сидел в машине и ждал, когда закончится её пара занятий. Как вдруг увидел: она выходит из корпуса не одна, а с каким-то парнем. На вид — классический «хороший парень» из рекламы и университетских стенгазет: нескладновато высокий, светлые волосы, очки на переносице (скорее всего, даже чистые), рюкзак перекинут через плечо. Глядя на них, казалось, что

дружба вообще может быть наукой — настолько у них всё отрепетировано. Они болтали — запросто, смеясь друг над другом и над каждым своим словом так, будто делают это каждый божий день последние лет десять.

И вот этот парень что-то сказал — мелочь какую-то — и Алиса рассмеялась взхлёб. Вот таким живым смехом, который не спрятать в ладони и который звучит как подарок; коротко и начисто, прямо из глубины.

Потом он резко шагнул вперёд и обнял её. Без сентиментальности: быстро, привычно, одной рукой — точно знает правильную дистанцию и то странное доверие между старыми приятелями. И тут же отпустил.

Марк поймал себя на том, что буквально вцепился в руль. Костяшки онемели от напряжения так сильно, что даже противная пластиковая оплётка жалобно скрипнула под пальцами. Ему показалось: этот звук заглушает всё остальное вокруг — машину, шум улицы, все прописанные самому себе оправдания.

«Да какая разница? Это ничего не значит», — уговаривал он себя в сотый раз за эти дни.

Честно говоря... Конечно же значит. Нет? По закону логики ничего существенного: Алиса ему ничем не обязана. Этот парень с ней разговаривал, потому что... друзья. Их связывает нормальная история без лишних пауз и подвыподвертов. Она свободна делать всё что ей хочется: хоть обниматься с кем угодно. Никогда не обещала быть только его — чёрт

побери! — никогда даже не задумывалась об этом наверняка.

Но всё равно что-то внутри дрогнуло болезненно — как будто по внутренней броне кто-то неслышно провёл ногтем. Острое ощущение: впервые за долгое время в нём всерьёз проснулась ревность (а может даже какая-то старая зависть к тому беззаботному общению). Давно этого не было — наверное настолько давно, что он успел уверить себя: теперь умеет чувствовать только холод и пустоту.

А оказалось нет.

Ну конечно... Чёрт возьми.

Он смотрел им вслед ещё пару минут: как тот парень исчезает где-то среди студентов; как Алиса деловито перебрасывает рюкзак за спину одним знакомым жестом (поймать бы такой жест чужой жизни!), чуть склоняет голову так, словно прячет от всех растянувшуюся после смеха улыбку.

Когда она свернула за угол — осталась только пустота в кресле да мерзкий осадок внутри: теперь невозможно думать ни о чём другом. Есть лишь её смех в памяти; взгляд тёплый... Голос почти слышен: *«Чего ты боишься, Марк?»* И правда... Чего?

Себя он боится.

Того, насколько легко мог бы испортить этот момент своей тенью — ведь там, где он появляется слишком близко к чему-то светлому, обязательно становится темнее.

Он включил зажигание с какой-то злостью на самого себя.

Мотор взревел глухо; захотелось тоже заорать этот диалог наружу сквозь стекло... Но вместо этого Марк тихо потянул сцепление — плавно выкрутил руль и укатил подальше от того места, которое почему-то стало опасным.

Ни громких прощаний себе или ей.

Как всегда, у него выходит: уходить легче всего молча.

Глава 10: Уговор

Пятый день слежки стал последним. Сегодня Алиса решила: дальше так продолжаться не может.

Она уже знала его распорядок лучше собственного. В 8:40 к противоположному тротуару, недалеко от главного входа, подъезжала машина. В 13:00 — ровно, минута в минуту — она исчезала на сорок минут, а в 15:30 снова возвращалась на то же место.

Пять дней подряд. Ни одного отклонения, ни одной случайности.

Из окна своего кабинета на третьем этаже Алиса наблюдала за ним и всё чаще ловила себя на одной мысли: он даже не пытается что-либо скрыть. И именно это раздражало её сильнее всего.

«Привычка...» — думала Алиса, рассеянно спускаясь по лестнице химического корпуса. В таких вещах человек всегда выдаёт себя — как будто сам метит свою территорию маленькими ритуалами, повторяя их изо дня в день.

Вот и этот парень. Пять дней подряд он стерёт только главный вход, будто весь остальной мир для него растворялся за закрытой дверью. Всё вокруг машины — словно пустота, даже пешеходы переставали для него существовать за невидимой чертой. Сам себе капкан сгрузил: если кто-то выйдет не парадно, а сбоку — он этого просто не заметит.

Алиса воспользовалась этим вслепую. Прокралась через боковой выход, неспешно обошла здание так, чтобы почти раствориться в сером дне: вдоль старого забора и мимо бессмысленно грустных мусорных баков. Ветка шиповника скребанула её пальто очередным знаком «ты здесь чужая», но она только сильнее сдвинула шарф на шею.

Во дворе Алиса затаилась в глубокой тени — даже дыхание выравнила. Двенадцать минут ничего не происходило: машина осталась незыблемой фигурой у крыльца, тёмные стёкла вместо глаз следили только за одним пустым выходом. Это уже было почти комичным: нелепый охотник, часами ждущий у заброшенной норы зверя, который вылезать оттуда не собирается.

Ей надоело ждать первой. Она спокойно обогнула здание с тылу — тротуар, никем не занятая дорога впереди. Не торопясь и без оглядки, подошла к водительскому окну той самой чёрной машины.

Подошла уверенно, как подходят не к человеку — к допущенной ошибке в задачнике или к механизму, который наконец-то понятен до последнего винтика. Постучала костяшками: три коротких удара по стеклу — не требуя встречи, а проверяя работу гипотезы.

Внутри что-то зашевелилось. За тонировкой мелькнула тень, скользнувшая в сторону. Стекло медленно поползло вниз, словно не желая этого делать. И вот в проёме показалось лицо Марка. Впервые за всё время их знакомства Алиса

увидела на нём то, чего совсем не ожидала: искреннюю, ничем не прикрытую удивленность. А чуть ниже — растерянность. Он сорок минут смотрел на главный вход, а она вдруг оказалась прямо у его локтя, словно материализовавшись из воздуха. Алиса улыбнулась.

— Добрый день, — спокойно сказала она. — Вы, кажется, заблудились. Этот район не для таких машин.

Он молчал несколько секунд.

Просто смотрел на неё.

— Обычно люди начинают разговор с «здравствуйте», — наконец произнёс он.

— Обычно люди не стоят пятые сутки возле моего маршрута, — ответила она. — Так что сегодня я решила пропустить формальности.

Уголок его губ слегка дернулся.

— Ты всегда так общаешься с незнакомцами?

— Только с теми, кто слишком подозрительно ведёт себя.

— И какой у меня диагноз?

Алиса склонила голову.

— Я криминалист. Я знаю, как выглядят маньяки.

Марк прищурился.

— И?

— Вы не из числа.

— Вот как?

Он чуть наклонил голову.

— А на кого же я похож?

— На человека, у которого слишком много денег, слишком мало сна и слишком много проблем с матерью.

— А ты, похоже, слишком уверенна в себе, принцесса, — его голос был низким, хриплым. — Стучать в стекло к незнакомцу. Это либо смелость, либо отсутствие инстинкта самосохранения.

— Мистер Марк. Вы следите за мной пятый день. Это либо навязчивость, либо что-то ещё. Я хочу понять — что.

Он не произнес ни слова. И только сидел, как зачарованный, смотрел на неё, так что по спине пробежали мурашки, и Алиса на секунду разозлилась, что её тело вообще посмело так отреагировать.

Марк все еще молча, открыл дверь. Выходил он неторопливо в сером своем худи с капюшном. Алима от неожиданного действия парня, отступила на пол шага назад.

— Что, криминалист, — начал он. — Давай проверим твою теорию. Тоже мне!

До нее дошло не сразу. Сначала он просто шагнул вперед, чуть сместился в сторону, и она, словно на автомате, развернулась спиной к машине, не выпуская его из виду. А потом этот один короткий шаг, и лопатки Алисы уже упираются в холодный металл двери. Он отрезал ее от тротуара почти небрежно, будто именно так и должно было быть с самого начала. Ладони легли на кузов по обе стороны от нее, одна у плеча, другая у бедра. Дальше сталь, по бокам его руки, спереди он сам, слишком близкий, слишком горячий, слишком

ком большой. Он наклонился. Не касаясь. Ровно настолько, чтобы она почувствовала его дыхание на своей скуле.

— Удобно? — тихо спросил он.

— Очень, — отозвалась она.

Когда он наклонился к её уху, Алиса слышала его дыхание. Губы почти касались кожи. Оно было ровным, но чуть более частым, чем секунду назад.

— Думаешь, это игра. Наблюдение. Эксперимент с подопытным маньяком. Но я не экспонат в твоём морге, Алиса.

Алиса посмотрела ему в глаза.

— Это сейчас что?

— Проверка гипотезы, - минутка тишины, Марк смотрел на ее губы, слушал ее быстрое дыхание и стук биения сердца, - А к черту!

Когда Марк окончательно потерял контроль, всё смятение прорвалось наружу — он буквально врезался в её губы, словно за эти два года внутри него копился какой-то невыносимый голод, который теперь вырвался целым ураганом.

Это был тот самый поцелуй, от которого ничего не остаётся прежним: не из тех, чтобы аккуратно попробовать на вкус и поставить галочку, а такой, после которого чувствуешь, как вся кожа натянулась, а дыхание сбилось с ритма. Он отпустил металл и тут же стал прижимать её к себе так плотно, будто без этой близости сам перестанет дышать. Его правая рука резко оказалась у неё на талии: пальцы едва ли могли остаться только на ткани — вся эта хватка была со

всей силой двухлетнего воздержания. Левая рука почти решает всё самостоятельно: лёгким скольжением вдоль её бока она добирается до шеи, где большой палец замирает на скуле — вроде бы мягко, но уверенно, как человек, который точно знает, чего хочет. А остальные пальцы запутываются у неё в волосах на затылке и наклоняют голову ровно под тем углом, который ему жизненно необходим. И тут кто кому нужен? Его рот буквально захватывает её без стука и предупреждения — настолько жадно и глубоко, что Алиса замирает; дышать становится чуть ли не роскошью, которую нужно заслужить. Она пытается инстинктивно его оттолкнуть: ладони врезаются ему в грудь... но дальше руки предают — остаются там же. Её пальцы цепляются за его толстовку (как будто это настоящая страховка среди всего этого вихря), сминают ткань и внезапно сами тянут его ближе. А он отвечает рыком — каким-то низким звериным звуком прямо ей в губы (и куда только делась цивилизованность?). Его рука мигом скользит ей ниже спины; вот уже её грудь оказывается прижатой к нему так плотно, что между их тела невозможно протиснуться ни единым атомом воздуха.

В этот момент будто всё перестаёт существовать: никакой аналитики, никаких списков поведенческих признаков или выводов. Каталог ощутимых улик просто исчезает — остаётся только дикое осязание: вкус кофе вперемишку с мятой и чем-то слишком живым; его замершие в волосах пальцы; её собственный стон (собственный ли?), который он проглатывает.

вает одним движением. Потом они разрывают эту связь буквально на сантиметр — словно пытаются вспомнить... да-да, воздух! Лбы соприкасаются; дыхание получается общее: сбивчивое, хриплое. Алиса не отрывает взгляд от его губ — теперь тёмных и опухших; можно даже различить свои следы (вот уж где доказательства).

Марк смотрит ей в глаза... потом медленно опускает взгляд ниже; это происходит как будто нарочно долго — явно наслаждается этим мгновением решения ещё секунду-другую. Большой палец снова проводит по её скуле, чуть мягче обычного — и вот уже кажется, что именно эта нежность ломает больше внутри неё, чем вся прежняя ярость. Тишину прерывает корявый смешок сбоку. Они оба вместо воздуха хватают глазами звук: вот Лера — стоит у тротуара боком к ним (с видом человека, который совершенно не собирался быть здесь сейчас). В руке вытянут телефон — экран подсвечивает сцену почти театрально.

— Ой, — произносит Лера всё так же с телефоном наготове. — Простите... Я вас случайно перебила. Просто вы стояли так красиво... ну я и подумала: почему бы не сфотографировать?

Алиса моргнула. Внутри всё ещё гудело, и она на секунду не могла собрать мысли в нужном порядке.

— Лера! — ответила Алиса.

— Что «Лера»? Твоя геолокация сорок минут стоит у этой тачки, я решила, что тебя похитили! — Лера развела руками.

— Пришла спасать. А тут, оказывается, спасательная операция уже проводится. Причём горизонтально.

Марк медленно выпрямился. Ладони с машины не убрал — только повернул голову, и взгляд его был такой, что тротуар на секунду стал холоднее.

— Удали, — сказал он.

— Не-а, — Лера похлопала ладонью по карману, куда уже спрятала телефон. — Это страховка.

— Страховка от чего?

— От тебя, высокий и мрачный, — охотно объяснила она. — Если Алиса пропадёт — фото уйдёт в чаты. Во все чаты.

— Лера, — простонала Алиса, — какие ещё чаты...

— Все, — отчеканила подруга. — Включая чат кафедры. И чат потока две тысячи девятнадцатого. И чат мамочек нашего двора, там, кстати, четыреста человек, им скучно.

Марк моргнул. И — Алиса не поверила своим глазам — уголок его рта дёрнулся в почти-улыбке.

— Ты подруга-программист, — сказал он.

— Единственная и неповторимая, — Лера поклонилась, не отходя от столбика. — А ты Аполлон с травмой. Мы уже заочно знакомы, у меня досье.

— Досье?

— Алиса всё рассказала, — Лера подмигнула. — Включая про пресс. Сколько там было, кстати? Я ставки принимала.

— Лера, — Алиса закрыла лицо ладонью, — ещё слово, и я сдам тебя ему сама. Вместе с паролем от ноутбука.

— Молчу-молчу, — подруга подняла руки, но тут же опустила и деловито прищурилась. — Тогда формальности. Я Лера: лучшая подруга, алиби и личный хакер вот этой вот красавицы. Ты Марк: сталкер вот этой вот красавицы и, судя по тому, что я сейчас видела, скоро не только сталкер.

— Скоро? — переспросил Марк.

— Ну такие поцелуи на погоду не случаются, Аполлон, — Лера фыркнула и наконец отлепилась от столбика. — Ладно. Ухожу. У меня устрицы по расписанию и лекция, которую я прогуляла ради твоего спасения, Алис. — Она сделала три шага назад и добавила, уже разворачиваясь: — Фото не удалю. Но покажу только тебе. За отдельную плату.

— Лера!

— Всё, всё!

она свернула за угол аллеи и исчезла, все так же вполголо-са насвистывая себе под нос, будто оставляя за собой остатки звучания в воздухе. С ней ушёл и лёгкий фон, а вместо него наступила тишина — но не привычная пустота, а тихая, весомая пауза, словно воздух напитался чем-то новым, теплым, почти невидимым объятием.

Марк медленно повернулся к Алисе. Ладони его по-прежнему лежали по обе стороны от неё на машине — вроде бы всё те же очертания ситуации, только теперь границы этой «ловушки» вдруг сделались мягче. Больше не похоже на западню — скорее на временное убежище от остального мира.

Он не пошевелился. Она тоже сохранила позицию — ни-

кому из них даже в голову не пришло сделать шаг назад. Оставалась полоска воздуха между ними (та самая минимальная дистанция, которую ещё можно назвать безопасной) — но теперь этот воздух жёг сильнее прикосновений. Ощущение нехватки стало почти осязаемым: обоим хотелось нарушить это хрупкое равновесие, но пока никто не рисковал.

— Мне надо идти, — тихо сказала она, не глядя на него.
— Лабораторная работа ждёт.

Алиса сделала легкое движение и нырнула под рукой Марка, оказавшись быстро на середине тротуара.

Его рука поймала её за запястье. Не сильно. Но без права отказа: тёплые пальцы сомкнулись ровно там, где бился её пульс, — и пульс тут же выдал её с головой, застучав под его большим пальцем, как пойманная птица.

— Марк?..

Он притянул её к себе так уверенно, без намёка на нерешительность — будто в каждом движении была выученная годами привычка, как автоматизм любимого жеста. Алиса оказалась совсем рядом: всего секунда — и уже не разглядеть границы между своими и чужими ощущениями, вокруг всё будто замедлилось, как в какой-то невидимой воронке времени. Его ладонь опустилась ей на затылок: тёплая, грубоватая — мозоли всё же не скроешь — и вдруг осторожная настолько, что волосы прилипли к пальцам. Он легко наклонил её голову и их губы встретились снова — как возвращаются домой по знакомому маршруту в полной темноте.

Весь этот поцелуй шёл, никуда не торопясь; казалось, он всерьёз решил растянуть мгновение настолько, чтобы оно вместило целую жизнь. Он целовал так медленно, что у Алисы было чувство: вот этот вдох — не просто короткий момент между двух фраз, а будто она дышит целое лето, чтобы запомнить его до последней секунды.

И пока его пальцы медленно скользили ей вдоль шеи и позвоночника — это вообще отдельная история — сё живое тепло разлилось по телу густым потоком. Контакт оказался куда глубже простого прикосновения; иногда кажется, что можно попробовать одеться в другое тело, но тут словно бы кто-то аккуратно пригладил тебе душу изнутри. Алиса приподнялась на носках; пальцы крепко вцепились в рукав его свитера (секунда большой нужды — всегда находишь за что зацепиться), а ветер наверху вовремя подхватил горсть осенних листьев: ярких, тяжёлых цветом, как пожелтевшие письма или марочные конверты с социалкой внутри.

Пришлось ненадолго отстраниться друг от друга — ровно настолько, чтобы вдохнуть вместе воздух и увидеть облачко пара между лицами: плотное, словно материализованное слово. Алиса вдруг улыбнулась почти удивлённо:

— У тебя губы ледяные.

— А у тебя тёплые... как свежий чай.

Он опять подтянул её ближе к себе и большим пальцем провёл по внутренней стороне запястья прямо вдоль вены — очень медленно и почему-то абсолютно наверняка. От этого

Алиса почувствовала себя совершенно бесформенной (таять можно ведь не только от холода). Абсолютно ничего внешнего больше не имело значения: был только этот островок двоих среди шелестящих по тротуару листьев. Осень нависла вокруг тяжелой шалью и похоже никуда уходить не собиралась. Впрочем, им стало совершенно всё равно — здесь была только их точка тепла посреди промозглого ветреного города.

Елена появилась в холле «Галакси Сити» ровно в 16:47 — как по часам, причём взгляд у неё был такой, будто весь этот сверкающий стеклянный город выстроили специально для её сегодняшнего прохода. Костюм на ней — чёрный, сидящий идеально, словно с иголки и как влитой; белая блузка без единой мятинки; серьги — серебро и никаких лишних деталей. Как только каблуки коснулись мраморного пола, раздался тот самый чёткий ритм шагов, который неминуемо привлекает внимание. Проходящие сотрудники машинально вытягивали шеи, кто-то кивал приветливо — движения, выверенные годами офисной этики. Мужчины иногда позволяли себе секундный взгляд вверх необходимого (ну знаете этот почти неуловимый замирающий момент), женщины изучали её по диагонали — то ли ревнуя к уверенности, то ли подмечая детали для себя.

Впрочем, Елене давно не требовалось чьё-либо одобрение. Она слишком хорошо знала: здесь никто не осмелится

преградить ей путь или задержать расспросом. Формальное «добро пожаловать»? Пустые слова — она была из тех людей, кто сам устанавливает правила своего появления.

На десятом этаже встретил её характерный уют: запах крепкого кофе и свежей бумаги — невероятно устойчивые ассоциации для любого офисного пространства, где дела делаются всерьёз. Дверь чуть приоткрыта — знак либо доверия, либо спешки.

— Елена Андреевна! — секретарь в очках подпрыгнула так быстро и с таким азартом, что кресло чуть не уехало под стол. От волнения она сбилась: — Кирилл... он сейчас... на совещании до семи... я могу...

Елена бросила на неё спокойный, даже почти дружелюбный взгляд (у неё особый стиль обескураживать без резкости).

— Для меня он всегда свободен, — сказала негромко и вошла внутрь уже сама (без колебаний; как человек, которому не нужно ждать приглашения).

Дверь за ней захлопнулась с звучным щелчком замка — тот самый звук, после которого разговоры обычно перестают быть общими.

В кабинете за большим столом сидел Кирилл: белая рубашка с закатанными рукавами (вечно между переговорами и делами), но при виде Елены он вскочил на ноги так живо и стремительно, будто только ждал этого момента. Улыбка распахнулась на лице мгновенно — будто кто-то щёлкнул

выключателем света.

— Моя любимая леди, — произнёс он тихо, подходя ближе. — Ты пришла ровно в срок. Самолет через два часа.

Елена тихо подошла к столу, проводя ладонью по гладкой, холодной поверхности — жест, будто она на мгновение проверяет: всё ли это происходит взаправду. Она остановилась прямо перед мужчиной, повернулась спиной и оперлась на край стола так, что её бедра слегка упёрлись в дерево. Кирилл тоже не отступал: он подошёл настолько близко, что между ними почти не осталось воздуха, и вся эта сцена дышала чем-то запретным — ну а как иначе? Ведь у Елены на пальце блестело новое кольцо (ещё недавно все обсуждали её недавнюю свадьбу).

Она не отводила взгляда, шагнула к нему окончательно близко; её рука потянулась к его галстуку — тонкому чёрному с аккуратной белой полоской. Подушечками пальцев она быстро распрямила складку на ткани... Мимоходом, как бы невзначай, но ясно давая понять: никакого случая тут давно уже нет.

— Два часа — это время, которое у меня есть на тебя, — ответила она.

Кирилл обнял её за талию — привычным, почти небрежным жестом, как если бы делал это тысячу раз раньше. Она потянулась ближе, встала на цыпочки и крепко обвила его шею, будто боялась упустить этот короткий миг близости. Их тела соприкоснулись вплотную: грудь к груди, бедра к бед-

рам — ни малейшей дистанции между ними, и в этом было что-то одновременно естественное и чуть сумбурное (как когда спонтанно решаешь прыгнуть с парашютом без долгих раздумий). Кирилл провёл руками вниз по её спине, чувствуя под ладонями тонкую ткань, натянутую на каждый изгиб фигуры.

— Говори, — тихо сказал он прямо ей в губы. — Когда мы перестанем играть в прятки?

Елена застыла. На какое-то мгновение в её взгляде мелькнул тот самый холодный расчёт — специфический блеск, который прорывался наружу только тогда, когда происходило что-то действительно серьёзное. Вот так иногда человек на пару секунд становится другим: уходит вся мягкость, остаётся только сталь и внутренний контроль.

— Ты знаешь для чего это всё, Кирилл. Я уже объясняла. Он не отпустил её талию. Наоборот — притянул ещё ближе, так, что она почувствовала, как бьётся его сердце.

— Знаю, — ответил он хрипло. — Но...

Елена посмотрела ему прямо в глаза, оборвала его на слове — без улыбки, без тепла

— Мне нужна не он, мне нужны его деньги, — она сказала это так спокойно, как если бы речь шла о смене поставщика. — Его знакомства, его рычаги — всё, что держит наш бизнес в целости. Без этих ниточек меня тут же сметут. Я не собираюсь проигрывать то, что строила столько лет.

Кирилл промолчал, словно слова застряли где-то между

грудной клеткой и горлом. Он смотрел на неё с тем выражением — знаешь, когда человек будто глазами гладит кожу: чуть задержится взглядом на скуле, потом на ключице... вопрос без слов.

Её большой палец легко коснулся его губы снизу, чуть проводя по ней — движение настолько интимное и властное одновременно, будто проверяла реальность происходящего.

— Я не для того пришла, чтобы нам по второму кругу проговаривать наш маленький заговор. Я пришла потому что хочу наказания. Твоего.

Он просто смотрел на неё ещё пару долгих секунд. А потом вдруг рванулся навстречу: их поцелуй вышел резким, даже злым по интонации — но под этой резкостью вполне можно было почувствовать отчаяние человека, лишённого права выбора.

Она ответила ему сразу и честно — вся ушла в этот поцелуй. Не сдерживалась вообще: жадные пальцы быстро расстегнули ему рубашку (как будто от вчерашней привычки), и ладони исследовали горячую грудь, уже знакомую до мельчайших деталей.

Кирилл тут же подхватил её обеими руками, поднял и усадил на край стола так резко, что бумаги слетели на пол — их столкновение было про всё сразу: про злость, страх потерять контроль и жажду хотя бы минуты сбежать из этого пресса внешних обстоятельств.

— Скажи ещё раз, — прошептал он ей в губы.

Елена обхватила его ногами за талию, притянула ближе и ответила:

— Ты мой зверь!

Она поцеловала его снова — глубоко, отчаянно. Его руки легли ей на бёдра, пальцы впились в ткань юбки.

— Я люблю тебя, — выдохнул он ей в шею. — Только тебя.

— Тогда покажи, — прошептала она, кусая его за мочку уха. — Покажи сейчас.

Елена замерла. На долю секунды в её глазах вспыхнуло что-то холодное, расчётливое — та самая девушка, которую он видел только в самые важные моменты.

Она провела большим пальцем по его нижней губе.

— Я пришла не для того, чтобы повторять наш план, — сказала она тихо, но голос был ледяным. — Я пришла для того, чтобы ты меня наказал.

Кирилл смотрел на неё долго. Потом поцеловал — жёстко, почти зло. Но в этом поцелуе было отчаяние.

Елена ответила. Горячо. Страстно.

Она сама расстегнула его рубашку, пальцы скользнули по его обнажённой груди. Кирилл подхватил её, усадил на край стола и прижался к ней всем телом.

— Скажи ещё раз, — прошептал он ей в губы.

Елена обхватила его ногами за талию, притянула ближе и ответила:

— Ты мой зверь!

Она поцеловала его снова — глубоко, отчаянно. Его руки легли ей на бёдра, пальцы впились в ткань юбки.

Елена почувствовала, как внутри неё всё сжимается от предвкушения. Она знала, что делает. Знала, что он сейчас сделает. И тело предало её полностью — оно уже горело, уже текло.

Она коснулась его губы — не ласково, а будто проверяя: действительно ли он здесь. И вдруг говорит тихо (при этом невозможно не заметить, как в голосе звенит сталь):

— Я пришла не повторять план. Я хочу... чтобы ты меня наказал.

Между ними повисла пауза — густая, напряжённая. Кирилл смотрел пристально, молча. Потом наклонился и поцеловал её так, будто внутри у него ворочалась буря. Там не было нежности — только голод и что-то отчаянное.

Елена ответила жарко, с такой страстью, будто сейчас весь этот стол вспыхнет от одного её прикосновения. Она сама расстегнула ему рубашку — медленно-медленно, словно испытывая терпение. Пальцы скользили по его разгорячённой коже; в этом не было ни смущения, ни сомнений. Всё просто становилось проще на ощупь.

Кирилл подхватил её на руки и усадил прямо на край стола; их тела соприкоснулись плечом к плечу — плотнее уже некуда.

— Повтори, — шепчет он ей навстречу губами. Тихо, но в голосе требование такое, от которого сердце невольно сби-

вается с ритма.

Она обнимает его ногами за талию и едва слышно отвечает:

— Ты мой зверь...

В этот момент всё вокруг перестало иметь значение. Она целует его снова — так, что язык кажется выдохом ветра во время грозы: горячо и чуть безрассудно.

Кирилл уже намертво держит её бёдра; пальцы стискивают ткань юбки так, что та может порваться прямо сейчас.

Внутри Елены всё туго стягивается в один болезненно-прекрасный узел предвкушения; она знает: сейчас они оба перестают быть беспристрастными игроками. И уже нет никакого плана — остаётся только желание.

Кирилл вдруг резко развернул её спиной к себе. Она услышала, как его дыхание сбилось, как он резко вдохнул, будто пытался себя удержать. Елена застыла — будто внутри щёлкнул тумблер, и вот перед Кириллом снова та самая Елена: холодная, собранная до невозможности. Эта её сторона редко выходила наружу. Обычно только когда ставки были по-настоящему высоки.

Её дыхание сбито — из грудной клетки вырывается короткий вдох-хрип. Она ловит этот момент самоконтроля на грани срыва в его голосе:

— Не стоило тебе выбирать слово «наказать», — почти рычит он ей прямо в ухо. Ладонь проглаживает от затылка по позвоночнику вниз; это движение одновременно утешает

и будоражит нервы вплоть до кончиков пальцев.

Улыбаясь чуть насмешливо (наполовину сама себе), она бросает через плечо:

— Ну так не будь со мной мягким.

Он не продолжает разговор словом — вместо этого хватается её за бёдра, резко разворачивает лицом к столу и прижимает грудь к прохладной поверхности дерева. Кожа обжигается этим контрастом тепла и холода; непроизвольно она выгибается навстречу этому ощущению.

— Руки на стол.

Она подчинилась прежде, чем он договорил фразу до конца: почти автоматически (старые привычки всегда срабатывают раньше мыслей). Он задирает юбку вверх одним движением и разводит колени пошире — теперь воздух касается кожи между бёдер так явно, словно зима прокрадывается внутрь неё ледяным язычком.

Звучит неприкрытый восхищённый выдох:

— Ты прекрасна... Ты дрожишь уже только от звука слова «наказание».

Прикусив губу (иначе голос бы сорвался), Елена едва держится в руках ровным якорем реальности: юбка задрана выше талии, ноги разведены широко... и эти его прикосновения мучительно медленные, обещающие гораздо большее развитие событий.

Когда он наконец дотрагивается до самого нужного места — там уже жарко-горячо даже без касаний; тело выгибается

дугой само по себе.

Из горла раздаётся первый короткий звук (его нельзя спутать ни с чем).

Теперь он двигается осмысленно: захватывает пространство ладонью круговыми движениями— сперва медленно (почти мучительно), потом быстрее и настойчивее. Дерево под ладонями кажется слишком гладким и холодным для такого жара внутри...

Он шепчет ей в шею:

— Ты будешь стоять так долго, пока я не скажу тебе кончить?

Другой рукой он ищет через ткань грудь: сжимает сильнее обычного, проводит большим пальцем по соску так явно...

Из уст Елены вырывается новый стон («пожалуйста...»).

— Пожалуйста что? – Не отпускал хватки ни телом, ни вниманием. — Говори вслух!

Тут уже срываются какие-то совсем чужие слова:

— Больно... Сделай мне хорошо и больно...

И мир съёжился для неё до одной точки в теле; всё остальное стало ненужным фоном из дерева стола да горячих вдохов позади неё...

Вдруг всё останавливается: рука исчезает— вместе с ней остаётся только голое раздражение натянутой струны вместо нервов.

Ей хочется возмутиться («Ты вообще...»), но он резко возвращает инициативу себе— усаживает её лицом к себе на

край стола широким движением бедра между ног; теперь вся эта их сцена превращается почти в схватку живой силы на полутонах желания.

Глядя прямо ей в глаза (не моргая вовсе), Кирилл почти рычит вполголоса:

— Ты хотела наказать меня? А теперь умоляешь о своей собственной порке...

И вот уже одним длинным глубоким толчком оказывается внутри; контроль исчезает окончательно— ноги обвивают его крепче прежнего. Движения грубые— каждое как вздох после остановки сердца.

Она начинает двигаться ему навстречу сама— жадно лоя каждый новый толчок телом (а грудь теперь подпрыгивает вновь освобождённой кожей под задравшейся юбкой).

Ощущения сводят мышцы живота в тугую комок предвещания...

— Кирилл... я... сейчас...

Последний командный аккорд слетает с его губ быстро:

— Кончай!

И когда волна накрывает её криком— он продолжает; движется глубже-жестче-крепче (словно забирает у неё остатки воздуха).

Финальный удар приходит громко и яростно— рычание прямо у ключицы (непонятные слова распадаются на кусочки наслаждения).

И тогда весь их план становится просто настроением ком-

наты — единственное важное было только здесь-существующее «ты моя».

Елена ловко застёгивает блестящие пуговицы на блузке, и руки её всё ещё чуть подрагивают — не от страха, а от остаточного жара внутри, который никак не выветрится. Юбка мягко возвращается на привычное место; ткань пробегает по коже, будто медлит уходить из этой близости. Светлые локоны волос слегка разбросаны после этих торопливых минут — она нервно взбивает их руками, подбирает невидимую прядь за ухо. В этот момент где-то громко щёлкает: пора.

— Я пойду, — говорит она без нарочитой торжественности. Будто они обсуждают расписание встреч, а не планы на выживание (или на измену, кто как посмотрит). — Не хочу рисковать нашим уговором.

У Кирилла на лице странная пауза: в груди гуляет тяжёлое дыхание, пуговицы его рубашки забыли о своей миссии. Он глядит пристально, будто запоминает всё: волосы Елены стянуты невидимой нитью между скулами, губы чуть приоткрыты и отражают тайную усмешку. В глазах тусклый отблеск света и чего-то другого — тут уже не разберёшь быстро.

— Ты даже сейчас холодная, — произносит он вполголо-са после долгого вдоха. Слова больше похожи на признание себе самому.

В ней ледяного почти нет, только расчётливая ясность взгляда. Это то самое лицо начала — ровное и немного колкое.

— Тебе ведь это и нужно: чтобы я оставалась холодной, — легко парирует она. — Так ты мне отвёл моё место — всегда чуть в стороне.

Он подходит ближе (как-нибудь навсегда запомнить бы эти секунды), чинит ей воротник — жест настолько естественный, что и не различишь: забота или прощание? Его пальцы ненадолго замирают у неё под ключицей; там сердце едва слышно ждёт сигнала к бегству.

— А теперь... теперь я буду думать о том, что ты сейчас пойдёшь и будешь улыбаться, как будто всё в порядке.

Елена осторожно провела ладонью по его щеке — словно намеренно задержалась, чтобы прочувствовать этот момент до конца.

— Вот зачем я здесь, — тихо сказала она, почти у самых его губ. — Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь забыл, кто ты для меня.

Она делает шаг назад, к двери. Кирилл не удерживает её. Просто смотрит, как она застегивает одну пуговицу за другой.

— Я люблю тебя, — говорит он вдруг, почти шёпотом.

Елена останавливается. На долю секунды в её глазах мелькает что-то тёплое, почти человеческое. Потом маска возвращается.

— Знаю, — отвечает она. — И я тебя люблю. Но любовь не отменяет расчёта.

Она выходит в коридор — ловит себя на том, что невольно

задерживает дыхание. Уже за дверью делает глубокий вдох: так легче собраться. Приводит в порядок волосы (одна выбившаяся прядь действует раздражающе), словно надевает невидимый панцирь уверенности. Спина автоматически выпрямляется; Елена чувствует, как напряжение начинает отступать.

Секретарша — молодая, явно не привыкшая к утренним драмам женщина — встречает её с робкой, чуть смущённой улыбкой. Елена даже не замедляет шаг. Сейчас нет сил и необходимости кому-то улыбаться в ответ или оправдываться взглядом.

Уже проходя по ковровой дорожке, она мысленно крутит сценарии — всё остальное отходит на второй план. Главная мысль: завтра все узнают, чьей женой она является. И точка. Не просто «все узнают» — а именно так, чтобы у любых желающих поговорить про неё отпали все желания совать нос куда не просят.

В голове уже сложился чёткий план (интуиция иногда работает быстрее логики). Она почти чувствует облегчение: наконец-то появилось то самое решение, за которое не будет потом стыдно.

И наверняка Кирилл её поддержит. Между ними много недосказанностей, но сейчас им обоим абсолютно ясно — они оба устали прятаться, играть свои роли для чужих глаз. Впервые за долгое время она знает: он хочет того же. Хочет раз и навсегда стереть эту черту между их настоящей жизнью

и вынужденной тенью внешних обстоятельств.

Не приходится даже себя уговаривать: этого шага они давно ждали оба.

Глава 11: Звонок, чипсы и правда

Алиса пробиралась по узкому коридору своей двушки в Раменках, лениво шаркая тапочками — паркет слегка поскрипывал под ногами, а в прихожей звенел нетерпеливый звонок, будто кто-то за дверью давно выбился из терпения. За окном дождь вроде как уже закончился, но отдельные капли всё равно упорно барабанили по стеклу — ленивые и чуть смущённые, будто старались остаться незамеченными в этот сумрачный вечер. Алиса потянулась рукой к затылку: там всё ещё отдавала память о пальцах Марках — сегодня днём их прикосновение задержалось на коже куда дольше обычного. Она наконец дошла до двери и открыла её.

— Ну наконец-то, — выдохнула Лера, вваливаясь внутрь и сбрасывая рюкзак на пол, как будто тот был виноват в том, что она запыхалась. — Ты там кого-то прячешь?! Труп? Двухметрового с татуировками? Или ты просто принимала ванну с пеной и думала о смысле жизни?!

— Лера, я открыла дверь ровно через четыре секунды после звонка, — начала Алиса, но подруга её уже не слушала.

Алиса шумно выдохнула, задвигая за подругой дверь — будто с этим выдыхала и часть накопившейся усталости. Лера не стала тянуть резину: едва оказавшись в квартире, уже протащила свой рюкзак (тот самый, наполовину раздетый, как всегда) прямиком на кухню. Она быстро устроилась за

столом и, ни слова не говоря, занялась привычным делом — рыскать по карманам своего багажа в поисках съестного добра.

Оттуда совершенно предсказуемо вылезли рифлёные «Лейс» с перцем и лаймом — свою маленькую традицию Лера не нарушала ни разу: будто бы точно знала заранее, что завтра в жизни Алисы что-то пойдёт не так. Ещё из рюкзака родилась двухлитровая пластиковая бутылка колы (жизненная необходимость для длинных разговоров), шоколадный батончик и даже мятая салфетка с остатками старых записей — вся её компания вещей для домашних посиделок.

— Это что, набор для выживания в апокалипсисе? — устало спросила Алиса.

— Это набор для реанимации после клинической смерти мозга, — отрезала Лера, подхватывая бутылку и чипсы.

Лера уже вовсю обживалась на кухне. Из-за двери донеслось: хлопки шкафчиков, характерное пшшш открытой банки и сразу кто-то ухватил что-то хрустящее (да, по дому мгновенно разнёсся запах чипсов). Теперь Лера устроилась за столом, расслабленно болтая ногами в белоснежных носках — выглядела беззаботно, если не считать взгляда. Этот взгляд говорил: она сейчас проведёт допрос так, что следователю бы позавидовать.

— Садись сюда, — она звонко хлопнула ладонью по стулу рядом. — Или стой у входа, если хочешь почувствовать себя в окопе. Всё равно просто так не отделаться; я отсюда

не двинусь, пока ты не сдашься с полными показаниями.

Алиса осталась стоять у холодильника — оперлась плечом о дверцу, руки скрестила как щит перед собой.

— Я правда не в курсе, к чему ты ведёшь, — бросила она осторожно.

— О, нет. Только не этот тон. — Лера закатила глаза. — Тон «я криминалист, я вижу улики, но сама я невинная овечка». Алиса, мы с тобой знакомы целую вечность. Я знаю, когда ты врёшь. У тебя при этом дёргается правая бровь. Сейчас она дёргается так, будто ты танцуешь тверк.

Алиса машинально прижала ладонь ко лбу, фиксируя бровь.

— Лера, я просто устала.

Алиса уткнулась взглядом в стол, даже не притрагиваясь к своей кружке с колой — просто сжимала её так крепко, будто та могла дать хоть какую-то опору. Она подбирала внутри подходящие слова: что-то спокойное, как от взрослого человека. В идеале — фразу, которая сразу покажет, что она всё держит под контролем. Только вот мысли упрямо крутились вокруг совсем другого: темная машина на обочине, его руки (слишком близко, но почему-то не пугающе, а скорее... аккуратно?), тот странный момент, когда воздух вдруг стал общим — и этой хрупкой секунды хватило, чтобы ее защита треснула по шву. Честно говоря, если раньше Алиса гордилась своей холодной сдержанностью — вроде броня у неё всегда была прочнее прочного, — сейчас она чувствовала

себя почти беззащитной.

— Ты сейчас выглядишь так, будто твой персональный сталкер-Аполлон наконец-то сменил тактику с «любоваться издалека» на «так, я пришёл». — Лера протянула к ней руку с чипсом наперевес — прямо как указка на допросе. — Ну что же. Слушаю официальные показания. Вопрос первый: насколько всё серьёзно? По шкале от одного до десяти? И только давай без твоего фирменного «это в пределах погрешности».

Алиса не отвечала — долго, наверное, секунд двадцать — просто смотрела на крошки от чипсов, будто в них можно было что-то прочитывать... или хотя бы спрятаться. Дышать получалось через раз.

— Алиса, — Лера на этот раз заговорила совершенно иначе: ирония у неё обычно в крови, а тут вдруг кто-то выкрутил громкость сочувствия на максимум. — Ну и как это всё было?

Алиса медленно подняла взгляд, как будто вернулась издалека. Внутри у неё ещё стояла целая осень: листья летали где-то под рёбрами и пахло мятой (тот самый леденец во рту, от которого даже сейчас щиплет на языке). А по коже ещё гулял призрачный след его пальцев — будто можно было вот прямо сейчас протянуть руку и поймать остаточное тепло.

— С точки зрения биохимии... — начала она тихо, цепляясь за привычные термины, как за спасательный круг. — Происходит выброс дофамина, окситоцина и адреналина.

Тахикардия. Сужение зрачков. Это просто реакция нервной системы на...

— Стоп! — Лера сильнее чуть поддалась к подруге, чтобы заглянуть в глаза. — Мне не нужна твоя лекция в Сорбонне. Мне нужна правда. Тебе понравилось?

Алиса сглотнула. Горло пересохло.

— Он... он был холодный, — прошептала она, и это было первое честное слово за весь вечер. — У него были ледяные губы. Но руки... руки были горячими. И когда он... когда он притянул меня к себе...

Она замолчала, потому что память снова предательски вернула ей то ощущение: его грудь — твёрдую, почти каменную, тепло его тела, запах ткани его худи. Её пальцы тогда сами собой вцепились в материал, сменяя его, будто отказываясь отпустить. Будто где-то глубоко внутри она вовсе не хотела, чтобы он отстранился.

— Ты не оттолкнула его, — констатировала Лера. Это был не вопрос.

— Нет, — призналась Алиса, закрывая глаза. — Я не оттолкнула его. Я держалась за него, Лера. Как будто... как будто если я отпущу, то упаду в пропасть. А он был единственной опорой.

Лера тихо выдохнула, доставая ла из кармана худи телефон.

— Знаешь, что самое смешное? — Лера разблокировала экран и повернула его к Алисе. — Ты думаешь, ты потеряла

контроль. А я смотрю на это фото...

На экране появилось фото, сделанное всего через несколько секунд после того, как Лера подошла к ним. Кадр получился почти невозможным — слишком точным, слишком живым, будто его вырвали из сцены фильма.

Марк склонялся над Алисой, его рука запуталась в её волосах, а её пальцы судорожно сжимали ткань его толстовки. Но сильнее всего цеплял взгляд Алисы. На снимке в нём не было привычной сдержанности, не было защиты или холодного расчёта. Только что-то открытое и опасное — чистый, необъяснимый огонь.

Алиса перевела взгляд с телефона на подругу, потом медленно посмотрела на свои руки. Они всё ещё будто хранили память о нём — ощущение его силы, тепло его тела, его запах.

— Это... это я выгляжу так, будто я только что сдалась в бою? — прошептала Алиса, краснея.

— Ты выглядишь так, будто только что выиграла войну, — Лера подмигнула. — И он смотрит так, будто уже придумал, как тебя взять в плен. Это не поцелуй, Алис. Это война. И ты в ней победила. Без единого выстрела.

Алиса засмеялась — коротко, нервно, но искренне.

— Знаешь, что самое страшное? Я хочу, чтобы он сделал то же самое снова.

Лера поставила телефон обратно в карман и посмотрела на подругу долгим взглядом.

— Милок, — усмехнулась она, но в её голосе не было насмешки. — Ты криминалист. Ты же знаешь правило: если на месте преступления найдено слишком много улик, указывающих на одного подозреваемого...

— ...то нужно арестовать его и провести очную ставку, — механически закончила Алиса.

— Вот именно, — Лера отстранилась и подмигнула. — Так что готовься. Завтра он снова будет стоять у универа. Или не у универа. С таким парнем предсказания не работают. Но одно я тебе скажу точно.

— Что?

— Если он снова попытается целовать тебя у машины — не стой на холодном металле. Простудишь почки. А вот в остальном... — Лера хрустнула чипсом. — В остальном, доктор Хаус, тебе пора перестать изучать анатомию по учебникам.

Алиса посмотрела на подругу, и вдруг, вопреки всей своей усталости и тревоге, коротко рассмеялась. Смех получился хриплым, непривычным, но настоящим.

— Ты невыносима, — сказала она, забирая у Леры бутылку колы.

— Я знаю, — довольно ответила Лера. — Зато я права. А теперь налей мне. И давай уже признайся: ты же хочешь, чтобы он завтра снова за тобой приехал?

Алиса сделала глоток, чувствуя, как сладкий, ледяной вкус колы обжигает горло. Она посмотрела в окно, за кото-

рым темнели вечерние Раменки. Где-то там, в этом огромном городе, ехал чёрный седан.

— Да, — тихо сказала она. — Хочу.

И впервые за весь день её аналитический ум не стал это оспаривать.

— Так, — подруга разблокировала планшет, и экран залил кухню холодным голубым светом. — Начнём с того, что я, конечно, не могла отпустить тебя в руки неизвестного мужчины с татуировками и травмой. Это базовая безопасность. Как в тех фильмах, где героиня всегда говорит «я справлюсь», а потом её находят в багажнике.

— Лера...

— Молчи. Я работаю. — Лера открыла какую-то страницу. — Итак, Марк Волков.

— Я в курсе, кто он.

— А вот это не факт. — Лера повернула планшет к ней. — Смотри. Вот его инстаграм. Закрытый, конечно. Но у меня есть друг. Ну, не друг — человек, который должен мне триста тысяч и доступ к некоторым... интересным вещам.

В окне инсты мелькали фотографии. Алиса придвинулась ближе к экрану — почти уткнулась носом, стараясь не упустить ни одной детали.

Снимки были на вес золота: все будто бы из другого времени, выцветшие, преимущественно черно-белые. Вот Марк возле машины, что-то объясняет кому-то за кадром. На крыше дома — ветер растрепал волосы, в руке бутылка лимона-

да (или все-таки пиво?). А это — с собакой; черная мордочка рвется в объектив, понятно: Рекс. Ну и еще кто-то был — парень светловолосый, с бешеным оптимизмом в улыбке; обнимает Марка за плечо так, как умеют только очень близкие друзья.

— Это Дэн, — произнесла Лера. — По паспорту Даниил Соколов. Лучший друг Марка, если верить его старым постам. Они знакомы лет десять-то точно... Сейчас этот Дэн кайфует где-то под Ниццей со своей женой — вот фотка: яхта, море и оба такие счастливые. Женился, судя по фоткам вот недавно.

Алиса всё разглядывала фотографии — особенно те редкие кадры, где Марк вдруг разрешал себе улыбаться по-настоящему: уголки губ чуть выше обычного положения, в глазах что-то мягкое... И совершенно другое ощущение по сравнению с нынешним — теперь он улыбается иначе; холодно и закрыто, словно держит внутри то ли тайну, то ли боль.

Лера перелистнула страницу и тихо усмехнулась:

— Меня вот ещё что цепануло: про друга ясно стало довольно быстро, а романтическая линия? Ведь мужчина с такой внешностью и теми... ну ты поняла... флюидами редко бывает совсем уж один по собственному выбору. Либо строгий аскет, — или у него была какая-то история (и не простая).

— Лера, ты не обязана...

— Обязана. — Лера посмотрела на неё прямо. — Ты моя подруга. И если ты ввязываешься в историю с двухметровым мрачным типом, я имею право знать, с кем именно ты ввязываешься. Это не вмешательство. Это... превентивный анализ угроз.

Алиса не стала спорить. Потому что в глубине души знала: Лера права.

— Так вот, — подруга вернулась к списку фотографий. — Я пролистала всё. Год назад — почти ничего. Два года назад — тоже. А потом нашла вот это.

Лера кликнула на профиль девушки по имени Анна, и тут Алиса — сама не заметила, как — начала рассматривать фотографии, ловя взглядом детали. Вроде бы просто картинки в соцсетях, а уже фантазия дорисовывает характер: что за человек, какая у нее жизнь, почему именно такие фото? И вдруг поняла... так смотрят не просто с интересом или симпатией, а словно перед тобой стоит целый мир, целая Вселенная, которую боишься спугнуть резким движением. Алиса задержала дыхание — это даже на фото было видно: он стоял совсем рядом, но не касался девушки. Казалось, рука сама как-то невольно тянется к плечу, вот-вот дотронется... и каждый нерв натянут до предела.

Девушка на снимке смеялась легко и свободно — в этом смехе не было ни капли стеснения перед объективом или окружающими. Она смотрит прямо в камеру и будто приглашает за собой — жить так же ярко, хохотать назло всем до-

дям в октябре.

А Марк... Он молчаливо ловил этот миг — такими глазами глядят, когда никого вокруг больше не существует. Как если бы сейчас остался только этот смех, эти волосы на ветру и веснушки от солнца. У Алисы внутри стало тягостно от этой сцены: слишком явный контраст с тем выражением лица Марка, которое было для неё привычным, — прохладное, сдержанное, немного усталое после долгого дня.

Вот ведь как оно бывает: иногда один неподдельный взгляд говорит о человеке больше, чем все его слова за год знакомства.

— Так смотрят на единственного человека в мире, — тихо закончила Лера.

— Кто она?

— Анна Белова. Посты — два года назад последний. Почти на всех снимках она с Марком... — Лера вдруг замолчала, будто решая, стоит ли говорить дальше. — Похоже, они были вместе долго. Года три, если смотреть по датам.

Алиса уставилась в экран и продолжала пролистывать — кадры как из домашнего архива. Анна сидит на его кухне, в его футболке, босиком и с кружкой кофе в руках — одна из тех лентяйских субботних утр, когда весь мир умещается между кухней и окном. Дальше: Анна заливается смехом на пассажирском сиденье; спит у него на плече в поезде или где-то между поездками; смотрит не просто внимательно, а с такой нежностью, что сразу становится понятно: в этот мо-

мент весь её космос был занят только одним человеком.

А рядом Марк. Тот самый Марк, но тут он какой-то другой — улыбается открыто и широко (и не так натянуто, как ей когда-то улыбался), держит её крепко за плечи — будто боится потерять даже на миг. И вот тот взгляд — взгляд человека, который нашёл что-то важное и пока ещё верит, что это навсегда.

Знаешь это ощущение, когда совершенно неожиданно под ногами начинает сыпаться пол — казалось бы, еще секунду назад стоял твердо, а теперь уже не понятно, куда делать следующий шаг. Вот Алиса уставилась на фотографию: Анна за руку держит Марка. Просто держит, вроде ничего особенного — но внутри все уже покатилося где-то в сторону. Не скажешь даже, что она что-то не понимала. Она как раз понимала все слишком ясно и осталось только это мерзкое чувство — как будто какой-то хрупкий, невидимый мостик вдруг переломился. Это даже не ревность особо... такая тихая потеря надежды — той самой, которую Алиса всегда гнала прочь, уверяя себя, что его у нее никогда толком и не было.

— Лера... куда она делась?

Лера замолчала на границе двух миров: только что она скроллила ленту инстаграма (все эти чужие улыбки), а теперь зачем-то полезла в новости — стильная попытка сделать вид, что проблем никаких нет. Алиса видела: экран завис на секунду, палец Леры застыл в воздухе над планшетом. Еще миг — и решится, что смотреть дальше.

— Алиса, — Лера сбросила голос почти до шёпота, как будто боялась, что их могут услышать даже стены. — Помнишь... в начале семестра 2024 года, в холле? Этот странный столик, вроде как алтарь...

Алиса нахмурилась. В голове закрутились обрывки воспоминаний — запах воска, чей-то портрет в рамке, парочка завядших цветов. Всё казалось знакомым, но детали ускользали сквозь пальцы.

— Помню, — наконец сказала она. — Там фотография девушки лежала... черно-белая.

— Это была она... — Лера заговорила так тихо, будто боялась разбудить опасную память. — Погибла в автокатастрофе.

Алиса вдруг ощутила ледяную пустоту под кожей: ощущение такое же, как если бы выпил слишком холодной воды и пытался дышать.

Лера опять перевернула к ней планшет и ткнула пальцем: — Вот официальная сводка. Дата — пятнадцатое августа. Я перечитывала её по кругу раз десять... Слушай дальше: это была не обычная авария. Её машину подрезали; на встречу вылетел здоровенный грузовик или фура (до сих пор непонятно). Они попытались уйти от столкновения, машину занесло... Удар пришёлся прямо там, где был водитель. И этот урод просто исчез с места — ни номера, ни даже следов на асфальте, ни одной камеры не зацепило. Следователи потом месяцами ковырялись в этом деле... и ничего не

нашли.

— Марк был за рулём?

— Нет, подожди. Глянь сама. — Лера нашла другую страницу — медицинскую, где всё высушено до костей: ни эмоций, ни жизни, только таблички и формулировки. — А Анна... ну, арматура кузова, железяка эта... она пронзила дверь насквозь и...

Тут Лера запнулась — дальше было уже понятно и без слов. Алиса кивнула едва заметно.

— Она вообще не теряла сознание, — договорила Лера тихо, будто со страхом озвучивая самое страшное. — Врачи потом писали... всё это время она была в сознании. По полицейским сводкам, со слов Марка, он пытался вытащить её из этой ловушки — но не смог. Он просто держал её на руках... держал до самого конца...

— Хватит. — Алиса отвернулась. — Лера, хватит.

— Алиса...

— Я сказала, хватит!

Она вскочила настолько быстро, что стул с глухим толчком откинулся назад — хотя, странное дело, этот звук будто проскользнул мимо неё. Все ощущения внутри слились в одно гудение — тонкое, напряжённое, как если бы кто-то дернул струну внутри, и та вибрирует почти до боли. Она уставилась в окно на мокрые тёмные Раменки — город расплавился за стеклом в пятна света и слёз, но она этого даже не заметила.

Внезапно всё сложилось — словно щелкнули выключателем. В голове встали на место миллионы несостыковок: откуда взялась его отчуждённость, почему так больно ощущалась его отстранённость. Этот веер неуловимого страха при каждом разговоре по душам... И татуировки (ну конечно!), эти замирающие часы, отбрасывающие редкие чёрные полосы по его руке. Это был не стиль, не игра в хулигана. Он носил на коже свою остановленную минуту — ту самую точку во времени, когда что-то оборвалось раз и навсегда.

В цокольном этаже особняка всегда стоял странный коктейль запахов — резина, пот и холодное железо. Смешно, но такой аромат быстро становится своим: вроде бы ничего уютного, а чувствуешь себя здесь почти дома.

Марк висел на перекладине, будто цеплялся за неё не только руками, но и всем, что у него было — мыслями и усталостью. Подбородок выше планки. Замереть. Медленно вдохнуть — так глубоко, как позволяет грудная клетка после двенадцатого подъёма. Выдох. Руки тихонько дрожат, мышцы выкрикивают своё «живо!». Эта боль — совсем не та, от которой хочется спрятаться: наоборот, она надёжная и честная. Если жизнь где-то подводила или путала карты, то мышцы никогда не обманывали — сигнал «работает» всегда однозначный.

Под стенкой своя работа: на коврик устроился Рекс и грызет несчастную кость из резины. Пёс периодически бро-

сает долгий взгляд наверх — с таким видом может смотреть только тот, кто точно знает цену инстинктам человека (и недавно пообещал себе держаться от них подальше). В этих взглядах сквозило нечто древнее — как если бы мудрый и чуть уставший мыслитель наблюдал за чьими-то едва понятными ему молитвами.

Тринадцать... четырнадцать... Каждый раз тело говорило яснее любых слов: *«Я здесь. Я настоящее»*.

Алиса.

Это имя выстрелило в голове — не мыслью, а чем-то резким, под дых. Всё внутри сжалось. Марк стиснул зубы и снова подтянулся на турнике — будто железо могло выбить её из памяти силой мышц. Но куда там. Она уже забралась под кожу и сидела там упрямо.

Всё просто: ему надо было увидеть её сейчас. Не завтра и не послезавтра — руки чесались прижать к себе, так крепко, чтобы между ними не укрылся ни самый робкий вдох. Хотел вновь зарыться носом ей в шею — чёрная смородина, ирис, ещё что-то едва уловимое... Он так никогда и не понял, что это за запах, но он каждый раз цеплял его сильнее любого воспоминания.

Он мечтал поцеловать её так, чтобы она хотя бы на минуту разучилась строить свои логические схемы — чтобы исчезали все эти формулы криминалистики и оставалась только она. Просто Алиса. Его Алиса.

Марк завис на перекладине дольше обычного. Предпле-

чья тряслись, но это была не усталость; это было напряжение, которое он уважал — настоящее, честное чувство без фильтров.

Где-то на полке у зеркала ожил телефон — противный жужжащий звук пронизал воздух, возвращая Марка обратно в свою маленькую комнату и эту непрожитую минуту.

Марк скользнул взглядом вбок — телефон в полумраке светился словно табличка выхода: на экране большими буквами — "Дэн ##".

Ещё три подтягивания — не из необходимости, а скорее из внутреннего ритуала, чтобы дать себе время. Потом он мягко соскочил на пол, и босые ступни привычно встретились с плотной поверхностью матов; этот звук всегда как-то приземляет, возвращает в момент.

Рекс, не теряя времени, оставил свою резиновую кость — пару секунд назад она была делом всей его жизни — и тут же ткнулся прохладным носом Марку в голень. Через мгновение интерес к человеку сменился страстью к кости. Доберманы вообще интересные ребята: всё у них честно дозировано, без драм.

Пауза для глотка воды — лицо в полотенце, взгляд чуть отрёшён — и вот палец уже касается зелёной кнопки Принять. Телефон оказывается на полке так, чтобы видеть собеседника — никакого кокетства перед собственным отражением.

Экран оживает рябью реальности: на фоне мельтешат суматошные аэропортовые декорации. Там куча народу тащит

чемоданы (почти каждый убеждён, что он вот-вот опоздает), табло перелистывает вылеты и прилёты, лениво тянется Duty Free... И среди этой веселой какофонии появляется Дэн. Волосы будто подружились с турбулентностью, солнцезащитные очки зачем-то переместились с носа на макушку — вечная готовность к лету. Улыбка такая широкая, что хочется улыбнуться в ответ через экран. На заднем плане мелькнула Лейла: элегантный тренч, коктейль (почему бы и нет утром?), этот взгляд женщины, которая собирается оставить все деньги мира в парижских бутиках. Всё настолько живое и настоящее, что секунда назад спортзал кажется сном после трансатлантического рейса.

— О, — Дэн прищурился в камеру. — Живой. Я уж думал, ты там совсем одичал. Смотрю — турник, пот, мрачная физиономия. Всё по расписанию?

— Привет, — Марк сел на край матов, свесив ноги. Полотенце перекинул через плечо. — Вы где?

— В Лазурном Береге, — Дэн развернул телефон, показывая табло. — Рейс задержали на сорок минут. Лейла уже третий раз ходит смотреть на витрину с духами. Я считаю, это признак.

— Признак чего?

— Признак того, что она собирается купить половину Duty Free. — Дэн хмыкнул. — Так что готовься принимать беженцев. Скоро будем у тебя.

— У меня?

— А у кого ещё, мрачный? — Дэн усмехнулся. — Ты же не скажешь, что у тебя кто-то есть?

Марк не ответил сразу. Слишком быстро. Слишком заметно.

Дэн, конечно, заметил.

— Ага, — протянул он. — Вот оно что.

— Марк. — Голос у Дэна вдруг стал тяжёлым, обрубил воздух, как если бы он убрал привычную улыбку шутника и вытащил наружу всю свою прямоту. У Дэна так бывало редко — только когда дело действительно имело вес. — Ты мне врёшь. Ну, я же вижу, что-то не то — у тебя меж бровей новая морщина появилась.

— У меня всегда была складка между бровями. Не о чем рассказывать.

— Марк, ну ты гонишь.

— Дэн.

— Я тебе не просто друг из проходного списка в телефоне. Я тебе как родня — только ту, которую ты сам себе выбрал. Вот мне и не надо лапшу вешать.

Марк отвёл взгляд к окну; там на ковре вытянулся Рекс. Пёс встрепенулся и бросил на него такой взгляд, будто упрекал: ну что ты, хозяин, совсем расклеился?

— Серьёзно... — Марк вскинул плечи с почти детским бессилием. — Просто на меня всё вдруг навалилось.

Дэн пару секунд просто молча смотрел — не отводя глаз, будто взвешивал, стоит ли вообще продолжать. Потом улыбка

нулся, и улыбка вышла такая... с привкусом усталости, что ли.

— Ну, если не хочется — никто и не заставляет, — бросил он чуть тише, больше для себя.

Дэн как-то сразу стал спокойнее: развалился в кресле, закинул ноги и сбросил всю усталость одним движением плеча. Телефон протянул неохотно — вот, держи.

На экране появилась Лейла. Всё та же Лейла, только теперь с короткой стрижкой (странное ощущение — видеть её такой впервые после сотни старых фото). Она смотрела прямо в камеру и вдруг улыбнулась той самой своей фирменной улыбкой — той самой, ради которой Дэн когда-то пропал на весь вечер за чужой кухней у друзей.

— Привет тебе, хмурый, — усмехнулась она. — Не поверишь, скучала по этой твоей физиономии.

— Врёшь.

— Ну вот тебе честное слово, — Лейла даже приложила ладонь к груди, как будто принимала присягу. — Каждую пятницу заканчивала тем, что ворчала Дэну: «Давай всё-таки заглянем к Марку, а то он там в одиночестве скоро мхом покроется». А Дэн только отмахивался: «Да не поедет он никуда. Хочет сидеть — пусть сидит».

— Я такого не говорил.

— Да, конечно, говорил! — Лейла даже повернулась к нему с этим своим недоверчивым взглядом. — Ты тогда сказал: «Марк сам выкрутится». А я в ответ: «Какой там сам!

Марк там прячется».

— Да ты и сейчас всё тянешь время, сам знаешь, — голос Дэна снова всплыл из-за экрана, ему бы палец вверх показать для солидности.

— Я не прячусь, — пробурчал Марк, уставившись куда-то в сторону.

— Ну-ну, — Лейла не удержалась от подмигивания. — Конечно нет. Просто у тебя период глубокой медитации. В шикарном особняке. С дворовым доберманом вместо тибетского гуру.

После этого Дэн опять мелькнул в камере — похоже, решил взять ситуацию под контроль:

— Слушай, Марк. Мы тут решили: прилетаем к тебе. И кое-что тебе привезём. Не спрашивай, что именно — пусть будет сюрприз. Увидишь сам.

— Да ну вас... Что вы мне собираетесь привезти?

— Сюрприз.

— Я терпеть не могу сюрпризы.

— Вот именно, что знаем, — Дэн ухмыльнулся и заговорщицки подмигнул. — Именно поэтому и везём тебе — без шансов отвертеться. Ну всё, давай собираться — посадку вот-вот объявят.

Марк кивнул — быстро, чуть заметно.

Экран мигнул и погас. Пауза повисла в воздухе — такая, когда всё ещё звенит после слов или решений. Марк остался сидеть на жёстком мате — в тишине, между звонком и даль-

нейшей жизнью.

Рекс подошёл — бесшумно, как всегда, и осторожно устроил морду на колене. В этих собачьих глазах отражалось то редкое безусловное доверие, которое вообще возможно между двумя существами на планете. Вот про такое обычно пишут «глянул снизу вверх», но тут в этом взгляде было что-то гораздо шире любого описания.

— Всё нормально, Рекс, — выдохнул Марк. Голос его был почти шепотом, как будто он сам себе пытался что-то доказать.

Пёс только фыркнул и не отводил взгляд — ему явно хватало ума не верить этому успокоению.

Марка это даже развеселило — чуть-чуть, едва заметно уголками губ.

— Ну ладно, — сдался он. — Ты прав. Не нормально совсем. Но будет... обязательно будет.

Телефон он убрал в карман механическим движением и вдруг задержал взгляд на турнике у стены. Некоторое время просто смотрел — будто решал для себя очередной внутренний спор: сейчас или потом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.